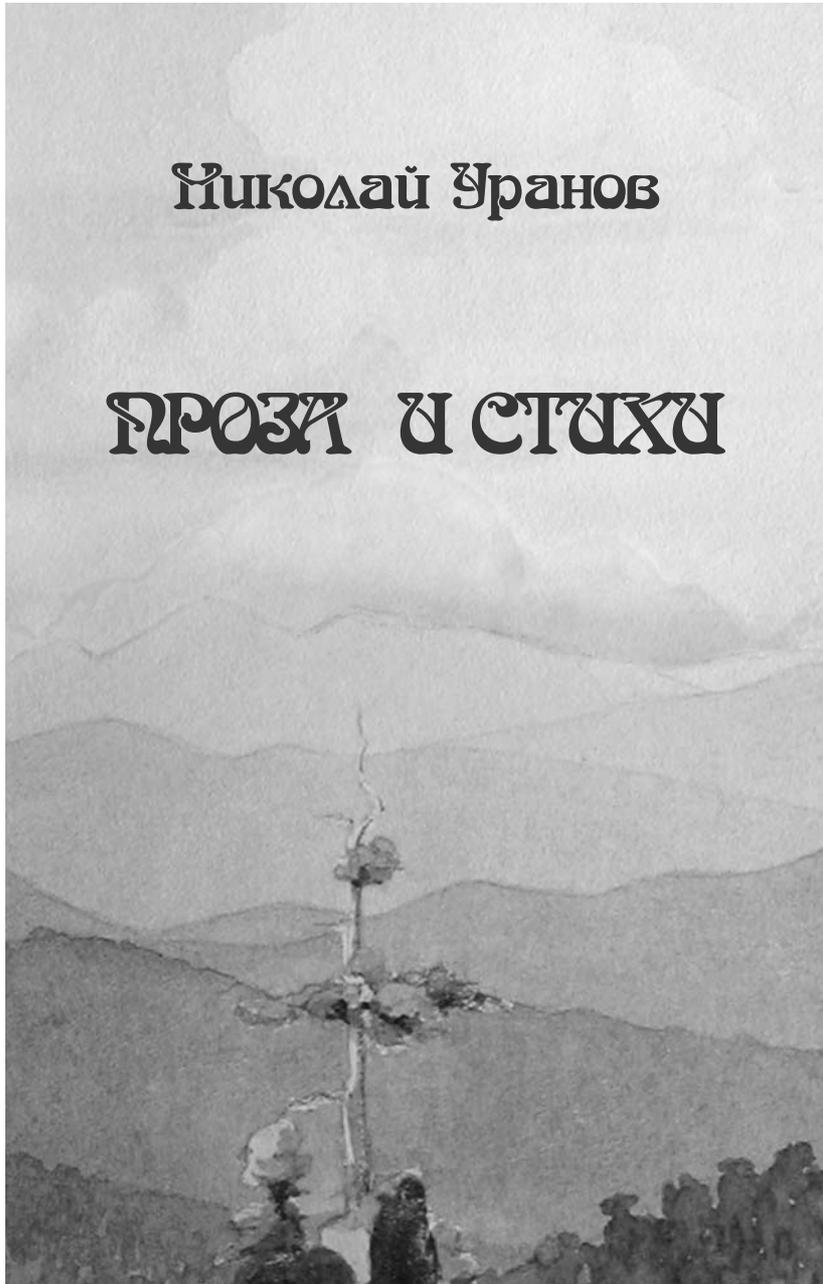

Миколай Уранов

ПРОЗА И СТИХИ

Николай Уранов

ПРОЗА И СТИХИ

Сборник

ВЕРНЫЕ ВТОРОЕ

НОВАЯ СТРАНА

Москва 2005

БК 84.
У 68

Составитель Л.И.Зубчинская

На обложке — акварель Н.Уранова

Николай Уранов

У 68 Проза и стихи
М.: “Новая Струна”,
2005. 248 с.

Данный сборник содержит ранее не публиковавшиеся повести, рассказы, наброски разных лет, а также стихи и поэмы, ранее опубликованные в сборнике “Вперед и выше”, и не входившие в него стихи, собранные в отдельный раздел.

Книга знакомит читателя с новой гранью творчества философа-космиста, последователя Учения Живой Этики Н.Уранова, ранее известного по своим философским произведениям и эпистолярному наследию.

Для широкого круга читателей.

ISSN 0202-0157-16

© Л.И.Зубчинская
© Е.Н. Черноземова:
послесловие, 2005

Предисловие ко второму изданию

Первое издание сборника Н.Уранова "Проза и стихи" вышло в 2004 году небольшим тиражом. Книга быстро разошлась. В настоящее второе издание внесена незначительная корректорская правка, а также добавлена статья доктора филологических наук, профессора Е.Н.Черноземовой "Вникнув в тайну Бытия" о литературном творчестве Николая Уранова.

*Л . М . Г и н д и л и с
Июнь 2005 г.*

Предисловие к первому изданию

Николай Уранов известен читателю, интересующемуся духовными вопросами, главным образом по его философским произведениям, в которых разрабатываются проблемы Живой Этики. Упомянем сборник его философских очерков и эссе "Огненный подвиг", книгу записей-ментограмм "Жемчуг исканий" и многотомный труд "Размышляя над Беспредельностью". Но Уранов был не только философом-космистом, он был также талантливым поэтом и писателем. К сожалению, большинство его прозаических произведений утеряны в сложных жизненных перипетиях. С большим трудом удалось сохранить лишь малую часть из них. Стихи Н.Уранова частично опубликованы в небольшой книжечке под названием "Вперед и выше" (Рига—М., 1996). Очень музыкальные, наполненные лирическим чувством, романтической борьбой, глубоким философским содержанием, стихи встретили горячий отклик читателей. Книжка эта давно разошлась.

В настоящий сборник включены две повести ("Из глубины времен" и "Соната В-мол"), рассказы, наброски, размышления разных лет и поэтические произведения.

Повесть "Из глубины времен" отсылает нас к временам Атлантиды. Войны, предательства, любовь — вечные проблемы, в которых с тех далеких времен бьется измученное человечество... Центральную роль в описанной драме играет, конечно, любовь. Разворачивая захватывающий сюжет повести, автор попутно

дает разъяснение Космического закона взаимодействия Начал. “Соната В-moll” повествует о событиях нашего времени. Здесь также центральную роль играет любовь, но подняты и другие проблемы, среди которых важнейшей является духовное совершенствование через творческий труд. На фоне драматических событий в жизни героев разъясняется устройство Мироздания и основные законы Бытия.

Невозможно без волнения читать короткие, выразительные и такие разные новеллы автора. Например, “Камень Наполеона” — об исторической ошибке великого полководца, или “Музыка Листа”, или “Посещение отшельника”. К сожалению, обрывается, вероятно, на самом важном месте, “Листок дневника”... И, конечно, вновь тема любви — тема, к которой автор многократно обращается в своих философских произведениях (наиболее подробно она разработана в его “Тайне Любви Начал”). На этот раз — почти автобиографическая “История одной любви”.

Поэтические произведения разбиты на четыре раздела. В первый вошли поэмы “Майя” и “Рассказ Марии Магдалины”. Во втором разделе “Песнь сердца” собраны стихи, которые можно отнести к философской и гражданской лирике. Третий раздел “Лебедь на синей воде” — личная лирика. Здесь можно выделить два этапа: до и после 1944 года. Первый этап пронизан острым ожиданием любви, поисками подруги жизни; для него характерен мотив разлуки с возлюбленной, повторяющийся в разных вариантах, в котором, вероятно, отразились как реальные переживания, так и предчувствия предстоящих событий. Во втором цикле нашли отражение выпавшие на долю автора тяжелые испытания и светлые чувства обретенной любви. Все произведения этих трех разделов были ранее опубликованы в сборнике “Вперед и выше”. Стихи, не входившие в него, собраны в заключительный, четвертый раздел. Частично они публиковались в журналах “Мир Огненный” и “Культура и время”.

Сборник составлен Л.И.Урановой-Зубчинской, женой, другом и соратником Николая Уранова.

*Л. М. Гиндилис
Март 2004 г.*

A decorative rectangular border with ornate, symmetrical flourishes at the top and bottom centers, and smaller ones at the corners. The border is composed of two parallel lines with decorative elements between them.

Из глубины времен

повесть

Глава 1

Утром Вера Ивановна, жена инженера Туманова, заметила, что муж ее спит дольше обычного, но, зная, что вчера он засиделся над каким-то проектом и лег только в первом часу, она решила не тревожить своего молодого супруга и, поставив завтрак в духовку, отправилась на базар. Вернувшись через час, Вера Ивановна застала мужа по-прежнему спящим в том же положении.

— Это уж слишком, дорогой, — сказала она и слегка потрясла его за плечо, но Андрей и не думал просыпаться. Молодая женщина потрянула его сильнее, однако он издал только легкий стон и, даже не дрогнув веком, продолжал пребывать в каком-то глубоком необыкновенном сне.

— Андрюша, проснись! — встревожено воскликнула она и принялась трясти его изо всех сил.

Тогда Туманов открыл глаза и, вздрогнув, посмотрел на жену ничего не понимающим взглядом, в котором вспыхнуло величайшее удивление.

Она испуганно отшатнулась:

— Андрюша, что с тобой?!

Он приподнялся на постели и тотчас, заметив свою наготу, смущенно накинул на себя одеяло. Этот жест поразил жену. В летние жаркие ночи он спал всегда обнаженным, поднимаясь утром, нисколько не стеснялся супруги и обычно делал несколько гимнастических упражнений, прежде чем начать одевание.

— Что с тобою, милый? — растерянно повторила свой вопрос Вера Ивановна, но Туманов, не менее растерянно глядя на нее, сказал что-то совершенно непонятное, заставив ее весело расхохотаться. Успокоившись, она сказала:

— Ну, дорогой, довольно шутить. Вставай скорее, завтрак уже давно остыл.

Туманов тоже улыбнулся, но как-то растерянно и странно. Сердце Веры Ивановны забилося испуганно и тревожно. Страшная мысль мелькнула в ее сознании.

Заметив резкую перемену в ее лице, Андрей виновато посмотрел по сторонам и опять произнес что-то совершенно несуразное.

— Ты будешь одеваться? — нетвердым от волнения голосом спросила Вера и протянула ему белье дрожащими руками.

Андрей как-то неуверенно взял белье, с удивлением рассматривал его несколько минут, вдруг радостно закивал головой и, юркнув под одеяло, принялся там одеваться. Вера, затаив дыхание и прижав руку к сердцу, которое пыталось выскочить из груди, с напряжением наблюдала за ним.

Не сразу одевшись, Туманов вынырнул из-под одеяла в рубашке, одетой шиворот-навыворот. Встав с постели и поклонившись Вере, он с любопытством стал рассматривать себя. Лицо его вдруг сделалось озадаченно-серьезным, на лбу появился пот; он провел рукой по волосам, потер глаза и снова в каком-то изнеможении опустился на кровать. Движения его были хотя и странными, но вполне разумными, и Вера не находила дальнейшего подтверждения страшной догадке.

— Андрюша, милый, ты, может быть, болен? — В голосе ее было столько нежности и сострадания, что Андрей был явно растроган. Он развел руками и отрицательно покачал головой.

— Тум как аратана! — воскликнул он так искренне, что Вера не удержалась от взрыва веселого смеха.

— Андрей, паршивец! Это уж слишком, — сказала она, насмеявшись вдоволь. — Сколько можно дурачиться? — Она села рядом с ним и, обняв его, хотела прижать к себе, но Туманов проявил такое замешательство при этом, что Вера снова в испуге отпрянула от него.

— Боже, что же мне делать? — Она прикусила нижнюю губу, чтобы не заплакать, и вышла в кухню, где вспомнила, что очень часто сумасшедшие не принимают первое время пищу.

Достав из духовки завтрак, она прямо через столовую принесла его в спальню и поставила на тумбочку рядом с Тумановым. При виде завтрака он встал, поклонился ей низко, прижав обе руки к сердцу, каким-то церемонным восточным поклоном, с любопытством пощупав посуду, открыл крышку кофейника, налил в чашку кофе, взял пышку и принялся есть, немного морщась при глотании.

Не зная, что думать, Вера остановила его, налила в чашку молоко, положила сахар и, размешав, подвинула чашку к мужу. Он попробовал немного и, радостно улыбнувшись, закивал головой.

— Ритцу... Я! Ритцу, — удовлетворенно произнес он и, немного поев, деликатным жестом отодвинул чашку, снова встал и поклонился Вере.

— Еще? — спросила Вера, показав на кофейник.

— Лай, лай! — отрицательно покачал головой Андрей, но, не слушая его, Вера стала наливать в чашку кофе, однако, остановив ее руку, он сам наполнил чашку, подлил молока и, положив сахар, весело заработал ложечкой.

Смутная информация о потере памяти, когда-то где-то вычитанная, всплыла на поверхность ее сознания, и она решила проверить свое предположение.

Убрав завтрак, Вера достала носки и, надев ему один, заставила другой надеть самостоятельно. Потом показала, как надеваются брюки, и предложила мужу надеть их, что он сделал легко, легко застегнул ремень, но застегивать пуговицы учился очень долго. Долго удивлялся галстуку, смеялся ботинкам, с любопытством одергивал пиджак.

После окончания одевания Вера, взяв его за руку, как ребенка, подвела к зеркалу, стоявшему на комод. Взглянув в зеркало, Андрей дико вскрикнул и схватился за сердце, потом, взглянув еще раз, сел на стул и задумался о чем-то, шепча непонятные слова. Лицо его сделалось строгим, и в нем не было тени безумия.

Вера взяла гребень и хотела показать ему, как надо причесываться, но Андрей подошел к зеркалу и сам зачесал волосы назад, хотя обычно носил прическу с пробором. Потом он захо-

дил по комнате взад и вперед. Остановив его, Вера показала на себя:

— Вера!

— Вера! — повторил Андрей и понимающе кивнул головой.

— Не вераг, а Вера, — поправила она.

Но выговорить правильно имя жены Андрей не мог. Показав пальцем на него, Вера сказала:

— Андрей!

Туманов недоуменно посмотрел на нее, потом отрицательно покачал головой и, показав пальцем на себя, решительно назвал:

— Карту!

“Что же это такое еще? Одна версия отпадает. Здесь не потеря памяти, это что-то совершенно непонятное и даже особенное. Необходимо вызвать врача”, — так рассуждала Вера и решила эту мысль осуществить немедленно.

Объявив знакомым и служебному начальству, что Андрей серьезно заболел, Вера Ивановна посетила известного психиатра; последний выслушал ее внимательно и спросил:

— Скажите, Ваш муж ничем не увлекался особенно сильно?

— Кроме дела своего — еще охотой.

— И больше ничем?

— Ничем!

— Были ли у него какие-нибудь странности прежде?

— Никогда ничего странного не замечалось.

— Не был ли он временами задумчив, рассеян, забывчив?

— Нет, никогда.

— Родители его живы и здоровы?

— Живы, но они проживают в другом городе.

— Напишите им срочно и попросите ответить на эти вопросы. — Доктор быстро написал несколько строк на бумаге.

— Через два часа я буду у Вас. Этот случай меня интересует, — добавил он, протягивая руку.

Андрей Туманов встретил доктора как вполне нормальный чужестранец, плохо знакомый с обычаями этой страны, но, несомненно, очень воспитанный, с большим достоинством. Он

охотно дал обследовать себя. После тщательного осмотра и обследования, которое Андрей позволил произвести без всякого сопротивления, доктор развел руками.

— В моей практике, да, пожалуй, и в нашей науке, — это первый и, можно сказать, единственный случай какого-то редчайшего психического недуга. Но не отчаивайтесь, позаботьтесь, чтобы он побольше спал.

И, выписав больному снотворное, доктор удалился, обещая зайти через день.

Преклоняясь перед волей всемогущей науки, Вера Ивановна занялась обучением русскому языку своего несчастного мужа, который оказался очень способным учеником. Он быстро освоил обращение с карандашом и бумагой и в свою очередь, не желая остаться в долгу, стал обучать Веру Ивановну какой-то странной грамоте и какому-то неизвестному языку.

С возрастающим любопытством, чувствуя, что в этом кроется разгадка тайны, Вера Ивановна с увлечением отдалась этому занятию. С некоторым трудом она освоила много иероглифов, совершенно не похожих ни на один из существующих или существовавших когда-то языков. Значение этих иероглифов Андрей объяснял с помощью странных рисунков.

В свободное от занятий и прогулок время Андрей принялся что-то писать и, заполнив целую тетрадь, стал переводить ее Вере Ивановне. Они составили обширный словарь, который, по словам Андрея, понадобится для перевода рукописи.

Доктора тщетно бились над непонятным случаем и строили сложнейшие, запутанные гипотезы супернаучного характера, столь сложные, что одни переставали понимать других, пока однажды утром не случилось ужасное происшествие.

Проснувшись утром, Вера Ивановна, которая спала на кушетке в столовой, так как Андрей не признавал ее своей женой, услышала над собою голос, который с возмущением говорил на чисто русском языке:

— Ты что, с ума сошла что ли? Почему ты спишь здесь?

Вера Ивановна дико вскрикнула:

— Андрюша!

И со слезами бросилась ему на шею.

Андрей Туманов, совершенно ничего не понимая, страшно возмущался, когда ему рассказывали о его чудачествах, и считал, что ему напрасно приписывают авторство записей, содержащихся в кипе бумаг, бережно сохраненных Верой Ивановной, которая была рада возвращению мужа лишь вначале, а потом грустила о потере галантного Карту.

Доктора объявили, что им дурачили голову, и только один человек на свете — Вера Ивановна — не мог не верить в истину случившегося. Она, пользуясь составленным словарем (приписанным ей), перевела рукопись Карту.

К ее большому горю многие места в этой рукописи были совершенно непонятны: описывались предметы, которые не походили ни на что известное истории или существующее ныне. Собственные имена были написаны Карту русскими буквами.

Все удивлялись способности Веры Ивановны, которая до сих пор ничем себя не проявила и вдруг изобрела такую странную письменность, и сожалели только о том, что ее богатая фантазия не может быть применена на что-либо реальное.

Но Вера Ивановна имела обо всем этом иное мнение: она была глубоко убеждена, что Андрей в силу каких-то неизвестных еще пока науке обстоятельств пережил одно из своих древних воплощений.

Рукопись начиналась так:

«Я знаю, что умер. Я ярко помню этот последний момент падения в черную бездну. То, что сейчас происходит со мной, мне странно и непонятно. Я снова живу, живу в какой-то неизвестной мне стране, где все мне незнакомо, начиная с цвета кожи моей и окружающих меня людей, всех предметов, всех произносимых вокруг меня слов и многих движений.

Милая женщина, которая так заботится обо мне, не похожа ни на жену, ни на Тимет и далека от совершенств Аллаи. Если все, что происходит сейчас — не знаю, на небе или на земле — правда, то, вероятно, она Ангел небес. Я пишу все это, чтобы успокоить ее, ибо она в большом недоумении. Постараюсь же все объяснить.

Я родился в семье корабельного плотника. Отец хорошо строил корабли и к моменту моего рождения был очень богат. Меня он направил по своему пути. Я научился строить корабли и проявил себя как способный изобретатель.

После смерти отца я стал первым строителем самой мореходной страны. Со мною считались и богатейшие купцы, и полководцы. Жизнь складывалась очень счастливо, пока не произошли события, которые необходимо описать подробнее.

Точно гигантские змеи, сверкая золотисто-серебряной чешуей, по дорогам обреченных стран ползли непобедимые колонны воинов Асату. Они обвивались своими кольцами вокруг городов покоряемых стран, и, как хрупкие скорлупки, рушились стены неприступных твердынь. Так пали города Тацлау — богатый и кипучий Амру, Бардову и, после четырехлетней осады, сердце Тацлау — прекрасная столица Тацламакан. На месте этих еще недавно бурно цветущих оазисов жизни лежали страшные обгорелые развалины, а над столицей, павшей уже два месяца назад, стлался кровавый дым догорающих дворцов и храмов когда-то великого народа — Тацлау, ибо его больше не существовало.

Все избежавшие гибели были захвачены в рабство и должны были забыть свой звучный язык — язык певцов и поэтов.

Так государство Тацлау разделило участь почти всех соседних стран, и, казалось, не было такой силы, которая остановила бы закованных в медь и железо непобедимых воинов Асату, и только превосходство нашего флота заставляло медлить с вторжением на наши острова грозного завоевателя, гордого царя Асату — Бейбуцу Второго.

Спустя семнадцать дней после падения Тацламакана, в четвертый день месяца Дракона, наш старый царь Варту Црабети собрал представителей всех сословий во дворе храма Имешь — покровительницы нашей страны — и обратился к ним с речью.

— Люди Пятлау! Над нашей страной нависла грозная опасность. Варвары Бейбуцу Второго растоптали, сожгли и утопили в крови последний оплот нашего союзника — Тацламакан пал! Народа Тацлау больше не существует. Страшный завоеватель

подошел к нашей стране, и только узкая полоса моря отделяет нас от полчищ Асату.

Я сожалею, что мы не могли своевременно бросить на помощь изнемогающим в неравном бою союзникам наши войска, ибо по расчетам моим это была бы красивая, но бесполезная жертва.

В течение семи лет мы снабжали Тацлау хлебом и оружием, и, когда флот Асату вздумал воспрепятствовать операциям наших кораблей, мы разбили и уничтожили его в славном сражении у Дамкау. Этим на несколько лет мы обеспечили безопасность наших берегов. Но нет никаких сомнений в том, что враг попытается создать новый флот и, в конце концов, рано или поздно обрушится на наши берега!

Вы знаете о коварстве Бейбуцу Второго, вы знаете, как, усыпляя бдительность соседей красивыми договорами, он в подходящий момент вероломно их нарушал. Все же, зная это, я искал пути для того, чтобы сговориться с Асату, и Бейбуцу обещал мне не трогать Тацлау, на долю которого приходилась половина наших торговых дел. За это он требовал корабли и рабов, которые могли бы обучить его корабельному делу. Я отдал ему все наши негодные корабли и, как знак особого внимания, послал наших вольных строителей с приказом строить только слабые и уязвимые корабли, которые были бы не опасны для нас. Я отказался от посылки рабов, зная, что они, не задумываясь, выдадут ему все секреты нашего мастерства.

Мне удалось усыпить бдительность варвара. И Бейбуцу, покоря соседей, не трогал Тацлау и не препятствовал торговле наших купцов.

Но вот, задумав коварное, он прислал сватов к принцессе Либет, лучшей из девушек Тацлау. Вы знаете, что Либет была помолвлена с сыном моим, Иноу. Варвар задумал путем интриг, мирным путем, завладеть престолом Тацлау. Все же, несмотря на оскорбление, я советовал царю Танну ради благополучия народа Тацлау расторгнуть помолвку и отдать дочь в жены Бейбуцу Второму. Но царь Танну не смог преодолеть отеческой любви к своей прекрасной дочери и, ссылаясь на то, что она уже помолв-

лена, отклонил предложение Бейбуцу. Варвар ответил немедленным вторжением...

Царь Варту Црабети говорил со все нарастающим негодованием, и речь его часто прерывалась ропотом и возгласами возмущения. Он приказал лучшему оратору Патлау изложить собравшимся дальнейший ход событий, и последний, не скупясь на краски, ярко обрисовал героическое сопротивление Тацлау и ту страшную участь, которая постигла его народ. Особенно потрясающим был рассказ об осаде и гибели Тацламакана, закончившейся гнусным убийством всей семьи царя Танну, когда красавица Либет была посажена на кол в присутствии отца.

— Хорошего мужа выбрал ты своей дочери, Танну, — смеялся Бейбуцу над несчастным. — Ты вместо меня решил породниться с колом, чего же ты теперь плачешь?!

И когда Танну плюнул ему в лицо, он зарубил его собственноручно.

Когда стих рев негодования, Варту Црабети снова заговорил:

— Люди Патлау! Теперь такая же участь грозит и нашей стране, и вы видите, что нам больше ничего не остается, как встать на дорогу войны. Пока мы имеем превосходство нашего флота, мы можем не опасаться вторжения врага. Наша судьба зависит от силы нашего флота, но мы не ограничимся только пассивной обороной, мы создадим могучую армию и разобьем Асату на суше! Мы ограничим себя во всем, но сделаем эту армию непобедимой!

— Смерть варварам! — закричали собравшиеся.

На следующий день я был вызван во дворец к самому Варту Црабети и застал его в обществе своих военачальников и водителей флота. Подняв меня с колен, Црабети ласково сказал:

— Карту, ты строишь хорошие корабли, но теперь тебе придется умножить усилия. Скажи, что нужно тебе, чтобы удвоить количество кораблей нашего флота, и сколько времени тебе потребуется на это?

Я попросил разрешения подумать и, оговорившись, что могу дать лишь предварительные данные, назвал все необходимое и предельно короткий срок. Мой ответ удовлетворил и царя, и

военачальников. Они еще раз похвалили меня, и, польщенный, я сообщил, что у меня имеются проекты еще более совершенных кораблей.

Мне возразили, что теперь не время осуществлять проекты подобного рода, и посоветовали строить по уже имеющимся образцам, утверждая, что и таких кораблей противник никогда не построит. Я высказал опасение, что среди захваченных в плен тацлаусцев могут оказаться способные кораблестроители, но мне пояснили, что по имеющимся сведениям весь флот Тацлау погиб вместе со строителями еще при осаде и взятии единственного порта Тацлау — Бардову.

Вернувшись домой, я немедленно прошел в свою рабочую комнату и только приготовился заняться расчетами, как вошел раб и сказал, что меня хочет видеть Тимет — любимая рабыня жены. Не отрываясь от вычислений, я кивнул головой. Тимет вошла и, прижав обе руки к груди, низко поклонилась.

— Ну, что там? — спросил я, не отрываясь от работы.

— Госпожа хочет видеть тебя. — Тимет произнесла эти простые слова, точно это было какое-то священное песнопение.

Сделав сложные расчеты, сложение крупных цифр и определив, наконец, необходимые условия для расширения строительства, я взглянул на Тимет, которая тотчас же опустила глаза. Я заметил, что она одета в старое платье жены, и подумал, что на жене это платье выглядело отвратительно (что я ей в свое время высказал), а на Тимет оно сидело отлично, и я заключил, что иногда не одежда украшает людей, но люди одежду. Вероятно, жена учла мое порицание и подарила платье Тимет, сняв с него драгоценные украшения.

— Что, Тимет, давно госпожа подарила тебе свое платье?

— Уже давно. — Она чуть приподняла веки и опустила их снова, слегка покраснев.

— Что-то я не видел тебя в нем прежде.

— Я надела его только сегодня.

Посмотрев на стройную бронзу ее высоких ног, красивую грудь, едва скрытую длинной пеленой полупрозрачной золотой

материи, на длинные стрелы опущенных черных ресниц, на волнистые волосы, схваченные золотой змеей и спадающие густым потоком за спину, оттеняя красивый рисунок плеч, я молча вздохнул и, чтобы отогнать грешные мысли, спросил:

— Ну, что там с госпожой?

— Не знаю. Она очень печальна и уже несколько раз спрашивала, не возвратился ли ты. Она просит тебя придти к ней.

— Сейчас приду.

Тимет медлила уходить.

— Ну, что еще?

Она перевела глаза с одной стороны в другую, потом опять потупилась, опустив длинные ресницы.

“До чего же она хороша!” — подумал я, чувствуя, что в медлительности ее скрывается какое-то желание.

— Нет, больше ничего... Это все...

Она поклонилась, медленно повернулась и, не прощаясь, пошла, опустив голову.

Я почувствовал легкое сердцебиение. Эта рабыня уже давно своей женской чуткостью уловила, что она мне нравится, и изящно и тонко искушала меня. Уже давно я боролся с соблазном нарушить строгую мораль нашей страны, осуждающую связь с рабами как государственное преступление, но эта игра продолжала нарастать.

— Тимет! — тихо окликнул я ее.

Она остановилась и замерла, не оглядываясь. Я почувствовал, что наступила развязка.

— Ты что-то хочешь сказать, но не решаешься, так, Тимет?

— Так, — ответила она, не оборачиваясь.

— Говори смелее, в чем дело?

— Нет, я не могу... Это ужасно...

В ушах у меня зазвенело, и все расплылось в неопределенные формы, кроме стройного, упругого тела Тимет. Я поднялся и сделал шаг по направлению к ней. Она порывисто обернулась.

— Не надо, господин мой, не надо... А вдруг госпожа узнает... — шептали ее дрожащие губы, а руки крепче оплетались вокруг меня.

Тимет ушла с улыбкой, сверкая огненным взглядом, но после ее ухода я почувствовал себя преступником, грязным и недостойным, однако почему-то не очень огорчился своему падению.

Приказав наполнить бассейн водой и тщательно вымывшись, я отправился через длинный коридор в левое крыло дома, где находились покои жены и детская комната.

В свое время брак умножил мою славу и богатство. Я породнился со старинным родом, и это окончательно прекратило шепот о том, что знаменитый строитель и конструктор кораблей происходит из семьи простого плотника.

Все считали этот союз во всех отношениях безупречным, но никто не думал о том, достаточно ли мы любим друг друга для того, чтобы пройти весь жизненный путь безупречно! Признаюсь, что и я думал об этом мало, даже в тот момент, когда просил руки Иит у ее отца. В ореоле славы и уважения своего знатного рода, всегда роскошно одетая, окруженная толпой слуг, она казалась мне такою обаятельной, что я, признаюсь, и не думал о ее внутреннем мире, о необходимости гармонии наших душ и устремлений.

В первый же период нашей семейной жизни это сказалось. Иит оказалась пустой и скучной подружкой. Мое творчество не увлекало ее. Она смотрела на него как на источник нашей славы и богатства, и только поэтому мирилась с ним. Ее увлекали пиры, но после рождения второго ребенка она охладела и к ним, стала толстеть и вся ушла в воспитание детей.

На четвертый год, разочаровавшись в семейной жизни, я всецело отдался работе, по мере сил стараясь быть честным отцом и супругом, но в тайниках сердца я все-таки мечтал о такой женщине, с которой бы мог быть счастливым.

Жена осыпала меня упреками, что с моей работой я совсем забыл ее и детей, и, наконец, сказала, что очень встревожена событиями и беспокоится за меня и наше будущее. Чувствуя себя виноватым, я успокоил ее, подчеркнув, что наше благополучие тесно связано с моей работой.

— Подумай, что будет с нами, если наш флот не станет господствовать на море?

И я описал ей страшную картину осады и гибели Тацла-макана.

Весь этот вечер я провел вместе с нею, и когда зажгли светильники, мы вместе прошли к детям и уложили их спать. Я чувствовал, что жена хочет, чтобы я остался с нею на ночь, но, ссылаясь на необходимость подготовить к утру расчеты, я возвратился к себе и работал до глубокой ночи. Закончив необходимые расчеты, я прошел в спальню и, сев за стол, чтобы как-то развеять мысли и хоть на мгновение отдохнуть от всего, вспомнил о происшедшем с Тимет.

“А вдруг она захочет иметь ребенка?” — мелькнула у меня глупая тревожная мысль. Едва я отогнал ее, как другая тревога опять засверлила сознание: “А что, если эта тайна раскроется?” Правда, закон существует, чтобы его нарушать. Ведь много я знал случаев обнаруженной связи с рабынями, но если для женщины это кончалось позорной смертью и было явлением крайне редким, то мужчины отделялись дешевле.

Успокоив таким образом себя, я уже приготовился лечь, как вдруг неожиданно, слегка затрещав, погас светильник, и в комнате стало совершенно темно. Я хотел позвать раба и приказать ему наполнить сосуд горячим, но, подумав, что свет мне теперь не нужен, я остался сидеть у стола, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте, чтобы пройти к постели. В доме было совершенно тихо, и с улицы не долетало ни звука. Внезапно я ощутил едва заметное дуновение, как будто кто-то прошел вблизи. Я вспомнил о духах ночи, и мне стало не по себе. По спине пробежала дрожь.

— Господин мой, — услышал я тихий шепот и сразу понял, что он принадлежит Тимет, — не бойся, это я...

— Как ты очутилась здесь в такой поздний час и почему я не заметил, как ты прошла? — также шепотом спросил я ее.

— Уже давно я прокралась сюда и ждала тебя так долго, а когда ты пришел, я не решалась подойти и, спрятавшись за пологом ложа, ждала чего-то...

— Это нехорошо, Тимет, — начал было я, но нежные руки обхватили меня, и эти руки, без слов говоря так много и крас-

норечиво, не разжимались уже до первых проблесков рас-света.

Началась лихорадочная работа. Пожар военной грозы охватил страну. Нарастающий боевой пыл требовал выхода, и вот как-то под покровом ночи громадный флот, покинув базы, вышел в неизвестном направлении. Одновременно значительные морские силы подошли к берегам Тацлау, на которых сосредоточились главные силы Бейбуцу Второго, захватили и сожгли несколько кораблей противника, потопив массу мелких суденышек, оживленно сновавших у берегов. В нескольких местах наши десантные войска сделали демонстративные высадки и потрепали отдельные легионы Асату.

От захваченных пленных узнали о том, что Бейбуцу готовится к вторжению и делает какие-то приготовления к форсированию пролива.

Уставший от работы и утомленный напряжением, вызванным отношениями с Тимет и женой, я нашел необходимым для себя хотя бы короткий отдых и, не раздумывая много, отправился в горы охотиться. В этих случаях я всегда посещал отшельника Цраману, жившего в скромной хижине среди высоких скал и непроходимых лесов.

Дойти до него было нелегко, но место вокруг его жилища было полно такой чудесной дикой прелести, что преодоление преград было не большой платой за это. Кроме того, я очень любил и уважал мудрого старца, у которого всегда можно было почерпнуть духовную бодрость и приобщиться к глубине высоких идей и чувств.

Он занимался сбором лекарственных трав и был большим знатоком растений. Я приходил к нему всегда один, и старец встречал меня радушно и ласково, но сегодня, несмотря на то, что мы уже давно не виделись, он встретил меня довольно сурово. Пристально посмотрев на меня, он в ответ на мое приветствие сказал:

— Изменилось лицо твое, Карту, и хотя стало мужественнее, но на этом мужестве наложена печать порока... Впрочем,

хорошо, что ты пришел, может быть, сердце привело тебя вовремя.

Я был смущен, но ничего не скрыл от старика. Выслушав меня, тронутый моей откровенностью, он смягчился:

— Я не осуждаю тебя: и весна, и лето, и осень — все имеет свою прелесть, которую нельзя не использовать, ибо она есть та радость, которая вдохновляет на жизнь. Любовь — это красота твоего сезона, и я понимаю, что без нее грешно прожить, но еще грешнее раздавить этот лучший цветок жизни, вместо того чтобы насладиться его ароматом и цветом. Связь твоя с Тимет — это, конечно, только приказ природы, требующий размножения тел, и если бы ты любил ее хотя бы частью своей души, я даже оправдал бы тебя; но теперь ты создал причину, следствие которой может в конечном итоге причинить тебе одно только страдание. Одно могу посоветовать тебе: найти мужество и не усугублять эту опасную причину.

— Црамана! — воскликнул я, едва лишь окончил он говорить. — С сегодняшнего дня я даже не прикоснусь к Тимет, но, видно, мне никогда уже не встретить женщину, с которой я мог бы быть счастливым. Теперь я весь уйду в работу, а все свободное время посвящу воспитанию детей!

— Ты прав, — ответил Црамана. — Каждый мужчина имеет единственную женщину в мире, с которой он может быть абсолютно счастлив, и это счастье есть высшее счастье не только на земле, но и в пространстве. Любовь к этой женщине есть постоянный источник сил, вдохновляющий его на творчество (в чем бы оно ни выразилось). Если в самом низком аспекте красотой своего тела она вдохновляет его на творение потомства, своими бедрами и грудью указывая на производительную силу материнства, а стройностью ног и красотой лица — на способность дать лучшее тело своим детям, то в высшем аспекте она вдохновляет его на творение духовных детей — на создание прекрасной музыки, великолепных картин и стихов, на созидание кораблей и домов, на создание мудрых законов, на героические подвиги. И не этим ли притяжением начал созданы миры, устремленные в вихрях

космического танца к недостижимой красоте бесконечного Совершенствования?!
— Но почему же мы так редко встречаем ее? — воскликнул я, пораженный величием открывшейся мне идеи.

— Мы сами виноваты в этом: мы требуем от женщины тех качеств, которыми не обладаем сами; а на чем же другом, как не на гармонии высших качеств мы можем объединиться с ней. И все же она существует. В далеких веках мы пережили с нею лучшие и самые сильные чувства и ими связали себя навсегда. И если она в этой жизни не пришла, то в мире тонком или в следующей жизни эта встреча неизбежна, как неизбежна смерть.

И лучше будет для нас, если мы очистимся вне этих встреч, чтобы соединиться вновь в одеждах, сотканных из чистого Света. Работай над собой, углуби понимание взаимосвязи начал, очисти свое отношение к женщинам, и час встречи твоей пробьет. Может быть, она уже близко, и близкая тебе душа уже облачилась в тело. Может быть, в ее новом теле, черном или красном, ты не сразу узнаешь ее, но сердце подскажет, и блеск ее глаз сразу же покажется тебе знакомым. Смотри, только не ошибись и не найди ее у чужого очага. Как часто, тоскуя в глубинах сердца о ней, но относясь порядочно к тем женщинам, с которыми сталкивает жизнь, мы ближе подходим к “ней”, чтобы, так очищаясь, когда-нибудь встретившись, не разлучаться с нею никогда!

— Црамана! Значит, и ты имеешь подругу?

— Значит, и я, и следующая встреча наша уже близка. Она ожидает меня, и я готовлю лучшие одежды для свидания.

— Но где же она?

Отшельник улыбнулся, но не ответил.

— А я, Црамана, когда же встречу ее, в жизни этой или в следующей?

— Кто знает волю Богов! — сказал он задумчиво. — Она написана в звездах, и не всякий прочтет их тайные письмена.

Мы оба посмотрели на небо, где в сгущенной синеве сверкали, как золотые слезы, далекие миры, такие же далекие и недоступные, как настоящая и непреходящая любовь. Вокруг царило торжественное молчание; воздух, насыщенный ароматами хвои, свежел и с каждым часом становился прохладней. Отшельник

пригласил меня в хижину и растопил очаг. Мы отведали лепешек с медом и, запив этот скромный ужин ключевой водой, заснули на ворохе душистых трав.

Пробыв у Цраманы три дня, я возвратился домой, счастливый и успокоенный. Однако порвать с Тимет оказалось нелегко: молодая женщина, разгадавшая мое намерение, заявила, что день нашего разрыва будет последним днем ее жизни. Зная ее характер, я не сомневался, что это так и будет. “Что бы в этом случае посоветовал мне Црамана?” — подумал я и, не найдя ответа, просто решил вопрос, покинув на время дом, чтобы не усугублять событий.

Под предлогом необходимости постоянного личного руководства строительством я переселился в порт Гафу, где находились верфи, думая там совместить приятное с полезным, и без всякой огласки занялся постройкой первого корабля по новой модели.

Это судно должно было превышать скорость самого быстрого корабля Тацлау в два раза (по крайней мере), и оно было вооружено бортовыми таранами, способными пробить борт любого корабля, действуя самостоятельным рычагом, а не за счет тяжести и скорости хода корабля. Даже при средней маневренности противника таранить носом было нелегко, но мое новое изобретение давало возможность действовать наверняка, а если враг шел на абордаж, то это только облегчало задачу.

Когда постройка нового корабля уже приближалась к концу, разразились события, перевернувшие всю мою жизнь.

Неожиданно утром, когда над морем стлался туман, сквозь который едва начали пробиваться первые золотые лучи, со сторожевых башен прозвучала тревога. Стражи сообщили о появлении неизвестных кораблей. Эскадра наших сторожевых сил немедленно вышла навстречу. На берегу поднялось невообразимое смятение. Все думали, что Асату начинают вторжение, но вскоре выяснилось, что неизвестные корабли — это наш флот, ушедший несколько месяцев назад в далекое плавание. Тогда на берег

кроме воинов устремились отовсюду толпы любопытных. Всем хотелось поскорее узнать результаты таинственного плавания, и они превзошли всякое воображение: наши силы возвратились с великим триумфом.

Вскоре стало известно, что наш флот, пройдя длительный путь, огибая полуостров, приблизился к берегам Асату и в коротком морском бою, уничтожив небольшие силы Бейбуцу, высадил на берег перед портом Гуру сильный десант. Противник был застигнут врасплох, и наши войска при первом же штурме сходу овладели Гуру, захватили богатую добычу, много пленных и, предав город огню и мечу, двинулись в глубину страны.

В момент нападения в Гуру находилось много знати, наехавшей туда по случаю праздника богини Майи, владычицы морей, одновременно являющейся и покровительницей женщин, которые собрались со всей страны в Гуру просить у богини морской победы над нашей страной.

Наводя панику на жителей, все истребляя на своем пути, наши войска после многократных попыток штурмом захватили город Краман. Затем подошли к стенам грозной столицы Асату, хорошо укрепленному городу Урабеш, гарнизон которого, не в пример Гуру и Краману, оказался довольно большим. После нескольких неудачных штурмов наши войска начали осаду, изготовив стенобитные орудия и подвижные башни. Когда эта работа уже приближалась к концу, были получены сведения, что к столице Урабеш приближаются на выручку крупные силы Асату и что сам Бейбуцу Второй командует ими.

Сняв ночью осаду и возвратившись к берегу, наши войска погрузились на корабли. Это было весьма своевременно, ибо к берегу уже выходили передовые отряды армии Бейбуцу. Наши войска с удовольствием наблюдали их бессильную ярость, уходя в открытое море и держа курс на острова Патлау.

Весть о первой победе быстро разнеслась по всему острову. В порт Гафу стекались тысячи любопытных, и по берегу невозможно было пройти. Всеобщее ликование превратилось в триумф.

Приказав подать паланкин, я также отправился на берег, но так как на носилках пробиться было трудно, я возвратил носильщиков домой и стал пешком пробираться дальше.

Я прибыл на набережную в тот момент, когда с одного из кораблей стали высаживать пленных. Едва их сгруппировали в кучу, как густая толпа любопытных окружила пленников. Послышались издевательства, полетели камни и палки. К чести врагов, надо сказать, они вели себя превосходно: истощенные долгим плаванием в трюме, помятые и потрепанные, они держались гордо, с холодным презрением, не отвечая на выходки толпы, что вызвало лишь нарастание ярости.

Эта сцена вызвала у меня чувство отвращения. Не понимая своих соотечественников, я, который мог бы охладить пыл толпы своим авторитетом, прошел мимо.

Неожиданно со стороны пленников послышались дикие крики, и, оглянувшись, я увидел, что толпа накинута на несчастных с явным намерением уничтожить их. Так как пленные были собственностью захвативших их воинов, последние энергично вмешались, пытаясь предотвратить гнусную расправу. Поднялся невообразимый шум. Тогда, охваченный негодованием, вмешался и я. Подбежав к месту происшествия, я закричал:

— Люди Патлау! Опомнитесь, что вы делаете?!

Увидев меня, разъяренного, одетого в платье богатого сановника, толпа прекратила избиение.

— Какое имеете вы право отнимать у наших доблестных воинов добычу, заработанную ими своею кровью и мужеством? И что толку будет от того, что вы убьете нескольких асату, уже обезвреженных, которых мы можем использовать с большей выгодой для себя против них же самих?

Кто-то закричал в ответ:

— Мы жаждем крови варваров, истребивших Тацлау, отдайте нам их для свершения справедливой мести!

Несколько нестройных голосов поддержали мстителя. Я подошел к нему и сказал:

— Хорошо! Подожди... Кто собственник этих рабов?

Мне назвали командира отряда, который в это время, видя скандал с борта корабля, спешил на берег в ладье. Когда он

подбежал к месту, где происходило действие, я обратился к нему:

— Во сколько ты оцениваешь каждого раба в среднем?

Он назвал сумму.

— Плати деньги и забирай, сколько тебе заблагорассудится, — сказал я скандалисту. Мститель замялся. Названная сумма была ему, по-видимому, не по карману, да и платить так дорого за сладость мести никому не хотелось.

Толпа стала расходиться. Я также хотел уйти, но командир отряда задержал меня и почтительно поблагодарил.

— Спасибо, ты спас порядочную сумму, я хочу отблагодарить тебя от себя и от лица своих воинов. Кто ты будешь?

Я назвал себя. Он рассыпался в любезностях.

— Не посчитай за обиду мое приглашение. Пойдем ко мне на корабль, я хочу кое-что тебе подарить.

— Не стоит. Я сейчас спас твоих рабов не потому, что думал о награде, и мне надо к тому же спешить.

Но он упорно настаивал и так увлекательно рассказывал об экспедиции, что я согласился, и вскоре незаметно, за разговорами мы вошли на борт корабля. На палубе сидела большая толпа рабов, подготовленная к высадке на берег. Командир предложил мне чашу вина и уговорил принять подарок.

Много времени прошло с тех пор, но я помню все до мельчайших подробностей, как будто все это случилось вчера...

Мы спустились в довольно темное отделение кормовой части трюма и, открыв решетку, очутились в небольшом полутемном помещении, скудно освещенном лучом света, падавшим из маленького люка у потолка. Дыхание сперло от запаха давно невымытых тел и обычного зловония трюмного помещения.

Некоторые женщины лежали на досках, прибитых по бокам стен, другие сидели, а кое-где лежали на полу, и только одна стояла, облитая светом луча, обратившись в сторону люка лицом. Она была одета как знатная девушка Асату, и только драгоценности отсутствовали в этой подчеркивающей красоту ее фигуры одежде.

Я видел много красивых женщин, но эта превзошла все виденное до сих пор! Как гармоничны, как прекрасны были строго вырезанные черты ее лица, обрамленные иссиня-черным дымом волнистых тонких волос! Под тонкими крыльями бровей из-под пушистых и густых ресниц сверкали сапфиры строгих, гипнотизирующих глаз; и трогательно-нежные, как лепестки пунцовой розы, наивно-детские губы, и мягкий бархат щек, и изумительные точеные плечи, и ноги, стройные и нежные, как у ребенка, и гордая ее осанка — вся, вся она и все в ней дышало чем-то странно близким и знакомым.

“Или это воплощение идеала, в мечтах когда-то созданного воображением, или она и есть та “единственная женщина”, о которой говорил Црамана?” — подумал я, стараясь успокоить взволнованно забившееся сердце. Но мой хозяин, по-видимому, заметив выражение восторга на моем лице, сказал мне тоном глубокого равнодушия:

— Она дика, как лань, и зла, как взбешенная кошка. Я тщетно пытался приручить ее, а потом оставил это намерение. Посмотри, здесь ты найдешь не хуже по наружности, но с более покладистым характером. Бери себе любую и не стесняйся в выборе. Пусть наши добродетельные блюстители нравов осуждают любовь к рабыням, право, какая разница: ведь среди них есть немало женщин благородных кровей, а среди этих — даже наверняка! Мы захватили их, забившихся в порталах храма Майи, и едва успели предотвратить их массовое самоубийство. Вот посмотри на эту: какая замечательная грудь, хотя, правда, ноги немного грубы... Но вот эта не оскорбит самый изысканный вкус. Впрочем, я вижу, что тебе понравилась именно эта. Бери ее, если не боишься царапин на своем лице... Эй ты, Алла́йя! — окликнул он ее.

Она стояла неподвижно, как изваяние, точно нас не было рядом, но, услышав имя свое, повернулась к нам, метнув сапфировые молнии из глаз, плохо скрывавших гнев.

— Вот твой новый господин! — Он показал на меня. Одна из женщин что-то сказала Алла́йе, и та, схватившись руками за сердце, сжала губы и нахмурила брови. Гневные лучи повернулись ко мне и, встретившись с моим восторженным взглядом, на

мгновение остановились вдруг, дрогнули и погасли. Пушистые ресницы упали вниз, и по щекам разлился розовый огонь. Я подошел к ней поближе.

— Она не понимает нашего языка, но довольно хорошо говорит на диалекте Тацлау, — произнес капитан.

— Аллайя, ты понимаешь меня? — сказал я. Ресницы ее чуть приподнялись, и настороженно-любопытный взгляд, быстро столкнувшись с моим, спустился к моим рукам и замер. Она кивнула головой.

— Девушка, я не желаю тебе зла, не бойся. Тебе грозит худшее, что может ожидать женщину, и я хочу тебе помочь...

— Напрасно ты думаешь, что мне может грозить больше, чем смерть! — ответила она, вскинув голову и слегка прищутив глаза. — Жизнь — это великий напиток богов; сладкий или горький, кислый или соленый — будучи чистым, он одинаково приемлем для нас, но если он смешан с грязью, то я его пить не стану!

— А разве ты не хочешь жить?

Она молчала, потупив голову, потом резко отвернулась.

Сначала я хотел отказаться от подарка, не представляя себе, как я могу привести ее в свой дом. Если мне удастся усыпить бдительность жены, то Тимет, конечно, не обманешь. Поместить ее в рабочем кабинете на верфях тоже не менее абсурдная идея. Но одна мысль, что я могу обладать этой великолепной женщиной, опьяняла меня. С деланным спокойствием я сказал начальнику отряда:

— Тебе не жалко расставаться с такой красавицей?

— Для тебя, уважаемый Карту, мне не жалко ничего. Эта кошка доставила мне немало хлопот, и я должен предупредить тебя, что и тебе придется повозиться с ней немало. Всех мужчин мы думаем продать на государственные рудники, а женщин — в веселые учреждения Мацару. Асату не заслуживают лучшей участи! И, право, я советую тебе выбрать другую, эту может укротить только Мацару.

— Ну, это мы еще посмотрим! — прервал я его.

— Аллайя! — обратился я к девушке на языке Тацлау. — Знаешь ли ты, какая участь ожидает вас?

Она молчала; я не знал, достаточно ли она поняла меня в этом отношении.

— Вы будете проданы в публичные дома, — сказал я проще, для ясности, и по тому, как дрогнули ее губы, увидел, что она меня понимает. Маленькая слезинка скатилась по ее щеке.

Мое предупреждение быстро разнеслось по трюму; послышался взволнованный ропот, перешедший в негодование, затем раздался плач, и понеслись проклятия. Они пришли в ужас перед своею участью — участью женщин Тацлау.

— Хочешь ли ты пойти ко мне?.. Я желаю спасти тебя и не потребую за это платы.

Она взглянула мне в глаза, и взгляд ее не был диким: она точно желала прочесть, говорю ли я правду или издеваюсь над ней. У меня замерло сердце от этой встречи взглядов, точно я заглянул в какую-то бездну сапфирового огня, и голос глубокий, чистый и нежный тихо ответил мне:

— Да...

— Тогда пойдем.

Не помню, как я вышел, как простился с начальником отряда и что сказал ему в знак благодарности, — не помню. Я только заметил глупое выражение его лица и понял, что он удивлен покорностью Аллаи.

Когда мы сели в лодку, я отказался от гребца и, взявшись за весла сам, направился в сторону верфей.

Когда-то мне подарили модель корабля, о котором я долго мечтал, любуясь ею, стоящей на рабочем столе отца, и теперь я вспомнил, как, задыхаясь от блаженства, я несся с нею к воде, не чувствуя ног и не замечая окружающего. Это же чувство, только во много раз увеличенное, владело мною и теперь. Я вдруг ощутил, что обладаю тем, что дает возможность не нуждаться больше ни в чем.

— Скажи, кто же ты? — спросил я ее, когда мы отплыли уже довольно далеко от корабля.

Она долго молчала, закрыв лицо ладонями рук, потом, отняв их, сложила их на коленях и покорно ответила:

— Отец мой большой купец, он может дорого заплатить за меня.

— Мы не имеем права возвращать пленных асату ни за какие деньги, — ответил я ей, продолжая грести.

Она только кивнула головой и спросила:

— Что ты думаешь делать со мной?

— Это для меня так же неясно, как и для тебя.

На ее вопросительно-недоумевающий взгляд я пояснил:

— Твоя красота захватила мое сердце в плен. Алла́йя, я не желаю тебе зла и думаю, как мне спасти тебя, а сделать это не так легко. Я должен как следует подумать.

Она предложила отвезти ее к берегам Тацлау, но я промолчал, будто не слыша этих слов. Дальше, до самых верфей, мы плыли молча, не проронив за это время ни слова. И тут у меня созрел план: переодеть ее мальчиком и отвести к отшельнику Црамане.

Прибыв на верфи, я вкратце рассказал Алла́йе об отшельнике и поделился с нею своей идеей; она не возражала. Под покровом ночи, приготовив все необходимое, мы отправились в горы. Не доходя нескольких сот шагов до хижины Цраманы, я оставил Алла́йю и дальше пошел один. Уже рассветало, и Црамана очень удивился моему раннему приходу. Он внимательно выслушал меня и нахмурился:

— Если в побуждении твоём лежит милосердие, то я готов помочь тебе, — наконец, после долгого молчания сказал он. — Можешь привести ее. Но где она?

— Она здесь недалеко!

Црамана улыбнулся, и мы вместе отправились к ней.

— Девушка очень красива, — проговорил он, внимательно глядя на потупившуюся Алла́йю.

— Ну, что ж, будем друзьями, — обратился он, к ней на чистейшем языке Тацлау.

Я и не подозревал, что он так хорошо владеет языком, которым владела только образованная знать Патлау.

— Будешь помогать мне... Кое-чему научишься. Думаю, что тебе будет тяжело после богатой жизни привыкнуть к жизни отшельника, но ничего, и в этом есть какая-то польза... И мне было когда-то тяжело привыкать.

Он ласково потрепал ее по плечу.

В этот момент солнце вырвалось из-за высоких гор и залило золотыми брызгами лучей лесную поляну, на которой происходил разговор. Обильная роса, лежащая на листьях деревьев и травах, засверкала миллионами искр. Аллаия подняла голову. Страдальческое выражение ее прекрасного лица потонуло в сияющей улыбке. Она упала перед нами на колени и поклонилась до земли.

Я немедленно поднял ее и, сраженный ее смирением, проводив до хижины, простился с нею ласково и тепло.

Нужно было возвращаться, и я спустился с гор. Не чувствуя под собою ног, я шел твердо и уверенно, поглощенный своими мыслями. Уже давно я не был таким счастливым. Все казалось мне чудесным в этом мире. Тропу мою пересекла дикая серна, но я даже не притронулся к самострелу, проводив изящное животное восторженным взглядом, — оно напомнило мне Аллаию.

По дороге я вспомнил слова Цраманы о том, что и ему когда-то было трудно привыкнуть к жизни отшельника, и подумал о том, что никогда я не спрашивал его, кто он, а он никогда мне ничего не рассказывал о себе. Всегда занятый лишь собою и своими заботами и переживаниями, я даже не подумал об этом ни разу.

Вместо верфей я отправился в город, где царило радостное возбуждение по случаю победы. Радость народа так гармонировала с моим состоянием, что этот день превратился для меня в настоящий праздник.

Увидев жену, я ласково поздоровался с нею, осведомившись о ее здоровье и о детях.

— Какой ты сегодня хороший! — заметила Иит. — Я тоже рада нашей победе.

Вечером на улицах продолжалось веселье, отовсюду неслись песни. Я получил приглашение во Дворец вместе с женою. Веселый и роскошный пир не заставил меня ни на мгновение забыть о существовании Аллаии.

“Неужели это тот идеал, о котором мечталось всю жизнь?” — подумал я, засыпая в объятиях Иит.

Воспользовавшись тем, что Бейбуцу стянул свои главные силы к своей столице, наши войска высадились на берегах Тацлау и, одержав несколько побед над оставленными здесь легионами Асату, возвратились с триумфом в Патлау. Теперь даже скептики стали верить в возможность победы. Но старые полководцы и более зрелые политики еще пытались склонить Варту Црабети к попытке мирным путем уладить отношения с Бейбуцу, воспользовавшись первыми успехами, ибо они не верили в конечную победу.

Пользуясь каждой свободной минутой, я посещал отшельника Цраману, чтобы увидеться с Аллаией. Каждый раз я приносил ей какую-нибудь вещь, которая могла развлечь ее, и радовался, если эта вещь ей нравилась. От драгоценностей, печально налюбовавшись ими, Аллаия отказывалась и только однажды, надев на палец кольцо, изображавшее змейку, кусавшую маленький рубин, и долго любуясь им, задумалась и сказала, что это кольцо оставит себе на память обо мне. Обрадованный принятию подарка, я предложил ей оставить на память более дорогую вещь, но она только печально и отрицательно покачала головой.

— Не золото и драгоценный камень нравятся мне, но те мысли, которые они воплощают, — сказала она, немного смутившись.

Мне прежде никогда не приходила мысль, что кольцо может что-то символизировать, и я спросил ее, что, по ее мнению, может обозначать кольцо. Но Аллаия ничего не ответила.

Я заметил, что между ней и Цраманой установились какие-то особенные отношения, напоминающие отношения Учителя и ученицы. Аллаия смотрела на него взглядом, полным благоговейного уважения, и всегда с напряженным вниманием слушала все его замечания и поучения жизни.

Однажды, незадолго до полудня, придя к отшельнику и заметив отсутствие Аллаии, я вопросительно посмотрел по сторонам.

— Ушла вдоль потока в лес, — сказал Црамана, продолжая возиться с травами, разложенными на коре деревьев перед хижинкой.

— А это не опасно? — спросил я с тревогой. — Лес полон диких зверей!

— Конечно, некоторая опасность существует, — ответил Црамана, — но она ушла недалеко, по-видимому, купаться, и поэтому я не мог сопровождать ее... Впрочем, — добавил он, отрываясь от трав и поднимая голову, — она отсутствует уже давно.

Взяв легкое копье на всякий случай, я отправился вдоль потока, надеясь встретить Аллаю. Пройдя по узкой звериной тропе шагов семьсот, я услышал негромкое пение и догадался, что это поет Аллая. Песня была очень грустная, на непонятном для меня языке Асату.

Ориентируясь по звуку голоса, я почти вплотную подошел к Аллаю, но густой кустарник еще скрывал ее от меня. Не зная, кончила ли она купаться, я шел осторожно, не производя шума, чтобы не смутить девушку, и вскоре сквозь ветви увидел ее. Она сидела на камне полуодетая, почти у самого потока, и выжимала мокрые волосы.

Невольно залюбовавшись красотой ее стройного и прекрасного тела, я остановился и замер. В песне Аллаю часто повторялось одно слово, и весь смысл, по-видимому, вращался вокруг него. Я запомнил это слово, чтобы спросить ее потом, что оно означает.

Голос Аллаю гармонично сливался с мелодичным звоном потока, и больше ничто не нарушало торжественной тишины дремучего леса. Любуясь Аллаю на фоне чудесной природы, которая как бы олицетворяла ее, я вдруг поймал себя на мысли, что начинаю жалеть об установившихся отношениях: не проще ли было бы сделать эту женщину рабыней и распоряжаться ее красотой по своему желанию? Но, представив только на одно мгновение картину таких отношений, я тотчас же, опомнившись, отверг их с негодованием.

Отжав волосы, Аллая тряхнула ими, и, сверкая на солнце, они рассыпались по ее бронзово-красноватым плечам.

Неожиданно она остановила свой взор, направленный на противоположный берег потока, и весь облик ее отразил неопиcуемый испуг. Я тотчас же посмотрел туда и дрогнул от ужаса. На камнях потока, наполовину скрытый в кустах, стоял пятнистый

тигр, уставившийся на Аллаю своими хищными глазами, и хвост его судорожно ходил то вправо, то влево. По опыту я понял, что зверь приготовился к нападению.

Медлить было нельзя. Между мной и зверем было расстояние, достаточное для меткого броска копья, но вокруг меня были кусты. Боясь рискнуть и судорожно сжав копье, я лихорадочно обдумывал, куда мне лучше прыгнуть, чтобы поразить животное. В этот момент хвост тигра вытянулся, и он всем телом припал к земле. Нужно было действовать немедленно, и с диким криком, чтобы отвлечь зверя на себя, я выскочил из кустов на берег. Одно мгновение — и, заколебавшись, пятнистый тигр прыгнул на меня и встретился с летящим уже в него копьем. Шагах в четырех, пронзенный насквозь, он все же обрушился на меня. Отскакивая в сторону, я принял часть смертельного удара своим правым плечом и потерял сознание.

Когда я очнулся, то прежде всего увидел над собою склоненное лицо Аллаи, освещенное красноватым пламенем очага. Она тихо и радостно воскликнула:

— Црамана!

Вспомнив все, я хотел подняться, но сильная боль заставила меня со стоном опуститься. Аллая, заставив меня лежать неподвижно, взяла мою левую руку и, прижав к своей щеке, рассказала о том, что было дальше.

— Сбив тебя агонизирующим ударом, тигр пролетел дальше шагов на пять, забился в конвульсиях и испустил дух.

Я узнал, что рана не опасна, а боль больше от вывиха, который было очень трудно вправить, так как, падая, я сильно ударился головой о камни и долго не приходил в себя, вероятно, от этого удара. Будучи не в силах привести меня в чувство самостоятельно, Аллая сбегала за Цраманой, и они вместе принесли меня в хижину.

— Какой ты тяжелый, — закончила она свой рассказ.

Пришел Црамана.

— Сами боги надумили тебя пойти навстречу Аллаёе, — сказал он улыбаясь, — хорошо, что все обошлось так благополучно. Выпей вот это.

Он протянул мне кружку какого-то горького питья, выпив которое, я вскоре почувствовал себя значительно лучше, и мне захотелось спать.

— Алла́йя, что означает это слово? — я повторил слово из ее песни, которую она пела над потоком.

— Оно означает “любимый”.

— Ты пела о своем любимом?

С легким смущением она кивнула головой.

— А где он, твой любимый? Ты пела так грустно! — спросил я упавшим голосом.

— Тебе не нужно это знать... Ты должен спать.

Мысли мои смешались, и я погрузился в сон.

Алла́йя не отходила от меня. От ее ласкового взгляда, от нежных прикосновений рук я расплывался в каком-то блаженстве, во много раз более целительном, чем все лекарства, и быстро поправлялся, но делал вид, что состояние мое не улучшается. Мне хотелось продлить заботы обо мне со стороны Алла́йи, во время которых она была так близка мне. Как-то, принимая из ее рук пищу, я спросил:

— Скажи, что значит символ змеи, кусающей рубин?

— Огонь рубина — это огонь любви, а змейка — это древний символ искушения.

— Значит, носящий это кольцо должен помнить о том, что он искушается любовью?

— Совсем не так. Если бы ты знал, что это значит, я никогда бы не сказала тебе, но так как ты подарил мне его, не зная об этом, я объясню. Это кольцо дарят человеку, когда его любят, но не знают, любит ли он, и если его принимают, это означает, что и он также любит дарящего.

— А прежде никто не дарил тебе такое кольцо?

Она отрицательно покачала головой, любясь игрой рубина.

— А тот любимый, о котором ты пела, который, наверное, остался там?..

Она вдруг посмотрела мне в глаза каким-то особым взглядом и тихо сказала:

— Да, он подарил мне такое кольцо.

Мне стало тяжело, и я спросил ее:

— Ты приняла этот подарок только в память о нем... Я понимаю... Ты, наверное, скучаешь о нем. — Опять погруженный в себя, я не подумал, что она ведь может кого-то любить.

— Ведь ты так красива, он тоже должен любить тебя.

— Карту, ты, верно, еще не совсем поправился, — обидно сказала она, поднимаясь, — мысли у тебя путаются.

Она вышла из хижины, а я остался лежать, не зная, как понять ее последние слова, этот внезапный уход. Вдруг догадка осенила меня; я едва не вскочил от радостного возбуждения:

— Если никто ей прежде не делал подарка и если это кольцо ей подарил любимый, значит, любимый — это я, значит, это обо мне она пела тогда... А может быть, я действительно путаюсь? Отчего же песня ее была такой грустной? Чем объяснить этот нежный уход за мной?

Как-то проснувшись утром и чувствуя себя совершенно здоровым, я обратил внимание на то, что хижина пуста. Уже приготовившись встать, я вдруг услышал шаги Аллаи и притворился спящим. Она вошла с букетом цветов, осыпанных утренней росой, и, положив их возле моей головы, склонилась, глядя на меня. Сквозь чуть приоткрытый глаз я видел нежность на ее лице, и, чувствуя совсем близко ее пьянящее дыхание, больше не мог сдерживать себя. В одно мгновение руки мои обхватили ее, и, потеряв равновесие, она упала на меня, испуганно вскрикнув.

В этот момент вошел Црамана; он строго посмотрел на нас и отвернулся, что-то положив на полку. Аллаи смущенно отпрянула от меня.

— Я вижу, что ты чувствуешь себя неплохо, — сказал Црамана.

Поднявшись, я сделал несколько шагов и, убедившись, что болезненные явления прошли, ответил ему немного смущенно:

— Твои заботы не пропали даром.

Затем, покинув Аллаю с Цраманой, я пошел к реке, чтобы умыться.

Я был очень счастлив, чтобы долго переживать неловкость от случившегося. Освежившись холодной водой и сияя радостью, я возвратился назад и вдруг увидел резкую перемену, происшед-

шую с Аллаией. Лицо ее выражало затаенную муку, а отношение ко мне было подчеркнуто холодным. Улучив момент, когда мы остались наедине, я ей сказал:

— Прости меня, я, может быть, поступил слишком грубо и обидел тебя. Поверь мне, что сделал я это под импульсом лучших чувств.

— Конечно, ты не должен был делать этого, но не подумай, что я обижена. Только прошу тебя, не делай больше ничего подобного. — На глазах ее появились слезы.

— Мне трудно понять все это: если ты не чувствуешь себя обиженной, то откуда же эти слезы?

— Карту, ты тоже красив и уже не мальчик. Это значит, что есть женщина, которая любит тебя и которую ты должен любить. — Она сделала ударение на этом слове.

— Ты повторяешь мои слова, на которые я могу ответить так же, как и ты ответила мне...

— Я повторяю твои слова, это правда, но смысл их, Карту, другой, и мы больше не будем говорить об этом. — Она ушла, печально опустив глаза.

С тех пор как ни старался я сказать ей о своих чувствах и снова приблизить ее к себе — мне это никак не удавалось. С каждой новой встречей открывшаяся между нами бездна все более и более расширялась. Я не мог понять нарастающей холодности Аллаии, ибо объяснить это только моим поступком было невозможно. Вероятно, я понял ее неправильно, и ее заботливый уход за мной был только проявлением благодарности, чувства признательности к своему спасителю.

Работа валилась из рук. Я не мог видеться с женой, она внушала мне отвращение не потому, что я не любил ее, а потому, что я любил другую. Вероятно, она находилась в таком же положении в отношении меня, как и я в отношении Аллаии.

Тимет смотрела на меня измученными глазами, и в глубине их видел нечто, грозившее мне. И вот тогда я принял решение, которое должно было разрубить стянувший меня узел судьбы.

После бессонной ночи я посетил отшельника. Он был один и встретил меня вопросом:

— Что думаешь ты о дальнейшей судьбе Аллаии?

— Я все уже решил и возвращу ее назад.

Лицо Цраманы просияло радостью:

— Это было бы достойным поступком, сын мой. Я знаю, как это тяжело тебе, но лучше ты поступить не можешь!

И я сказал ему, что думаю это сделать сегодня же.

— А где же Алла́йя?

Он показал на лес, и я отправился туда.

С букетом ярких цветов она возвращалась из леса. Залитая золотом косых лучей заходящего солнца, такая свежая и грациозная, Алла́йя казалась какой-то лесной принцессой из детской красивой сказки. И это, конечно, было так.

Увидев меня, она опустила глаза и, сдержанно ответив на приветствие, уже хотела пройти, но я ее остановил:

— Алла́йя!

Она подняла строгие глаза и, слегка нахмурившись, остановилась.

— Алла́йя, я должен сказать тебе что-то важное.

Опустив голову, она медленно пошла вперед, и я пошел с нею рядом. Она молчала и перебирала на ходу цветы.

— Я долго думал... И вот решил... — У меня от волнения перехватило дыхание.

— Что ты думал, Карту, и что решил? — спокойно спросила она, отбрасывая в сторону поломанный цветок.

— Я думал и решил, что так больше продолжаться не может.

Ее глаза, метнувшись вверх, встретились с моими. В них был легкий испуг и в то же время жгучее желание узнать то, что я намерен ей сказать.

— Алла́йя, я хочу вернуть тебе свободу, родину и дом.

Она остановилась, порывисто повернулась ко мне, прижав букет к груди. Глаза ее сверкнули таким ослепительным восторгом, что с этого момента я уже больше не сомневался, что там, за проливом, но, увы, не здесь, все счастье и радость ее жизни. Подавляя горечь, я продолжал:

— И это не простое обещание, отложенное на долгий срок. Уже все приготовлено, и сегодня ночью я отвезу тебя к берегам Тацлау.

— Карту! — воскликнула она, справившись с приступом нервного волнения. — Можно ли верить тебе? Ты просто шутишь со мной и шутишь жестоко!

— Не думай так, я далек от того, чтобы шутить. Црамана уже знает все, и ты должна собраться как можно скорее.

Она уронила цветы и растерянно опустила руки. В глазах ее блеснули слезы. Она отвернулась и, довольно долго о чем-то думая, смотрела на лес. Потом незаметным движением руки смахнула слезу и, повернувшись, посмотрела мне в глаза прямым и ласковым взглядом.

— Я знаю, Карту, что ты благороден, но все же я никогда не думала, что благородство твое идет так далеко.

Я пробовал ей возразить, что с моей стороны нет никакого благородства, умолчав, конечно, о том, что именно привело меня к такому решению. И мог ли я сказать этой гордой девушке, что в разлуке такого рода я вижу единственный выход для себя.

Все же, помогая ей собрать рассыпанные цветы, я добавил:

— Так будет лучше не только тебе, но и мне.

После приступа радости она стала серьезной, и почти всю дорогу до хижины Цраманы мы прошли не проронив ни слова.

Отшельник уже приготовил ужин, и мы после коротких фраз молча приступили к еде...

Аллайя почти ничего не ела. Едва притронувшись к плодам, я также заявил, что сыт.

— Ну, что же, — сказал Црамана, — тогда собирайтесь в путь!

Он был спокоен и бесстрастен, как всегда, но в выражении его лица я все же заметил легкий оттенок грусти.

— Скажи мне на прощанье, что привело тебя сюда, — обратилась к нему Аллайя, — ведь и ты когда-то знал жизнь, подобную нашей.

Црамана нахмурился:

— Да, — вздохнул он, — когда-то в молодости моей я тоже кипел в котле страстей, где золото, страсть и слава были единственными интересами жизни, но тяжело вспоминать об этих днях.

— Скажи хотя бы вкратце, — подхватил я просьбу Аллаи, видя, что Црамана пытается уклониться от этой темы. — Уже давно хочу и я спросить тебя об этом, ведь с тех пор, когда, спасаясь от грозы, я набрел на твою хижину, прошло уже несколько лет, но ты еще ни разу не рассказал мне о себе...

После некоторого раздумья Црамана начал:

— В те дни, когда воины Асату спустились, пройдя через снега, лежащие на горах Севера, в долины полуострова, где ныне они создали могучее государство, я жил в Тацламакане, куда родители мои послали меня учиться государствоведению, ибо не было лучше школ, чем школы Тацлау. Меня снабжали средствами, позволявшими мне вести самый широкий образ жизни, и, будучи молодым, я, конечно, стремился к женщинам, среди которых в Тацламакане было много красивых. У меня было много увлечений, но ни одно из них не удовлетворяло меня. Я ждал какой-то особенной, необыкновенной встречи и в каждом новом объекте видел ее — способную ответить на мои необычные запросы. Я сам был готов на исключительно самоотверженное чувство, на абсолютную верность, взаимопонимание. Презрение ко всему ничтожному, мелкому, стремление к искусству, красоте человеческих отношений, к высокому знанию и мудрости — вот каких качеств я искал во встреченных женщинах, часто наделяя ими их в своем воображении, и почти во всех случаях не находил и вскоре после встречи разочаровывался.

Это порхание от одной к другой было расценено окружающими как легкомыслие, которое мне не было свойственно от рождения. Уже с ранних лет я понял, что тяготение к женщине основано на приказе природы, вложенном в кровь каждого тела, — продолжить род человеческий. И это стремление соединиться, чтобы родить детей, воспитывать их до тех пор, пока они не станут сами способными родить, и после этого уход неспособных больше родить, — это стремление, естественное для всех людей, казалось мне каким-то унижительным и бессмысленным. Я не хотел быть рабом своего тела и безропотно подчиняться непонятному для меня приказу природы. Передо мною встали только три выхода из создавшегося положения: или я должен был понять, что в приказе природы и для меня лично имеется

какое-то мудрое обоснование; или я должен был отказаться от женщины, так как порождать детей только для того, чтобы они также порождали, было для меня бессмысленно, нелепо; или найти такое отношение к женщине, которое бы доказало мне, что кроме рождения детей есть еще нечто высшее во взаимоотношении полов, что половая энергия, порождаемая определенными ограничениями, может быть трансмутирована в высшие энергии путем взаимного тяготения полярностей.

Я видел, что все высшее творчество мужчины вдохновляется женщиной, и чем меньше он расходует вещество, содержащее в себе энергию пола, тем в большем количестве и тем совершеннее рождаются его духовные дети — поэмы, картины, здания, корабли... И я искал женщину, которая бы вдохновила меня на самое высшее, и когда я уже совсем отчаялся встретить такое существо и думал уйти в отшельники, — она пересекла мой путь. Она приехала в Тацламакан с Севера вместе со своими родителями, бежавшими от нашествия Асату.

Она очень скучала о покинутой Родине и скорбела о бедствиях своего народа. Мы полюбили друг друга. В это время, почувствовав угрозу со стороны Севера, южные государства решили оказать своим северным соседям помощь, которая выразилась в посылках небольших отрядов войск, оружия и провианта.

Вдохновленный своей любимой, я отправился вместе с отрядом воинов Тацлау и Патлау на Север и принял участие в операциях против Асату. Очень скоро мне удалось выдвинуться, и я стал командовать объединенными силами, в нескольких решительных битвах разбил и изгнал Асату из страны моей любимой.

Едва ее народ оправился от нашествия, как его правители стали опасаться, что я захвачу их власть, хотя я и не давал повода к этому. Все же в день моей свадьбы они решили меня отравить, и яд приняла моя любимая.

Жить без нее в этих условиях я больше не мог — возвратившись, разыграл мнимую смерть в Патлау и инкогнито ушел от людей сюда.

— Так это ты Атаварту — полководец, перед которым преклоняется сам Бейбуцу! — воскликнула Аллая с волнением.

Црамана улыбнулся:

— Да, это имя когда-то я носил... После моего ухода Бейбуцу Первый вновь овладел Севером, и помощь союзников уже не спасла убийцу моей возлюбленной... Теперь вы знаете, кем был Црамана... Однако вам уже пора идти.

Аллая простилась с ним трогательно, со слезами на глазах и долго благодарила за все. Когда же на небе зажглись первые звезды, мы тронулись, и долго еще оглядывалась Аллая на одинокий силуэт отшельника, отчетливо вырисовывающийся на фоне звездного неба.

Я проводил ее через лес к заливу, где нас ждала спрятанная ладья.

— Теперь только бы проскочить пролив, и ты будешь свободна, — шепнул я, когда мы подошли к ладье. Она кивнула головой.

— Я знаю, что это опасно, и ты должен возвратиться сейчас же. Я плохо гребу, но думаю, что и моих сил хватит переплыть пролив.

— Этого я тебе не позволю, — твердо возразил я и, подойдя к лодке, стал готовить весло. Когда все было готово, я тихо позвал Аллаю, но она стояла неподвижно, подобно каменному изваянию. Я еще раз позвал ее, и так же, не отвечая, она стояла, не шевелясь.

Не зная, что думать, я подошел к ней и спросил:

— Что с тобой?

Сердце мое раздирали тоска, но я старался держаться хладнокровно и ничем не выдавал обуревавших меня чувств. Аллая стояла молча, опустив голову. Было уже так темно, что я не мог прочесть выражения ее лица.

— Пойдем. Пора. Ведь плыть придется долго, и до рассвета я должен буду вернуться.

Вдруг, присев на корточки и закрыв лицо руками, она заплакала почти беззвучно, и я увидел, как детские плечи ее содрогались от напряженного рыдания.

— Аллая! Ты, может быть, боишься?

Не отвечая, она продолжала рыдать.

— Ты почему так плачешь?! — Я приподнял ее с земли не без усилия, и в этот миг ее руки обвили меня вокруг. Всем телом она прижалась ко мне, вдавив мне в грудь залитое слезами лицо.

Исчерпав последнюю сдержанность, я крепко обнял ее и, прижавшись щекой к ее волосам, едва сам удержался от готовых хлынуть потоком слез.

Так мы стояли, может быть, несколько минут или секунд — не знаю, но наконец сквозь всхлипывания она сказала:

— Жестокий ты! Почему ты не стараешься меня удержать... Нет, видимо, ты меня совсем не любишь, — едва сказав эти слова, она вновь заплакала, еще теснее прижавшись ко мне.

Я был поражен, как громом, таким неожиданным открытием. “Значит, она все-таки любит меня!” — И бурная радость хлынула мне в сердце, как опрокинувшая плотину река.

— Алла́йя, Алла́йя, зачем же ты была так холодна со мной? — Я целовал ее волосы, но оторвать ее лицо от моей груди, чтобы покрыть его поцелуями, не смог. Она прижала его так крепко, что это мне было не под силу.

— А дом твой, жена и дети... Црамана говорил, что если ты не хочешь подумать о них, то это должна сделать я, — наконец ответила она, когда немного успокоилась.

— Так вот что было причиной! Так вот почему ты мне сказала, что я должен кого-то любить! Какая чепуха, теперь все будет по-другому.

— Нет, милый, все будет так, как мы уже решили. Скажи мне в первый и последний раз, что ты меня любишь.

— Зачем это тебе знать, если думаешь расстаться?

Она взяла мою голову в свои ладони и, заглянув в глаза, сказала, подавляя слезы:

— Скажи, прошу тебя, мне это нужно сейчас, как воздух, чтобы жить.

— Ты знаешь сама...

— Нет, я хочу услышать, как это скажешь ты... Я так долго мечтала услышать это слово из твоих уст... Любимый мой, скажи, я с ним пойду на самое трудное в жизни, вспоминая звук его — умру спокойно, когда мой час пробьет.

— Зачем ты так говоришь?.. Да, я люблю тебя сильнее всего на свете, и если и ты так любишь меня, то что же может нас разъединить?! К чему нам расставаться?.. Это же нелепо!

— Нет, дорогой, есть еще нечто более высокое, чем счастье двоих... Спроси Цраману... Он объяснит тебе. — И с этими словами нежно, но повелительно она отстранила меня и твердым шагом подошла к ладье.

Я понял, что между нами встал облик Цраманы, пройти через который было невозможно, и молча пошел за ней.

Через час мы были на середине пролива. Я греб, как бешеный, стараясь ни о чем не думать; когда, задохнувшись от последнего, до крови, поцелуя, я выпустил ее из своих объятий и она исчезла за прибрежными камнями, — небо уже начинало сереть. Наступал рассвет.

Глава 2

Жить без любви, настоящей, единственной, было, конечно, нелегко, но теперь, когда это чувство перерезало молнией мой путь, — это стало просто невозможно.

Противившись с Аллаией и отплыв от берега несколько десятков шагов, я вдруг почувствовал, что мне абсолютно некуда ехать, что жизнь не представляет для меня никакого интереса. Не только тоска разлуки, разрывавшая мою душу на части, но полное равнодушие ко всем дальнейшим явлениям жизни парализовало во мне все, начиная от воли и кончая мускулами.

С трудом заставлял я себя грести, и мне было совершенно безразлично, куда плывет моя лодка: к родным ли берегам, к жене, к Тимет или на рога к самому черту. Я смотрел на воду, и она притягивала меня своим зеленовато-голубым покоем, но все же, представив себе картину удушья в этой воде, я отогнал мысль о самоубийстве. Црамана — вот с кем поговорить представляло какой-то интерес, хотя и к нему у меня оставалось чувство скрытой обиды как к виновнику происшедшего.

Все же мысль об отшельнике вдохнула в меня струю энергии, и я стал грести к берегам Патлау более энергично. И толь-

ко сейчас подумал, что мне угрожает двоякого рода опасность. Если встреча с каким-нибудь судном Асату означала смерть, то встреча со своими кораблями тоже не предвещала ничего хорошего.

Не успев отойти от берегов Тацлау и четверти расстояния, которое мне предстояло проплыть, обернувшись к носу, чтобы убедиться в правильности направления, я вдруг увидел быстро идущий ко мне сторожевой корабль. Не было никаких сомнений, что он уже давно заметил меня. И так, надвигалась большая неприятность. Когда я взошел на борт, капитан сразу же узнал меня и выразил сильное удивление.

— Что мог ты делать ночью на берегу врагов? Как ты туда попал и что вообще случилось?

Он забросал меня вопросами и еще больше удивился моему спокойному и мрачному виду.

Как на грех, я не мог придумать ничего достаточно убедительного, но, чувствуя, что высказанное объяснение будет основой для всех дальнейших показаний, на все вопросы ответил коротко:

— Это я объясню потом.

Капитан был несколько обижен моим ответом, но из-за почтения ко мне выразил это только тем, что равнодушно пожал плечами и, нахмурившись, сказал, что по долгу службы он должен обо всем доложить, и когда мы вошли в порт, он вежливо попросил меня проследовать вместе с ним к начальнику береговой охраны, которым в это время был мой старый знакомый Асирит.

Выслушав доклад капитана, он приказал ему удалиться в довольно резкой форме и, оставшись наедине со мной, сказал:

— Они проявляют чрезмерную бдительность, однако ты не обижайся: обстоятельства двух последних дней усилили напряжение.

— Какие обстоятельства?

— Разве ты ничего не знаешь? — удивился он.

— Несколько этих дней я был на охоте в лесу.

— Тогда понятно, что ты находишься в неведении о парламентариях Бейбуцу Второго. Два дня назад они прибыли к нам с требованием возвратить захваченную в плен его сестру, предла-

гая взамен переговоры о заключении мира и грозя в случае отказа продолжением беспощадной войны до конца. Это был бы счастливый исход для нас, но вся трагедия в том, что среди захваченных в плен не могут найти принцессу Аллаюю. Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

Я был не в силах подавить внезапное волнение и вынужден был присесть. “Так вот кем является Аллаюя!” Овладев собой, я сказал, что очень устал.

— Тогда иди домой отдыхать, и я надеюсь, что, отдохнув, ты мне все расскажешь о том, что случилось с тобой.

Я видел, что он удивлен не меньше капитана, но сдержанность и дружеские чувства не позволили ему быть более настойчивым. Обрадовавшись случаю обдумать более детально объяснение, я вышел от него и направился на верфи.

Придумать что-либо логичное, могущее вполне реабилитировать меня, и достаточное, чтобы застраховать от всяких случайностей в будущем, было, однако, не так уж и легко. Если бы в эти дни была буря, я мог бы сослаться на ветер, который отнес меня к берегам Тацлау, но никакой бури не было — значит, намерение было обдуманным. А с какой же целью я должен был в лодке высадиться ночью на берегах Тацлау?

От горя и всего случившегося мысли мои путались, и пока я решил положиться на волю судьбы, надеясь, что дальнейшее принесет какие-то возможности разрешить эту трудную задачу.

Посетив верфи, я ознакомился с ходом текущей работы, сделал необходимые распоряжения и уже готовился отправиться домой, как вдруг неожиданно за мной пришли с приглашением от префекта столицы. Дело принимало наихудший оборот. Приглашение не предвещало ничего хорошего, но я должен был подчиниться.

Лицо префекта, встретившего меня не особенно любезно, носило на себе печать раздражения.

— Как мне известно, — сказал он, — у тебя должна находиться пленница из числа захваченных во время нападения на Гуру. Мы уже собрали всех женщин, не хватает только одной, и как выяснило следствие она была подарена тебе начальником отряда Х.

“Еще недоставало этого осложнения”, — подумал я. По-видимому, отрицать приобретение Аллаи было невозможно.

— Это правда, но ее уже нет в живых.

Раздражение на лице префекта мгновенно преобразилось в ужас.

— Что же ты с нею сделал? — воскликнул он в отчаянии.

— Она была наказана за сопротивление. Я думаю, что тебе известно право господина, предусматривающее подобный случай.

— Но ведь она принцесса Асату, — застонал префект.

— Какая принцесса?.. Это просто дочь какого-то купца.

— Она не дочь купца, а сестра Бейбуцу! — сжав голову руками, завопил префект. — Что скажу я Варту Црабети! Ты пока останешься под стражей, а я должен пойти к нему.

Меня провели в помещение, где содержались временно арестованные и где я был только один. Устав от всего пережитого и преисполнившись полным равнодушием к своей судьбе, я решил больше не лгать и рассказать все как было.

Через час меня провели во Дворец, где уже ждали старейшины и судьи во главе с самим царем. Я рассказал им все чистосердечно до того момента, как я отвел Аллаю в хижину Цраманы. С этого момента я стал лгать, красочно описав попытку Аллаи убежать, сопротивление и непокорность, приведшие меня будто бы в ярость, в состоянии которой я и убил ее.

Сановники, судьи и сам Варту Црабети выслушали меня молча, с совершенно бесстрастными лицами. Ведший допрос префект, после того как я замолчал, спросил:

— Это все?!

— Мне нечего больше прибавить, — кивнул я головой.

Тогда он сделал знак, и через несколько минут в дверях появилась Тимет. Увидев меня, она опустила глаза.

— Тимет! — обратился к ней префект. — Расскажи то, что ты рассказала мне вчера.

Тимет долго молчала, потом, понуждаемая собранием, начала, запинаясь, бессвязно говорить:

— Госпожа давно заметила, что наш господин часто отправляется на охоту и очень долго охотится один в лесу.

— Кто заметил это, ты или госпожа? — перебил ее префект.

— Мы обе, — ответила, замявшись, Тимет.

— А может быть, это ты первая обратила на это внимание?

— Может быть, — глядя в сторону, сказала Тимет.

— Ну, хорошо, что же было дальше?

— Я предложила госпоже проверить, куда так надолго уходит господин, и она приказала проследить за ним.

— Почему же именно тебе?

— Мы не хотели кому-либо внушать сомнения в порядочности нашего господина, и вот, отправившись за ним следом, я увидела его у хижины Цраматы с каким-то мальчиком, в котором сразу же узнала женщину... Проследив еще несколько раз, я рассказала обо всем госпоже.

Префект обратился ко мне:

— Ты подтверждаешь сказанное ею?

Я только кивнул головой, зная, что упорствовать во лжи бесполезно.

— Все ясно, — сказал Црабети, — Карту скрывал принцессу Аллаю и возвратил ее Бейбуцу, зная, что ее начнут искать! Почему он поступил так, нас это не интересует, но ясно одно: он является злейшим государственным преступником, и сколь ни жаль нам потерять талантливого строителя кораблей, но он достоин смерти. Уведите его.

Я знал, что государственные преступники подвергаются мучительной и позорной публичной казни, но оправдываться не стал. Меня отвели в мрачное подземелье, где на гниющей, зловонной соломе я мог в последний раз подумать обо всем случившемся.

Предательство Тимет еще более усилило во мне отвращение к жизни, и я только жалел, что не могу более легким способом отделаться от брэнного тела.

Утром, раздетого донага, с веревкой на шее, меня провели по улицам города. Трудно представить, какой ужас мне пришлось пережить. В меня кидали камни, плевали, подвергая всевозможным издевательствам, прежде чем привязали к позорному столбу на площади, где я должен был простоять три дня. Каждый имел право, не лишая жизни, оскорблять меня, как ему заблагорассудится, и особенно сильно страдал я от издевательств детей. Посмотреть на меня пришел почти весь город, и среди любопытных я увидел много знакомых и когда-то близких мне лиц.

Если первое время равнодушие ко всему поддерживало меня, то в конце концов от мрачных мыслей и страданий оно превратилось в такую нечеловеческую злобу, что я начал думать о спасении ради того, чтобы иметь возможность отомстить всем моим мучителям.

На рассвете четвертого дня должна была состояться казнь. Но накануне ночью, обессилев, я потерял сознание, и, опасаясь, что я могу умереть до срока, мои палачи отнесли меня в больницу. Здесь я, быстро очнувшись и окрепнув благодаря отдыху, сделал вид, что все еще нахожусь в бессознательном состоянии. В совершенно закрытой комнате не было никого, но по шагам и стуку оружия я понял, что комната охраняется. Мой мозг усиленно заработал в поисках спасения, и я решил, еще немного набравшись сил, попробовать внезапно выскочить в двери и, пользуясь замешательством стражи, выбежать на улицу, где можно было бы скрыться. Что делать дальше, я не обдумывал, так как это зависело от многих обстоятельств, которые могли возникнуть в дальнейшем. Я хорошо понимал всю безнадежность этого отчаянного предприятия, но другого выхода не оставалось.

Так я лежал, перенося решительный момент на каждую следующую минуту, пока вдруг за дверью не раздались какие-то голоса, шум, движение, и в отворенную дверь неожиданно вошла Тимет. С закрытыми глазами я молча ждал, что будет дальше. Приблизившись к моему ложу, она наклонилась надо мной, и я понял, что она хочет убедиться, жив ли я или уже мертв.

— Карту! — громко сказала Тимет. В голосе ее было столько отчаяния, что я открыл глаза.

— О боги! Ты жив! Госпожа послала меня к тебе, чтобы сказать о том, что она просила за тебя у нашего царя, и он обещал ей, приказав обратиться к нему с просьбой о помиловании.

Чуть приоткрыв глаза, я выслушал ее громкий голос с внезапно вспыхнувшей надеждой на возможность счастливого исхода, хотя мне показалась странной неожиданная милость Црабети.

Пока она громко говорила это, я увидел на лице ее предупреждающее выражение и понял, что цель ее прихода не соответствует тому, что она только что сказала. Наклонившись, она быстро залепетала мне на ухо, прерывая шепот не относящимися к смыслу словами, по-видимому, предназначенными для стражи за дверями.

Тимет сказала, что у дверей находится часовая и что отсюда через большую комнату есть выход на улицу, который запирается снаружи, где также имеется стража.

— Когда я буду выходить через дверь, можно будет проскочить, ибо я отвлеку часового.

Она описала мне маршрут моего дальнейшего пути до лодки, скрытой в береговом тростнике.

— Ночь очень темная, — закончила она, — и план побега может осуществиться. Здесь оружие.

Она достала из-под одежды умело скрытые кинжалы. Их было два, и я хотел их схватить, но Тимет одна оставила себе.

— Зачем, — хотел было спросить я, но она не дала мне закончить.

— Нужно спешить.

И я не стал медлить.

— Итак, ты согласен, Карту?

— Да! — хрипло ответил я.

— Тогда я спешу сообщить это госпоже.

Она вышла за дверь, широко ее открыв, и, кокетливо подмигнув стражнику, заговорила с ним, и он повернулся спиной к двери. В этот момент мой нож вонзился в него. Убедившись, что он мертв, мы пересекли большую комнату и подошли к выходу. Попросив отворить, Тимет вышла за дверь, и та же история повторилась.

— Ты искупила свою вину, — шепнул я Тимет.

— Да! Это я достала подложный пропуск и придумала историю с помилованием, — сказала Тимет. — Это не все. Возьми еще вот.

Она разорвала одежду на груди, и, не зная, что думать, я с полным равнодушием взглянул на ее когда-то так волновавшие груди.

Но прежде чем это дошло до моего сознания, блеснула сталь, и Тимет, медленно склонившись, упала на землю. Под левой грудью торчала рукоятка кинжала. Я наклонился над ней с подавленным криком сожаления, но она уже не понимала меня. Тогда я бросился бежать, закутавшись в плащ моей первой жертвы, и, предвкушая месть, через полчаса уже отчаливал к передовым отрядам Асату.

Почти совсем изнемогая от усталости, я все же доплыл и нашел еще силы пройти вглубь берега несколько шагов, пока наконец, споткнувшись в который раз о какой-то камень, не упал, потеряв сознание. Очнувшись, я увидел себя окруженным воинами Асату. Было уже светло. Один из них приводил меня в чувство ударами ноги, окованной в железо, по ребрам. Увидев, что я пришел в себя, они связали мне руки и повели куда-то, пинками поощряя к более быстрому темпу. Мы вскоре подошли к дымящимся кострам и были окружены толпой суровых воинов, что-то спрашивающих у меня на незнакомом языке.

Наконец нашелся переводчик, говорящий на диалекте Тацлау.

— Ты кто такой, почему у тебя такая одежда и что значит такой ужасный вид, который ты имеешь?

Кто-то со смехом сорвал с меня разорванный плащ, и, посмотрев на свое тело, я увидел тысячи кровоподтеков, ран и царапин, которые местами уже загноились.

В этот момент к нам подошел какой-то воинский начальник. Объяснив ему, что я бежал с островов Патлау, я просил доставить меня к императору Бейбуцу.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я доставил тебя к богу преисподней? — и он дико расхохотался.

Но я с такой твердостью и жаром повторил свое требование, что он перестал смеяться и ударил меня по лицу. Едва удержавшись на ногах, я закричал:

— Хорошо же вы платите мне за спасение принцессы Аллайи!

Услышав это имя, все воины заволновались, и к переводчику обратилось, перебивая друг друга, множество голосов. Заставив всех замолчать, воинский начальник, задав мне несколько кратких вопросов, касающихся относительно бегства Аллайи, приказал меня куда-то вести. Мне возвратили плащ, и мы пошли вглубь стана Асату, сопровождаемые любопытными взглядами воинов, заканчивавших завтрак у многочисленных костров. Миновав несколько шатров, мы подошли к самому красивому и большому, перед ним стояло несколько вооруженных до зубов воинов-часовых. Они скрестили копья перед нами, и после кратких переговоров мне были связаны руки. Один из воинов вошел в шатер. Через пару минут он возвратился, сопровождаемый просто одетым человеком с очень благородной осанкой и властным выражением лица.

Посмотрев на меня с любопытством, этот человек сказал:

— Так это ты помог бежать принцессе?

Я молча кивнул. Он покачал головой. Осмотрев меня и усмехнувшись моему жалкому виду, он продолжал:

— Зачем же ты хочешь видеть Бейбуцу?

— Я имею дело к самому императору.

Незнакомец иронически улыбнулся.

— Если ты действительно спас принцессу, ты будешь хорошо награжден — после того как мы проверим это, а что касается свидания с Бейбуцу, то должен тебе сказать, что он занят важными государственными делами и вряд ли сможет выслушать тебя.

— Никаких наград мне не нужно, и я пришел сюда не для того, чтобы хвастать спасением Аллайи. Я требую свидания с императором и прошу передать ему, что я могу помочь ему форсировать пролив и уничтожить государство Патлау.

Величественный незнакомец вздрогнул и посмотрел на меня с выражением, в котором явно отразилась борьба двух решений: считать меня сумасшедшим или гением.

— Хорошо, — сказал он, — перед тобою находится Бейбуцу Второй. Что можешь ты предложить мне и кто ты такой?

Я поклонился императору и, гордо выпрямившись, сказал:

— Я строитель кораблей Патлау. Я могу построить корабли, которые во много раз превзойдут все лучшие корабли, которые сейчас бороздят моря.

— Развяжите его и дайте ему все необходимое — отдых, одежду, пищу.

О смысле этих слов я мог догадаться по тому, что последовало дальше. Мне предоставили шатер, откуда был срочно выселен его прежний обитатель. Принесли воду, и три человека, не отходившие от меня ни на шаг, привели меня в полный порядок. После водных процедур последовали лечебные и парфюмерные. Надушенный всякими благовониями, травами и маслами и одетый в простую и удобную одежду знатного асату, едва прикоснувшись к яствам, я упал на мягкое ложе и погрузился в крепкий сон, чувствуя, что с пробуждением начнется новая жизнь.

Не знаю, сколько я спал, но, по-видимому, долго. Открыв глаза, я увидел горящий светильник и понял, что уже наступила ночь. Заметив, что я не сплю, ко мне подошел черный раб и что-то сказал. По его знакам я понял, что он предлагал мне одеться: в руках он держал одежду. Не без некоторых затруднений я облачился в мало знакомую обувь, одежду и странный головной убор, украшенный красивыми перьями.

Мой черный раб старательно мне помогал, и если бы не он, это занятие, наверное, не увенчалось бы успехом. Однако Кодра, так звали раба, не только помогал мне раскрывать секреты таинственных застежек, но действовал как истинный художник: он отходил в сторону, присматриваясь внимательно и поправляя части моего туалета. Несколько предметов он даже отбросил прочь и принес откуда-то новые. Я подчинялся его движениям беспрекословно, далекий в мыслях от всего происходящего. Оправив-

шись уже почти совсем от перенесенных мучений, я весь горел желанием мести, и лишь через эту завесу мне просвечивало чувство любви к Аллаюе.

Если во время нашей последней встречи я думал, что потерял ее навсегда, то и теперь ее недоступность в новых условиях ничем не отличалась по существу от полной потери ее. И все же в глубине сердца еще таилась надежда приблизиться к ней и, может быть, еще как-нибудь раз или два испытать теплоту ее незабываемых губ. На что еще мог надеяться я в моем новом положении? Где-то далеко в сознании мелькнула мысль, что, может быть, мне еще придется наблюдать картину, которая уже теперь заставляла сжиматься мое сердце, — картину бракосочетания Аллаи с каким-нибудь царем или прославленным военачальником.

Когда мой туалет был закончен, Кодра пригласил меня следовать за ним. Мы вышли из шатра, и я увидел окруженное синей рамой прекрасной ночи величественное зрелище громадного военного лагеря, усыпанного бесчисленными кострами, среди которых, недалеко от нас, особенно ярко пылала многочисленными огнями небольшая площадка, окруженная рядами воинов в пылающих огненными бликами доспехах. Мы направились к этой площадке, и, подойдя ближе, я увидел на возвышении, напоминающем трон, Бейбуцу, окруженного своей многочисленной свитой.

Ко мне подошли какие-то знатные воины, одетые приблизительно так же, как и я, и, поклонившись, повели меня мимо рядов личной гвардии императора, застывшей в положении “смирно”. Увидев меня, сановники прекратили разговор, и я почувствовал на себе внимательный взгляд нескольких сотен пронзительных глаз. Остановившись перед Бейбуцу, я низко поклонился ему, но не встал на колени, как это обычно делалось.

Император кивнул мне головой. Он встал и подошел ко мне поближе, что-то сказав стоявшему рядом сановнику, и тот на чистейшем диалекте Патлау, став рядом со мной, сказал:

— Сейчас император будет говорить, а я — переводить тебе.

Представив меня своему окружению, Бейбуцу сказал:

— Этот человек обещает нам создать мощь на море, которой будет достаточно, чтобы уничтожить морские силы Патлау.

Перед вами стоит знаменитый конструктор и строитель лучших в мире кораблей.

После его слов я увидел всеобщее оживление и услышал свое имя, произнесенное много раз. Обратившись ко мне, Бейбуцу продолжал:

— Мои люди приветствуют тебя, но среди них есть сомневающиеся. Скажи им, что привело тебя к нам и чем ты можешь доказать, что в действиях твоих не кроется измена?

— То, что владеет всеми вами сейчас, владеет мною в еще большей степени. Это желание уничтожить государство Патлау, и чтобы, будучи его гражданином, придти к такому желанию, мне нужно было многое перенести от моего народа и его правителей. И вот я навсегда отрекся от них! Они хотели уничтожить меня, но теперь я уничтожу их, если вы поможете мне.

Послышались одобрительные возгласы.

— Всеми своими действиями я докажу, что мои намерения соответствуют моим словам, — закончил я.

Бейбуцу положил мне руку на плечо, глаза его горели возбужденно. По-видимому, я был для него откровением и средством, которое осуществляло его заветные мечты.

— Карту, — сказал он торжественно, — в присутствии всех я говорю, что если ты осуществишь то, что задумал, я сделаю тебя моим ближайшим сотрудником и награжу тебя так, как этого захочешь ты. Нам всем известно, как ты спас жизнь Аллайи, и наша благодарность за это не имеет предела. Пойдемте ко мне и отпразднуем этот торжественный день.

Он взял меня за руку, и под громкие крики окружающих мы направились к громадному шатру. За нами последовало лишь несколько сановников и высших воинских начальников.

Зайдя в шатер, я остановился, как пораженный громом: передо мной стояла Аллайя! Но это была не та скромная девушка, которую я знал. Роскошная одежда и изумительные драгоценности, сияющие тысячами огней, делали ее похожей на какую-то огненную богиню, подчеркивая красоту и без того прекрасного лица ее. Я стоял, не зная, как мне поступить, и она сама разрешила этот вопрос. Спокойно подойдя ко мне, она с достоинством поцеловала меня и, обращаясь к Бейбуцу, сказала:

— Ну, как ты находишь моего жениха?

Бейбуцу засмеялся:

— Жених хорош, но прежде чем стать твоим мужем, он должен доказать на деле, что он достоин тебя, и свадьбу мы отпразднуем на островах Патлау.

Мы возлегли на ложе. Я находился между прославленным императором Асату и его великолепной сестрой. До глубокой ночи продолжался веселый пир, на котором я чувствовал себя таким счастливым, каким несчастным был несколько дней назад. Мне удалось, немного удалившись в сторону, поговорить с Аллаией, пока все были погружены в наблюдение за танцами придворных танцовщиц.

— Любимый мой, — шептала Аллаия, — теперь ничто уже не разлучит нас.

Незаметно глядя ее руку, я говорил только глазами, в которых она читала то, что передать были бессильны слова. Аллаия отвечала мне таким же взглядом, и я пьянел от него больше, чем от всего выпитого вина.

В очень короткий срок в устье большой реки, сделав ее непроходимой для кораблей Патлау, чтобы предотвратить возможность всякого внезапного нападения, я создал грандиозные верфи, школу строителей и Академию мореходного искусства. Все это потребовало колоссальной энергии, но близость Аллаии служила мне таким неисчерпаемым источником вдохновения, что я не знал усталости и быстро выполнил первую часть своего грандиозного плана.

Я стал самым популярным человеком в государстве гордых завоевателей и достиг такой власти, о которой не мог и мечтать на островах Патлау, и эта власть вместе с любовью Аллаии стала опьянять меня, создавая потрясающие иллюзии самого невероятного счастья. Если прежде меня немного чуждались как иностранца, то после того, как я овладел в совершенстве языком Асату, стерлись эти последние грани, и всей душой я слился с народом, который поднимался в зенит своего могущества, распространяя власть на весь окружающий мир.

Через два года я наконец-то вывел эскадру кораблей в открытое море, и первые дни учения показали мне, какой страшной мощью я одарил государство Асату. Император, придя в восторг, устроил после учения такой роскошный пир, какого еще не видела ни разу империя. На этом пиршестве было официально объявлено о моей помолвке с принцессой Аллаией и был назначен день нашей свадьбы, не дожидаясь вторжения на острова Патлау. Он был приурочен ко дню, когда на рейде Гуру наконец появится флот, с помощью которого можно будет осуществить вторжение.

Глава 3

СВАДЬБА

Согласно обычаям страны, наше бракосочетание было обставлено особенно торжественно. В столицу прибывали посольства всех вассальных государств. Готовилось всенародное празднество и грандиозный парад легионов столицы. Бракосочетание должно было состояться в храме богини Майи, в присутствии высшего духовенства всей страны. Затем должны были последовать народные гулянья и зрелища в цирках.

Я не должен был видеться с Аллаией в течение трех недель, подвергаясь особому режиму жизни с применением специального питания и всевозможных процедур, среди которых притирания всевозможными благоухающими маслами особенно докучали мне.

В наше распоряжение отдавался великолепный вновь выстроенный дворец, обставленный с невероятной роскошью и комфортом. Тысяча рабов трудилась день и ночь, украшая его.

К концу третьей недели я страшно устал от всех этих приготовлений и втайне жалел, что не могу избежать всех сложных и грандиозных церемоний, которые ожидали меня впереди. Кроме того, я очень скучал, не видя Аллаии, но приходилось все это терпеть, ибо таково было желание Бейбуцу.

Рано утром в день свадьбы, прогуливаясь по аллее сада и наслаждаясь красотой и ароматом цветов, я вдруг заметил быст-

ро переползающую аллею ядовитую черную змею. Позвав рабов, я приказал найти опасную тварь и уничтожить ее. В поисках приняли участие почти все слуги. Они рассыпались по саду, обшаривая буквально каждую пядь земли. Неожиданно раздались громкие крики где-то впереди, и я подумал, что змея обнаружена. Каково же было мое удивление, когда толпа слуг появилась на аллее, ведя какого-то связанного человека, пытающегося вырваться из крепко сцепившихся в него рук.

Один из рабов показал мне короткий нож, который был обнаружен у этого человека, прятавшегося в кустах. Несмотря на то, что он был одет как асату, я сразу же узнал в нем жителя Патлау. Он отказывался отвечать на вопросы, но, видя, что ему не избежать пыток, сознался в том, что пробрался на материк с островов, чтобы убить меня.

Такое происшествие накануне свадьбы, доказавшее всем ненависть ко мне врагов Асату, еще более упрочило мое положение, вызвав взрывы сочувствия и соболезнования. Мне передали, что, услышав о покушении, Алла́йя была потрясена и рвалась ко мне, но сила обычая была сильнее, и когда после целого ряда церемоний мы встретились с нею в Храме богини Майи, она шепнула мне:

— Я знаю обо всем случившемся, и никогда не думала, что ты мне так дорог.

Происшествие в саду произвело на меня тяжелое впечатление не потому, что меня коснулось дыхание смерти, но потому, что ожили уже давно забытые переживания, связанные с моим прошлым и народом Патлау.

Все же, когда, наконец, закончились главные церемонии и воины пронесли нас на щитах от Храма до дворца под громкие крики народа, в дожде бесчисленных цветов, я совершенно забыл о том, что случилось утром. Вся роскошь пира, сияние драгоценностей и тысячи блестящих слов, которые нам пришлось услышать в этот день, были для меня ничто по сравнению с пьянящей близостью Алла́йи и ее красотой, подчеркнутой в этот день с предельной силой.

Когда же, наконец, оставшись наедине, я заключил ее благоухающее тело в свои объятия, мне показалось, что я достиг

пределов самого невероятного счастья, которое только возможно на земле.

Глава 4

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Медовый месяц наш продолжался недолго. Император горел желанием как можно скорее начать вторжение на острова Патлау, против которых была собрана грандиозная армия, состоящая из отборных сил Асату.

Мне было поручено командование флотом.

Глава 5

ВТОРЖЕНИЕ

Всю ночь накануне выступления я провел вместе с Аллаией без сна, и, прощаясь со мной, она мне дала прядь своих волос, которые я, замкнув в драгоценный медальон, повесил на грудь, над сердцем.

Аллаия провожала меня до самого берега, когда мой флагманский корабль поднял паруса и двинулся вперед, она еще долго махала мне с пристани, пока не скрылась из вида. И когда это случилось, я вдруг почувствовал какую-то смертельную тоску, как будто видел ее в последний раз.

Погода благоприятствовала плаванию, и, обогнув полуостров, мы увидели голубые контуры островов Патлау, от которых тотчас же, по-видимому, заметив нас, отделились многочисленные белые точки и двинулись навстречу нам. Я попробовал сосчитать их, но, сбившись скоро со счета, понял, что навстречу нам выступил весь соединенный флот Патлау, и мы пошли навстречу ему тремя кильватерными колоннами. Согласно моему плану, мы должны были охватить его кольцом и полностью уничтожить.

Наступила грозная волнующая минута. Мой быstroходный корабль шел впереди средней колонны, и когда уже ясно обозна-

чилились контуры вражеских кораблей, я дал приказ своей колонне развернуться в треугольник. Уже можно было различить довольно ясно корабли противника, и я увидел, как впереди вражеской дружины, направленной на меня, шел корабль не знавшего поражений старого адмирала Варту. Когда-то я сам спускал этот корабль на воду и знал все его особенности.

Мой флагман хотя и был гораздо меньше него, все же превосходил его во всех боевых качествах. Варту сделал маневр, который я сразу же разгадал: он собрался вонзить мне в борт свой носовой таран. Легко и быстро сделав контрманевр и скользнув мимо его борта, я поразил его своим бортовым тараном, который был еще неизвестен Патлау.

Раздался треск, и как только мы оторвались от корабля Варту, он сразу же дал крен. Поклонившись старому адмиралу, я направился к своей следующей жертве, оставив смертельно раненого врага в добычу нашим кораблям, которые шли позади. С той же легкостью, почти не затратив никаких усилий, мы потопили следующее судно. Это был не бой, а просто избиение беззащитных.

Пока мы привлекали главные силы на себя, мои боковые колонны замкнули свое кольцо и стали сжимать его вокруг мечущихся в беспорядке кораблей Патлау. Превосходя противника своей быстротой и маневренностью, наши суда ловко скользили вокруг своих жертв, и когда уже через два часа стало ясно, что противник полностью разгромлен и уничтожен больше чем на две трети, его корабли один за другим стали сдаваться в плен.

Я и прежде был уверен в победе, но не представлял себе, что техническое превосходство моих кораблей доставит мне эту победу над великой морской державой так просто и легко.

Отправив две эскадры на север и на юг вдоль островов Патлау, чтобы найти и уничтожить оставшиеся корабли противника, я с главными силами своего флота подошел к берегам Тацлау и бросил якорь напротив армии Бейбуцу, расположенной здесь в ожидании вторжения. Сотни тысяч голосов, как громовые раскаты, приветствовали наши победные корабли. Едва я сошел на берег, как сразу же был подхвачен на щит и пронесен среди общего ликования до самого возвышения, где ждал меня наблюдавший

за сражением император. Он заключил меня в свои объятия и радовался победе, как ребенок. Тут же была отдана команда немедленно погрузиться на корабли.

К рассвету следующего дня эта операция была полностью закончена, и мы подошли к берегам Патлау, начав одновременно высадку в трех разных пунктах. Собрав значительные силы, Патлау оказывали нам отчаянное сопротивление. Несколько раз они сбрасывали бесстрашных Асату в море, но все же к полудню, закрепив за собой северный Тетденон (предместные укрепления), наши силы хлынули мощным потоком с севера, создав угрозу обороняющим центр основным силам Варту Црабети. Поспешно отступая, они дали возможность высадиться нашей центральной группе и сразу же отрезать группу сил противника, обороняющихся против нашего южного крыла.

К вечеру эта южная группировка была полностью уничтожена, а мы стали теснить отходившие к столице армии, которыми руководил непосредственно Варту Црабети. Они отчаянно сопротивлялись и несколько раз переходили в контрнаступление, но непрерывным потоком идущие с континента пополнения свели эти атаки к нулю. Было ясно, что в открытом бою выдержать натиск Асату армии Патлау не смогут, и когда на рассвете мы возобновили бой, то оказалось, что армии Варту Црабети почти полностью уже вошли в столицу, и мы немедленно обложили ее.

Бейбуцу смеялся:

— Они сами залезли в мешок, где задохнутся от голода, и мы сможем их взять без всяких усилий.

Оставив осажденную столицу, император Бейбуцу пошел вглубь островов, и мы могли догадываться по все увеличивающимся заревам, что участь островов Патлау уже решена.

Расправа была короткой и жестокой, и к исходу третьей недели вторжения все острова были заняты полностью, за исключением осажденной столицы. Не желая напрасных потерь, мы предложили Варту Црабети сдать город без боя, но он отказался. Тогда мы приступили к подготовке штурма.

Несмотря на тщательные приготовления, нам не удалось овладеть хорошо укрепленным городом ни при первом, ни при вто-

ром, ни при третьем штурме. Такое сопротивление, как это всегда бывает, сильно озлобило нападавших.

Поторопившийся с празднованием победы, Бейбуцу был сильно раздражен. При третьем штурме погибли лучшие и отборные легионы, прошедшие с ним весь длинный путь побед, и наше войско должно было подготовиться к длительной осаде.

Через месяц в городе начался голод и вспыхнула эпидемия. Наступила агония, и, полностью удовлетворив чувство мести, я начал жалеть своих несчастных соотечественников. Однако несмотря на мои неоднократные просьбы еще раз предложить им капитуляцию, Бейбуцу наотрез отказался от этого. Четвертый штурм решил участь столицы, которая была превращена в руины, подобно Тацламакану, и в ней не осталось ничего живого.

Когда рассеялся дым, я отправился в город, чтобы посмотреть, во что превратилось то место, где я родился и жил. С трудом отыскал я развалины своего дома, и это зрелище поразило меня.

Не найдя среди пленных жены и детей, я пытался найти их трупы среди руин своего дома. Когда, наконец, на третий день, разобрав кучи щебня, мне удалось проникнуть в подвалы, я нашел их среди нескольких смрадных от разложения тел лежащими в позе, которая потрясла меня: по-видимому, они приняли какой-то яд.

Иит сидела, прислонившись к стене и обхватив тела моих детей, прижавшихся к ней в судорогах последней агонии. Я хотел подойти к ним поближе, но страшное зловоние оттолкнуло меня. Как сумасшедший, бежал я из города, охваченный каким-то смертельным ужасом, и куда бы ни поворачивал свой взгляд, повсюду перед моими глазами вставали три фигуры, несомненным убийцей которых был я.

Ни вино, ни развлечения не только не заставили меня забыть эту страшную картину, но еще больше способствовали потере равновесия. Я в ужасе метался, не зная сна уже третий день, мучимый совестью и чувством невозможности исправить свою ошибку. Я настолько переменился, что даже мысль о возвращении к Аллаю была для меня противной; придя в полное отчаяние, не видя выхода из создавшегося положения, я вспомнил вдруг о

том, что уже давно забыл и что боялся вспомнить, — я вспомнил о Црамане.

“Вот кто еще способен мне помочь, ведь он всегда находил выход из всех моих затруднений прежде. Может быть, он жив, я должен найти его, упасть к его ногам, ведь он своим великим сердцем сможет понять меня и простить. Как я не подумал об этом раньше!” С загоревшейся надеждой я немедленно устремился в лес и вскоре дошел до нетронутой хижины отшельника, но она оказалась пуста.

Вероятно, отшельник покинул ее давно. Не зная, что думать, я отправился по звериной тропе вдоль того потока, где когда-то спас от тигра Аллайю. Тропинка уходила все выше в горы, и вот, обессилев, в изорванной в клочья одежде, весь поцарапанный, я остановился у водопада, низвергающегося хрустальной лавой в пропасть, откуда брызги поднимались столбом и слышался грозный гул.

Поднявшись с камня, я уже хотел идти назад, как слух мой уловил шуршание кустов и осторожную поступь человека. Скользнув за дерево, я принялся наблюдать за тропой и вспыхнул вдруг от радостного изумления. Кровь хлынула к моему лицу, в ушах зазвенело, и сердце забилося, готовое выскочить из груди. По тропе медленно шел Црамана.

С радостным криком я бросился ему навстречу, но тут же почувствовал, что от волнения ноги не повинуются мне, я упал на землю, задыхаясь и опасаясь, что отшельник уйдет. Я пополз к нему, цепляясь за землю, хватаясь за траву и кусты. Отшельник шел уже совсем близко, и я закричал, пытаюсь остановить его, но вместо крика из уст моих вырвалось какое-то хриплое рычание.

Црамана остановился и посмотрел на меня. Я увидел его лицо — на этот раз оно не было бесстрастным, я в нем прочел презрение к себе, и взгляд его ударил меня сильнее, чем плеть по лицу. Не будучи в силах выдержать его, я опустил глаза и, собравшись с силами, лишь через несколько секунд мог поднять их снова.

Отшельник поравнялся со мной и, плюнув на меня, спокойно прошел дальше, скрывшись в кустах. Я почувствовал, что за-

дыхаюсь от какого-то ужасного чувства ни с чем не сравнимого ужаса и отчаяния. Я бил себя кулаками по голове, бился лицом о землю, пытаюсь стряхнуть с себя страшную боль, но ничего не помогало. Поднявшись, шатаюсь и не видя ничего перед собой, я бессмысленно пошел вперед и незаметно очутился у водопада. Взглянув вниз, я вдруг почувствовал возможность как-то облегчить свою участь и прыгнул вниз, но слабые ноги подкосились, я ударился, падая, о камни и увидел, как все завертелось передо мной и превратилось в какую-то черную бездну...»

Вихоревка. 1954 г.

Соната B-moll

Новестъ

Первые лучи восходящего солнца, проникшие через грязные стекла в комнату художника Мартова, были неприятно поражены представившейся им картиной убогой и неряшливой обстановки мастерской, в которой жил и работал не признанный обществом талант. Привыкшие к разным картинам добра и зла, солнечные лучи все же немного дрогнули при виде вопиющей нужды, превышающей всякое воображение; но одинаково проливающие свою щедрость и на бедных, и на богатых — милостивые лучи мягко и ласково приблизились к опущенным векам художника и, позолотив его длинные черные ресницы, заставили их дрогнуть и приоткрыться. Послышался тяжелый вздох, и, недовольно поморщившись, Мартов проснулся, чтобы встретить новый весенний день в тревожном раздумье, подобно пушкинскому герою, — “что день грядущий мне готовит...”

А день действительно готовил целую кучу неприятностей: заботы о насущном хлебе в прямом смысле, а не в переносном (ибо надеяться на что-либо больше не приходилось); тяжелые разговоры с кредиторами, число которых возрастало с каждым днем и среди которых наиболее неприятным была хозяйка комнаты, не получавшая арендной платы уже более полугода; проблема с изношенной одеждой, которая уже отказывалась подчиняться починке и упорно расползалась от каждого неосторожного движения; дырявая обувь, недостатки которой он тщетно пытался восполнить недолговечными картонными стельками, и еще множество всевозможных забот, при одной мысли о которых хотелось вновь броситься в спасительные объятия Морфея, что Мартов и попытался сделать, закрыв глаза оборванным, в лохмотья, краем грязного одеяла, за которое ни один барахольщик, к великому возмущению художника, не соглашался дать более полтинника. Однако это намерение оказалось бесполез-

ным: пустой желудок, несмотря на длительную тренировку, настойчиво напоминал о том, что нужно поесть, и Мартов с чувством глубокого удовлетворения вспомнил, что от вчерашней продажи пустых бутылок (которые он одолжил у знакомого якобы под скипидар и олифу) еще оставалось четыре медных копейки, которых было достаточно для покупки целого фунта душистого, мягкого и вкусного, как шоколад, самого дешевого хлеба.

Едва лишь вспыхнул образ прекрасного ломтя, как оставаться в постели стало уже невозможно. Решительным движением скинул одеяло, он быстро вскочил и потянулся. От этого неосторожного движения и без того дырявая рубашка зловеще затрещала. Это заставило его мгновенно со страхом опустить руки и с ужасом убедиться в том, что сравнительно небольшие дыры расползлись еще шире. Однако это небольшое огорчение было ничто в сравнении с предстоящим “завтраком”.

Мартов, поспешно одевшись, тотчас заглянул в коробочку, стоявшую на столе. Там лежали большие, черноватые от времени, с легкой зеленой окисью, медные монеты, и он не мог отказать себе в удовольствии, взяв их в руку, послушать приятный звон металла, подобный гулу пасхальных колоколов, ибо в этом звуке была жизнь и воскресение из мертвых. Он несколько раз подкинул монеты на ладони и вдруг почувствовал, что сердце его на полном скаку готово остановиться от ужаса. “Может быть, это только кажется?” — подумал он. Нет! Это так. Сомнений быть не могло: одна из монет была значительно меньше других. И достаточно было лишь поверхностно осмотреть ее, чтобы убедиться в том, что монета выпуска отдаленной эпохи хотя и обозначала копейку, но теперь ходила всего за полцены. А это значило, что сумма всех монет равнялась всего трем с половиной копейкам, на которые купить фунт хлеба было уже невозможно, а просить менее фунта и тем обнаружить свою несостоятельность было бы для него значительно тяжелее, чем просто погибнуть от голода.

Отчаяние вкралось в его смятенную душу... Где же достать еще полкопейки? Источники, где можно было бы занять или попросить, были исчерпаны до конца. Продать что-либо (конечно,

не в ломбард, а барахольщикам) уже было нечего, и мозг художника начал лихорадочную работу, создавая самые умопомрачительные планы в поисках недостающей полкопейки. Некоторые из них были преступными и дерзкими, но, зная, что он не способен ни на дерзость, ни на преступление, несчастный остановился наконец на наиболее реальном: есть мера унижения, но есть еще способ получить монету без компромисса с самолюбием. Молодой китаец, которого хозяин лавки (в недавнем прошлом еще надевавшийся на погашение счетов) часто посылал к художнику, был одним из немногих почитателей его таланта, к нему-то и направился Мартов.

Убедившись, что хозяина в столь ранний час в лавке еще нет, Мартов вызвал на улицу своего почитателя.

— Как ты живешь? — спросил китаец.

— Неплохо, — ответил Мартов деланно бодрым тоном, — скоро будут заказы, дело уже на мази.

Китаец улыбнулся полупечальной, полуиронической улыбкой. Скользнув глазами в сторону, спросил:

— Ты, может быть, хочешь поесть? — Он тревожно взглянул на впалые щеки и заостренный нос художника. — Скажи не стесняйся, может быть, тебе надо денег?

— Что ты, — решительно прервал его Мартов, — как тебе не стыдно, у меня хватает всего, и я не за этим пришел к тебе. Однако ты правильно почувствовал, что у меня есть большая просьба к тебе. Видишь ли, мне надо сделать приспособление для растирания красок... Это небольшой медный цилиндрок, но беда в том, что при растирании краска попадает внутрь, а для предотвращения этого с боков нужна преграда величиной с полкопейки. Одна у меня уже имеется. Нужно именно вот такую.

Он показал лежащий у него на ладони медяк. Взяв монету, китаец утвердительно кивнул головой:

— Конечно, найдется!

С этими словами он подал Мартову недостающую монету. Мартов поблагодарил китайца и пошел в пекарню, где и купил фунт хлеба.

Что же довело несчастного художника до такого печального состояния?

Сергей Мартов родился в семье зажиточного чиновника и рос ни в чем не нуждаясь среди полного, безмятежного благополучия, пока однажды в нем не вспыхнуло особенно ярко пламя пробудившегося творчества.

Уже давно он чувствовал влечение к рисованию, и это влечение переросло в настоящую страсть, что сильно отразилось на его учебе в гимназии. Это заставило его отца принять соответствующие меры воздействия. Мартову запретили рисовать. Хотя он и подчинился воле отца, но в глубине души сохранил твердое намерение — сделаться во что бы то ни стало художником.

Всякое насильственное подавление страсти всегда лишь потенцирует ее мощь, и какие бы запруды ни ставились на пути этого неудержимого потока жизни, с каким бы усилием ни надстраивалась плотина, поток этот рано или поздно разрушит ее и лишь вызовет наводнение. Желание творить, подавляемое посторонней волей, достигло, наконец, своего предела.

Отец, мечтавший сделать из своего сына такого же чиновника, каким был сам, и соответственно направлявший дальнейшую судьбу юноши, вдруг встретил решительный отпор. Отказавшись от карьеры и экономиста, и инженера, юноша заявил, что он посвятит себя всецело живописи. Взбешенный этим, отец применил самые крайние меры: он предложил сыну существовать самостоятельно, а сам с семьей уехал на Филиппины, откуда не было для Мартова никаких известий. Но, уезжая, отец все же сказал, что как только заблуждение сына пройдет и жизнь отрезвит его, он немедленно откликнется на призыв о помощи. С тех пор прошло уже более года, но молодой художник еще не приспособился к жизни.

Конечно, доброе сердце — сердце матери — не могло подобно отцу хладнокровно отнестись к предстоящему испытанию сына. Уезжая, она оставила, втайне от отца, небольшую сумму из своих скудных сбережений, хотя и она тоже не сочувствовала его увлечению. Поэтому первое время все было хорошо, заветная мечта исполнилась.

Мартов накупил красок и всего необходимого для того, чтобы полностью отдаться любимому искусству. Вначале не было недостатка в друзьях и сочувствующих, но первые картины, созданные в новой обстановке, были слишком оригинальны, чтобы найти возможность сбыта, а со стороны коллег рассматривались как заблуждение, как новое проявление импрессионизма, смешанного с футуризмом и классицизмом.

Молодому художнику советовали определить яснее свое направление. Неумение жить, широкая душа и щедрость, скорее походившая на расточительность, довольно быстро подорвали его материальное благосостояние.

Друзья постепенно отходили, кредиты, отпускаемые под будущий гонорар, нарастали, и после того как денежный фонд был исчерпан, Мартов сделался завсегдатаем ломбардов. Неоплаченные вовремя квитанции заставили его лишиться почти всех чего-то стоящих вещей, и он сделался постоянным клиентом мелких скупщиков старья, от которого теперь уже почти ничего не осталось.

Нельзя сказать, что в этой борьбе он оставался совершенно одиноким. Во всем мире все же нашлась душа, которая не только понимала его, верила в него, но также и любила его всей силой своего первого чувства. Этой душой была Нина Воскресенская, девушка из богатой, всеми уважаемой семьи, талантливая пианистка, общение с которой для Мартова было постоянным источником и вдохновенного блаженства, и самых острых мук. Чтобы бывать в доме Воскресенских, необходимо было хорошо одеваться и соблюдать хороший тон. И если вначале это не составляло труда, то по мере истощения движимой собственности, к которой относятся костюмы и прочие принадлежности мужского туалета, художник был вынужден прибегнуть к несложной, но морально дорогостоящей операции: он сделался постоянным клиентом не только ломбардов, но и костюмерной, где стал брать напрокат все необходимое (будто бы для выступлений на сцене), но и здесь кредит был исчерпан.

Ему часто приходилось отказывать себе в самом необходимом, чтобы иметь возможность хотя бы раз в неделю посещать очаровательную Ниночку. Но, сидя за чайным столом, он, преодолевая муки голода, не доедал пирожные и под разными пред-

логами отказывался от второй конфеты, чтобы не вызвать подозрение, а если случалось задержаться, скромно не до конца съедал свой ужин при наличии аппетита, который трудно было бы удовлетворить всем поданным на стол. Необходимость заставляла его все реже и реже посещать семейство Воскресенских и изощряться в придумывании всевозможных предлогов для объяснения этих продолжительных отсутствий. Желание видеть Ниночку — его единственную радость, единственный источник вдохновения и кратковременного забвения — было так велико, что по сравнению с ним все муки нищеты были ничто. Но вот уже вторую неделю он не имел никакой возможности получить напрокат необходимые вещи и объяснить особую продолжительность своего последнего отсутствия, ибо у него уже не хватало воображения. Заметив свою любимую где-либо на улице, он стремительно сворачивал в сторону и прятался в толпе. Страх встретиться с ней в своем настоящем облике был для него гораздо сильнее, чем страх перед смертью, и он все ближе и ближе склонялся к мысли, что ему необходимо уйти из ее жизни и сделать это так, чтобы не было никакого отступления. И вот сегодня он наконец решил написать ей короткую записку, что он полюбил другую и просит забыть его. Принять такое решение было невероятно трудно. Это решение граничило с отчаянием, но другого выхода не было. От горя надвигающейся разлуки мысли работали плохо.

Нина проснулась в плохом настроении. Причесываясь у зеркала, она внимательно и печально рассматривала себя. Из зеркала на нее смотрела хорошенькая шатенка с пышными длинными волосами, с красивым взлетом черных бровей и густыми, загнутыми вверх ресницами, из-под которых мерцал глубокий синий свет ее печальных глаз. Нежный нос, чуть приподнятый у конца, красиво вырезанный рот с губами нежными и алыми, как кровь, румянец, свежий, как утренняя заря, на матовом бархате невинно-юных щек — всего этого было вполне достаточно, чтобы вскружить голову и не таким красавцам, как Мартов, но, по всей видимости, этот немного странный человек был равнодушен и к ее красоте, и к ее талантам, и к ее душевным качествам. Иначе чем же можно было объяснить, что его посещения становились

все реже и реже, несмотря на всю ее нежность и внимательность к нему. Неужели он полюбил другую? От этой мысли ей становилось страшно и тяжело. Чем, какими свойствами должна была обладать эта неизвестная соперница, чтобы привлечь его, заставив забыть многие неповторимо-прекрасные моменты, которые так сблизили их? Ведь уже не однажды, с тех пор как он стал так редко посещать ее, она пытливо смотрела ему в глаза и своим инстинктом женщины читала в них любовь и преданность. Особенно в день их последней встречи, когда, закончив играть на рояле его любимую вещь, она посмотрела на него и увидела признаки слез в его больших открытых глазах. Ясно было видно, что он страдает, но отчего? Этого она не знала.

Тогда они сидели в комнате одни, и, опустившись на пол, он крепко обхватил ее стройные ноги, прижавшись лицом к почти детским коленям. Немного испугавшись такого странного и неожиданного проявления чувств, Нина с тревогой спросила, что с ним, и попробовала приподнять его, но он так крепко прижался к ней, что, бессильная сделать это, она стала гладить его густые, рассыпавшиеся в беспорядке волосы. В этот вечер, прощаясь, он был особенно ласков и долго не решался уйти. И вот уже кончается вторая неделя, а его нет и нет от него никаких вестей.

После долгих колебаний и раздумий она наконец решила нарушить установленный закон своего общества и отправиться лично к нему. Она очень волновалась, собираясь втайне от всех в этот отважный путь.

Конечно, нужно было найти подходящий предлог. Она представляла, как, увидев его, скажет, что очень беспокоилась о нем и думала, не заболел ли ее любимый, а потом попросит его показать еще не виденные ею картины, этюды, эскизы.

Особенно тщательно уложив волосы и надев свое лучшее платье, она сразу же после завтрака, сказав, что идет к подруге, пошла к Мартову.

“Милая Ниночка!

Прости меня, если можешь, но я больше не в состоянии скрывать от тебя эту ужасную правду — я полюбил другую...”

При этих словах Мартов почувствовал такое стеснение в груди, такую невыразимую душевную боль, точно он присутствовал при гибели последней радости, которая еще заставляла его жить и бороться. Невольные слезы упали на бумагу и, мешая смотреть, не давали ему закончить письмо. Плотнo стиснув зубы и собрав последние усилия, он вытер глаза и продолжал писать.

“Я прошу забыть меня и вычеркнуть навсегда из своей жизни. Может быть, через некоторое время ты поймешь, что я не мог поступить иначе”.

Закончив письмо, он упал на кровать и, уткнувшись в подушку, разрыдался, как маленький ребенок. И лишь после того, как подушка стала совершенно влажной, излив в слезах всю накопившуюся боль сегодняшних страданий, изнемогший, он наконец смог взять себя в руки, вытер лицо и стал складывать письмо, чтобы вложить его в конверт.

Внезапно зазвенел звонок, и кто-то был впущен в коридор. До него долетел сердитый голос хозяйки:

— Как будто бы дома!

Раздались шаги, и кто-то, подойдя к его двери, тихонько постучал. Он поправил растрепанные волосы и хмуро сказал:

— Войдите!

Дверь быстро отворилась, и вспышкой внезапной молнии, ударившей в самое сердце своей огненной стрелой, было для Мартова неожиданное появление Нины. Подошедшая к дверям со смешанным чувством стыда и волнения, она, не замечая окружающего, увидев исхудавшее, измученное лицо любимого, с таким глубоко скорбным выражением глаз, красных и слегка припухших от слез, мгновенно преобразилась. Лицо ее приняло тревожное выражение сострадания, и, быстро подойдя к застывшему от ужаса художнику и положив ему руку на плечо, она смогла только спросить:

— Сереженька, что с тобой? Ты болен?

Чувствуя, как у него подкашиваются ноги, он сел на кровать, и она опустилась с ним рядом.

— Да, — глухо ответил он. — Мне кажется, что я очень болен, что я схожу с ума.

Она испуганно оглянулась по сторонам и только теперь увидела убожество и нищету, в которой проживал герой ее восторженных грез.

— Сережа, милый, что все это может означать? Что случилось с тобой? Теперь, мне кажется, я начинаю обо всем догадываться или, быть может, и я начинаю сходить с ума?

Сергей закрыл лицо руками и долго ничего не отвечал.

— Сережа, прошу тебя, скажи мне, наконец, если не все, то хоть по крайней мере то, что можно мне знать. Ведь я должна помочь тебе!

Наконец прервав молчание, точно выдавив из себя стон, он ей ответил вопросом:

— Зачем ты это сделала?

Нина вздрогнула от этих слов: неужели это она довела его до такого состояния?

— Что же сделала я? — тихо повторила она, ожидая его ответа, подобно убийце, ожидающему приговор суда.

— Зачем ты пришла сюда?

Острое чувство обиды вспыхнуло в ее глазах:

— Разве ты не рад, что видишь меня?

Сергей взглянул на письмо, и, перехватив этот тревожный взгляд на лету, она догадалась, что в этой бумажке есть какая-то тайна. Быстрым движением она схватила ее. Он попытался вырвать письмо, но безуспешно.

Когда после короткой борьбы она развернула бумагу, он опустил голову и, убитый всем случившимся, дал ей возможность прочесть письмо без всякого сопротивления. Дважды, точно желая проверить, не ошибается ли она, Нина прочла письмо и, резко встав, сказала, с трудом сохраняя спокойствие:

— Так, теперь мне все понятно, понятен и Ваш вопрос. Простите... Во всем этом есть что-то странное, но, может быть, теперь нет надобности выяснять детали. Прощайте!

И прежде чем он успел опомниться и остановить ее, дверь затворилась, и вместе с этим погас последний луч еще таившейся надежды.

Как последняя капля переполняет чашу, так трагическая встреча с Ниной окончательно подорвала душевные силы Сергея. После ее ухода он долго сидел, уставившись в одну точку, и целая вереница тяжелых мыслей прошла перед его пораженным сознанием. Он видел себя ничтожным пигмеем у подножья гигантской скалы, которая давила на него и которую удержать уже не представлялось возможным. Борьба за лучшую, светлую жизнь, борьба за счастье привела его к такому бесславному поражению и ввергла в пучину страданий, из которых был только один выход — добровольная смерть. Вопрос встал лишь за способом ее осуществления. Наиболее простым и дешевым — казалась петля, ибо достать какой-либо яд не представлялось возможным. Мутным взором он обвел свое жалкое помещение и, не найдя ничего подходящего, попробовал потянуть веревку, которой был перевязан мешок с какими-то красками, но сразу же убедился, что она не выдержит его тяжести...

“Проклятая бедность, — шептали его побледневшие губы. — Она не дает мне возможности даже умереть”. И тут же вспомнил, что как-то, помогая хозяйке складывать дрова, он видел в сарае конец достаточно толстой веревки. Спокойно поднявшись, Сергей направился в сарай. Веревка была на месте. “Повеситься тут же, — подумал он. — Нет, могут помешать”. И, обмотав веревку вокруг пояса, он пошел к себе. Подходя к дому, Сергей внезапно почувствовал легкое головокружение и звон в ушах.

Дверь комнаты была слегка приоткрыта, тогда как он ее плотно закрывал за собой. Переступив порог, он остановился в недоумении. На кровати сидел человек, уже немолодой, с серьезным, вдумчивым лицом, опрятно и чисто одетый. Он несколько не удивился приходу Сергея и, глядя куда-то в сторону, спокойным, но твердым голосом сказал:

— Садитесь!

Ошеломленный Сергей не нашел в себе сил противиться его воле и покорно сел, уставившись вопросительно в его серые блестящие глаза. Незнакомец с минуту сосредоточенно молчал, потом, вздохнув, посмотрел на Сергея.

— Неужели Вы считаете свое положение настолько безнадежным? — спросил он.

И Сергею даже в голову не пришла мысль, откуда незнакомец мог знать о происходящем в его душе. Не дожидаясь его ответа, этот странный человек продолжал:

— Почему Вы приняли такое странное решение, даже не потрудившись разобраться как следует, что привело Вас к нему? Неужели у Вас не хватает честности достаточной, чтобы хотя бы самому себе сознаться, что всему виною Ваше чудовищное самолюбие, в жертву которому Вы готовы принести не только себя, но и всех близких, любящих Вас людей?

Сергей молчал, точно пораженный громом. Каждое слово незнакомца доходило до самой глубины его мятущейся души. А незнакомец спокойно продолжал:

— Ведь именно это самолюбие, эта ложная гордость, не имеющая ничего общего с настоящей гордостью — с истинным достоинством, — заставляет Вас молчать о своем положении, отвергая возможную помощь родных, друзей и всех людей, которые могли бы понять Вас и помочь Вам в трудный период. Это самолюбие заставило Вас, теряя свое истинное достоинство, позорно лгать, что Вам нужны бутылки под скипидар и олифу, чтобы купить себе [на деньги за них] необходимого хлеба. Это ложная гордость заставляла Вас лгать, когда Вы брали напрокат костюм, который якобы нужен, чтобы играть на сцене, и это же чудовище заставило Вас разбить сердце прекрасной девушки и поклониться куску веревки, которую, кстати, Вы можете снять, чтобы легче было дышать. А ведь все могло бы быть иначе. Вы могли бы выдержать испытание. Силой устремления к искусству и не обращаясь к помощи отца, Вы могли бы, видя истощение средств, пойти и заработать их в какой-нибудь конторе, временно сочетая занятие искусством и труд, который обеспечил бы Вас пищей, одеждой и кровом. Да в тысячу раз было бы лучше, честней и благородней пойти на простую, черную работу и после лопаты землекопа переходить на кисть и творить те вещи, которые при Вашем несомненном таланте были бы оценены во сто крат больше теми, кто знал бы, среди каких лишений и труднос-

тей они были созданы. Итак, не разделяйте труд на презируемый и благородный. Идите, трудитесь, и все будет хорошо.

Отвернувшись в сторону, Сергей молчал, бессильный что-либо возразить, пораженный простотой и ясностью логики таинственного незнакомца. Он забыл обо всем окружающем, забыл обо всех ужасах сегодняшнего дня. Он ясно видел перед собой всю ложь и мерзость своего характера, так же ясно, как и выход из создавшегося положения. Чувство глубокой благодарности к этому чудесному человеку наполнило все его существо. Готовый расцеловать его, он в радостном порыве обернулся к нему. И вдруг окаменел от ужаса — в комнате не было никого! Как мог уйти он так незаметно: ведь только что он договорил последнее слово. С этой мыслью Сергей стремительно бросился в коридор. Не найдя здесь никого, он поспешно выбежал на улицу. Но и здесь ему не удалось обнаружить таинственного незнакомца. Еще несколько десятков минут, потраченных на поиски, не дали никаких результатов. Незнакомец исчез, как призрак. “Я, может быть, действительно сошел с ума”, — подумал Сергей.

Вернувшись к себе в комнату и опустившись на кровать, он вдруг суеверно вздрогнул, увидев, что место, где сидел незнакомец, было застелено ровно и оставалось несмятым. “Быть может, это галлюцинация”, — мелькнула мысль.

На следующее утро он посетил контору по найму труда, а через день уже получал инструкции от десятника, который руководил работами по разборке старого бревенчатого дома, на месте которого воздвигался какой-то особняк. Сергей работал ввиду своей слабосильности на самом легком объекте и вдали от других. Ему было поручено разобрать кирпичи с одной стены подполья и удлинить его на пару метров.

Он взялся за это с энтузиазмом, быть может, даже большим, чем за свою последнюю картину, ибо теперь труд чернорабочего в своей сущности представлялся ему таким же творчеством, как и труд живописца; и в момент усталости и передышки перед ним вспыхивал чудесный образ незнакомца, который дал ему толчок

к истинному пониманию жизни и набросал перед ним вехи ее возрождения.

Теперь он будет честно работать и будет гордиться своим трудом, которым, быть может, не скоро, но когда-нибудь все же заработает себе все необходимое для жизни, и, протянув мозолистую, но честную руку Нине, расскажет ей обо всем, что было, без стыда и утайки, и она, конечно, простит его. Когда-нибудь наступит час признания его творческих достижений: его картины станут покупать, и тогда он с благодарностью отложит лопату, чтобы перейти на кисть.

При этих мыслях усталость исчезала, и он продолжал копать с удвоенной энергией. В яме было прохладно от тени и от сырой земли, которую уже много лет не тревожили. Лопата легко врезалась в мягкий грунт, лишь иногда натываясь на осколки кирпича, ржавые гвозди, оставшиеся в земле еще со времени строительства разбираемого дома и пролежавшие здесь непо потревоженными более 20 лет.

Неожиданно воткнутая с силой лопата вонзилась во что-то твердое. “Должно быть, какая-то чурка”, — подумал Сергей и, окапывая ее, заметил, что это не чурка, но продолговатый ящик, покрытый смолой и перетянутый уже проржавевшими насквозь железными полосками.

Когда таинственный ящик был окопан со всех сторон и Сергей попробовал вытащить его, он оказался как бы прикованным к земле. А когда после страшных усилий ему наконец удалось столкнуть ящик вниз, тот упал, продавив взрыхленную землю почти на полметра, и едва не отдал ему ступни. Сергей осторожно вскрыл доски лезвием лопаты, разрезал ткань, которая оказалась под досками, и вздрогнул от удивления. Под нею что-то заблестело матово-желтым цветом, и на черную землю упало несколько кругляшков, подняв которые, он увидел, что это были золотые монеты достоинством в 15—20 рублей с изображением Николая II.

Насыпав пригоршни монет в карман, он забросал ящик землей и, переведя от волнения дух, уселся на землю рядом. Кем-то когда-то зарытый клад представлял собой огромное состояние!

Здесь, несомненно, должны находиться миллионы, но как доставить ящик к себе? Поднять его одному человеку было невозможно, а действовать надо было срочно.

Уходя с работы, Сергей тщательно прикрыл этот ящик, решив прийти за ним ночью. По дороге он посетил несколько меняльных контор, разменяв всего несколько монет, туго набил свои карманы бумажными деньгами, на которые сразу же купил себе изысканную одежду, всевозможные закуски, лакомства и, нагруженный до предела, возвратился домой на машине, встреченный радостно-удивленным взглядом всплеснувшей руками хозяйки.

Ему с трудом удалось выдворить ее из комнаты, чтобы переодеться. Наскоро сервировав стол, он пригласил хозяйку на чашку чая, предварительно вручив ей деньги, превышающие его задолженность более чем в 10 раз.

Свою щедрость он объяснил получением денег от отца и, пожелав хозяйке спокойной ночи, лег на кровать, заложив руки за голову. Несмотря на усталость и нервное потрясение, он долго не мог уснуть, предаваясь мечтам перед лицом открывшихся ему возможностей. Теперь он был страшно богат. Он представлял себе, как завтра, с лихвой оплатив все свои долги, он снимет себе на первое время удобный и красивый особняк, заведет машину с шофером, дорогую мебель, роскошный гардероб и тысячу всевозможных вещей для своего комфорта и после этого отправится к своей любимой. Они, конечно, помиряются и проведут вместе чудесный день в прогулке по реке на катере или в каком-нибудь пляжном кафе, где он расскажет ей всю правду и предложит ей верную руку и любящее до гроба сердце. Потом они сыграют роскошную свадьбу, которая поразит весь город, и поедут путешествовать по свету, пользуясь средствами передвижения первого класса, а после этого подумают о том, как они устроят свою счастливую жизнь.

Об этом лучше было бы не думать, но он был не в состоянии остановить чудовищно нарастающее воображение, и оно развертывало перед ним одну картину красочнее другой. Они были так фантастичны, так быстро сменяли одна другую, что ему стало

душно от хаоса своих грандиозных мыслей. Соскочив с кровати, он ходил по своей небольшой комнатушке до тех пор, пока не закружилась голова. Ему вдруг стало тесно в этих убогих стенах, и он вышел на улицу.

Весенняя ночь дышала свежей прохладой, и легкий ветерок, насыщенный ароматом цветов, немного освежил его воспаленный мозг. Он медленно пошел вдоль улицы, уже пустынной в этот поздний час. И только сейчас вдруг вспомнил о том, что должен как-то перевезти домой оставленный на стройке клад.

Вернувшись в дом и взяв одеяло, он вышел, нашел ночного извозчика, который оказался приземистым добродушным китайцем, объяснил ему необходимость привезти небольшой груз и сговорился с ним об оплате. Немного сонный извозчик равнодушно закивал головой, довольный получением выгодного гонорара, и погнал свою клячу с предельной быстротой, прищелкивая кнутом и выкриками поощряя ее напряжением сил отплатить за щедрость ездока. Не прошло и десяти минут, как они уже были у цели.

— Ты подожди меня здесь, пока я не позову тебя, — сказал Сергей извозчику, исчезая в безмолвной темноте двора, где были в беспорядке разбросаны кучи досок и бревен, между которыми он пробирался с трудом и, раза два споткнувшись, едва не разбился при падении. Растирая ушиб, он осмотрелся по сторонам, и ему вдруг стало страшно, как будто бы разверзшаяся перед ним темнота грозила ему чем-то злоеущим и неожиданным. Опять как-то странно закружилась голова, и послышался звон в ушах.

Легкие порывы ветра заставили задрезжать притаившиеся где-то в темноте обрывки кровельного железа, и от этого жалобного дисгармоничного звука на душе стало как-то тревожно и неприятно. Он медленно приблизился к яме, в которой работал накануне, и, остановившись у края, в нерешительности, как будто бы там таилась какая-то засада, заглянул в ее черный провал. Он не мог удержаться от желания прислушаться, но все было тихо, и только жесть по-прежнему злоеуще дребезжала где-то в стороне.

“Чего я боюсь?” — подумал он, но какое-то необъяснимое ощущение присутствия посторонних глаз, будто бы следивших за каждым его движением, навязчиво не отпускало его. Наконец, собрав все мужество, по дощатому трапу он скорее скатился, чем спустился вниз. Остановившись на несколько секунд у лестницы и адаптировавшись в сгущенном мраке ямы, он было двинулся к заветной кучке земли, как вдруг остановился и замер от леденящего ужаса, пронизавшего все его существо. Нечеловеческим усилием он сдержал готовый вырваться крик. Мороз пробежал по его спине, и точно электрический ток поднял, ошетинив, какую-то невидимую шерсть вокруг него. Дыхание его остановилось, и он едва не потерял сознание. На куче земли он совершенно ясно различил неподвижный силуэт сидящего человека. В этот момент он с радостью отдал бы все золото, за которым пришел, за возможность очутиться сейчас на улице и мчаться вдоль нее с ураганной быстротой, только бы скорее быть как можно дальше от этой неподвижной, молчаливой фигуры. И пока его мысли с лихорадочной быстротой искали выход из создавшегося положения, он услышал спокойный, странно знакомый голос:

— Не бойтесь, не вред пришел причинить я Вам, но еще раз дать совет направить жизнь свою к источнику радости, чтобы избежать страданий.

Сергей сразу же узнал голос таинственного незнакомца, который спас его недавно и так неожиданно исчез; бурная радость наполнила все его существо. Он тут же хотел излиться в благодарности, но, почувствовав бессилие прервать речь незнакомца, стоял и слушал его спокойно звучащую речь:

— Я привел Вас к этому золоту не для того, чтобы дать волю Вашим эгоистическим желаниям; ведь еще недавно Вы были так несчастны, но, не успев еще оправиться, Вы уже забыли, что вокруг много таких же и даже еще более несчастных людей. Мой друг, страдания не научили Вас сострадать другим, но не бойтесь — я не хочу отнять подарка, берите золото и будьте счастливы, однако не забудьте сделать счастливыми хотя бы одного или двух несчастных, страдающих поблизости от Вас. Во

имя сострадания я пришел и помог Вам, во имя сострадания я прошу Вас помочь другим, кому подскажет Ваше сердце, и это будет единственной благодарностью, которую я приму от Вас. Если же Вы растратите [это богатство] на себя частично или полностью, то не ожидайте счастья: оно блеснет лишь на миг, чтобы сделать Вас еще более несчастным.

С этими словами незнакомец поднялся и, пройдя мимо оцепеневшего Сергея, вышел по трапу из ямы, обдав его едва уловимым дуновением воздуха.

Разделив золото на две части и завернув одну из них в одеяло, Сергей с громадным усилием, в два приема, погрузил клад на извозчика и через 20 минут уже был дома. Упав на кровать, он заснул как убитый.

Утром случившееся ночью показалось ему кошмарным сном. Однако ящик, торчавший из-под кровати, говорил, что это не так, что все случившееся, и особенно вторая встреча с незнакомцем, не только вполне реальное происшествие, но и обстоятельство, над которым нужно как следует подумать.

Сергей рассуждал совершенно объективно: если бы не совет незнакомца, особенно подчеркнувшего необходимость отказаться от стыда перед простым физическим трудом, он никогда не был бы таким богатым. Значит, золото действительно принадлежало незнакомцу, и советы его были вполне добропорядочные, а следовательно, совет распорядиться золотом не так эгоистично, как он предполагал вначале, нужно было также принять во внимание. Впервые в своей жизни Сергей подумал о том, как действительно прекрасно приносить счастье людям и наслаждаться их радостью, теперь он обладает возможностью делать людей счастливыми, извлекая их из ямы материальных мучений, помогая им встать на свои собственные ноги и достичь высоких целей, путь к которым преграждает нужда. Он подумал о том, как много молодых талантов не имеет возможность проявиться и принести радость другим плодами своего труда лишь потому, что материальная нужда парализует их творческие силы. Мысленно он дал себе клятву искать таких людей и

помогать им в трудные минуты, как незнакомец помог ему самому.

Но прежде нужно было оформить свое положение; и две последующие недели ушли на поиски приличной, но скромной квартиры, приобретение необходимой обстановки, ликвидацию долгов, приобретение необходимого гардероба и всего того, с чего можно было начинать новую жизнь.

Когда все это было закончено, он наконец-то мог подумать о Нине, о том, что и ее теперь он может сделать счастливой. Она, конечно, своим большим сердцем поймет его, поддержит и разделит с ним поровну все предстоящие трудности и радости намеченного пути.

И вот, окрыленный сияющими надеждами, он отправился к ней. Он был сегодня особенно счастлив, и это отражалось в сиянии его голубых глаз и почти не покидающей лица улыбке, во всех движениях его стройной и высокой фигуры, одетой в прекрасный летний костюм, отлично сшитый и впервые весьма соответствующий его телосложению. Встречавшиеся по пути девушки метали в него восторженные взгляды, и он действительно выглядел в этот день неплохо.

Подходя к дому Воскресенских, он заметил вокруг необычную суету. Люди кучками стояли перед домом, с любопытством глядя куда-то вдоль улицы, и оживленно переговаривались. Он уже был почти у самой калитки сада, ведущего к дому, когда неожиданно причина любопытства наконец обнаружилась. Из-за угла на улицу вдруг вывернул кортеж свадебных машин, и Сергей сразу догадался с какой-то смутной тревогой, что в этом доме, очевидно, происходит свадьба.

Когда кортеж приблизился к калитке, он увидел на передней машине молодых. В прекрасном белом наряде Нина легко и грациозно сошла с машины, поддерживаемая молодым супругом, в котором Сергей узнал инженера Крылова, который когда-то сделал ей отвергнутое тогда предложение.

Раздались возгласы поздравлений, на которые молодые любезно отвечали, пожимая руки поздравляющим. Окаменев от ужаса, Сергей неподвижно смотрел на все происходящее, оглушенный ураганом чувств, поднявшихся в его душе. Он смутно

понимал происходящее, и ему казалось, что все это какой-то дикий сон, от которого необходимо проснуться. Направившиеся к дому молодые супруги приблизились к нему. “Зачем я не ушел?” — подумал он и уже сделал движение, чтобы отойти в сторону, но в этот момент молодые увидели его.

Точно во сне, он уловил внезапную вспышку синих глаз Нины и стремительную бледность, разлившуюся по ее щекам. Улыбка оставила ее лицо, перестал улыбаться и ее молодой супруг. Сергей поклонился им каким-то механическим движением, не приподнявши шляпы. Произошло мгновенное замешательство. Оба ответили ему легким кивком головы, и оба замедлили шаг. Тогда, словно подтолкнутый кем-то, он выступил вперед и принес им поздравление в обычных, ничего не значащих словах.

Первым пришел в себя инженер Крылов. Он вежливо поблагодарил Сергея и пригласил пройти с ними, что тотчас же поддержала Нина.

Выйдя из машины, шаферы и гости окружили их и в общей толпе увлекли Сергея в дом. Он чувствовал, что поступает нелепо, но, точно потерявший волю под давлением окружающих взглядов, покорно следовал на пытку, как преступник на эшафот.

Он видел, как тревога отразилась на лице Ниной матери, когда вместе с мужем она вышла встречать молодых, ибо своим материнским чутьем она заметила происшедшую в лице Нины перемену. Когда всеобщее внимание сконцентрировалось на молодых во время их встречи с родителями, Сергей почувствовал возможность скрыться незаметно, но в этот момент к нему подошла молодая дама, которую он иногда встречал у Воскресенских. Она знала о существовавшем между Сергеем и Ниной романе, но не подозревала о глубине их чувств, поэтому, увидев Сергея здесь, она обратилась к нему с веселой шуткой: “Эх Вы, разина! Какую синичку упустили в небо”.

Сергей, с трудом скривив улыбку, ответил ей что-то глупое и невпопад, но, обрадованный хотя бы такой поддержкой в этот страшный для него момент, он завязал с ней разговор, и вместе они подошли поздравить родителей Нины, на лицах которых он сразу же прочел, как неуместно его присутствие здесь.

Однако врожденная вежливость и воспитание заставили их, спокойно приняв поздравление, пригласить и его к столу, на котором уже появилось шампанское. После коротких тостов присутствующие выпили по бокалу, и искристое вино слегка ободрило Сергея.

Загрохотали поздравительные речи, во время которых Сергей успел выпить еще несколько бокалов спасительного напитка. Зажатые в кулак усилием воли чувства внезапно вырвались наружу, и он также произнес речь, в которой, извинившись за свое незваное присутствие, от всей души пожелал молодым супругам счастливой жизни и полной гармонии их любящим сердцам.

После шампанского заиграла музыка и начались танцы, во время которых молодая дама не отходила ни на шаг от своего интересного кавалера. Вскоре, когда уже стемнело и вспыхнуло электричество, гостей пригласили к ужину. Теперь уже ничего не мешало Сергею пить вволю, и хмель окончательно овладел им. Все же он видел все происходящее с молодой супругой и ясно отдавал себе отчет о страшном напряжении, не покидавшем ее. Он замечал, что Нина пьет вино в гораздо большем количестве, чем он мог это видеть раньше и чем это было положено молодой. Он видел, как ее супруг, вначале пытавшийся сдержать ее, вдруг сам стал пить без всякой меры. Он видел, как к ним подходила мать и что-то шептала на ухо дочери, и когда та, нахмурившись, просила ее не мешать, он услышал слова: “Ах, это только раз бывает в жизни, и ты напрасно, мама, беспокоишься!”

При виде такого примера молодых все гости утроили свои усилия в поглощении всевозможных напитков, и скоро всеобщее веселье, раскатистый смех и гул бессвязных голосов наполнили большую гостиную Воскресенских каким-то угарным газом и превратили свадебный пир в неопикуемый хаос. Музыка, крики “Горько!” и голоса опьяневших гостей, — все это неслось каким-то сумасшедшим потоком, в котором Сергей, захлебываясь, тонул, теряя последние признаки самообладания и сдержанности. Он не помнил, как это случилось, но во время котильона он очу-

тился в паре с Ниной, и это на миг отрезвило его. Однако не совсем. Он просто и грубо спросил ее:

— Скажи, как все это могло случиться?

Она молчала, как будто не слыша обращенных к ней слов.

— Так значит, все было ложью?

Он ей хотел сказать так много в этот миг, но чувствовал, что бессилён выразить свои мысли ясно. Она, по-видимому, поняв его, сказала:

— Не ты ли этого хотел, когда сказал мне, что любишь другую? Не ты ли просил забыть тебя, и вот я это сделала, ты еще что-то говоришь о какой-то лжи, но хватит! Теперь все кончено, и поздно о чем-то говорить.

Внезапно Сергей почувствовал наплыв какого-то отчаянного чувства, граничащего с безумием:

— Еще ничего не поздно — бежим отсюда, бежим из этого кошмара! Неужели ты не можешь быть выше каких-то условностей? Неужели, если мы любим друг друга, мы не можем быть выше скандала, какого-то мнения толпы, каких-то церковных предрассудков, зная, что только любовь освящает брак?

Он много еще говорил, когда вдруг почувствовал, как крепко она прижалась к нему и сквозь грохот музыки шептала ему на ухо:

— Значит, ты действительно любишь меня? Значит, другой не существует?.. Клянись мне, что больше ничто не разлучит нас, что ты найдешь в себе мужество принять все последствия нашего шага и перенести всю бурю, которая разразится и которую избежать нам будет невозможно!

— Клянусь тебе, любимая, если ты будешь со мной, пусть целый мир восстанет против, но и он будет бессилён против моей любви!

Настало время перемены партнеров.

— Я буду сейчас в саду, — успела сказать она ему. С трудом дождавшись окончания танца, он вышел в сад, даже забыв захватить шляпу. Через несколько минут по ступенькам крыльца к нему сбежала Нина. Обняв ее за талию, Сергей нетвердой походкой вышел с также не совсем трезвой Ниной на темную

улицу, где тускло горели фонари, и быстро дойдя до угла, они свернули в темный переулок, а через тридцать минут уже подходили к квартире Сергея.

— Куда ты привел меня? — спросила Нина, остановившись в нерешительности перед дверью.

— Я здесь живу, — ответил Сергей, доставая ключ от английского замка из кармана.

— Может быть, я слишком пьяна, но мне кажется, что ты жил совсем не здесь.

— Я переехал, — ответил Сергей, открывая дверь и приглашая Нину зайти.

Пройдя небольшой коридор, они вошли в гостиную, и Нина остановилась пораженная.

— Как здесь все красиво! — вырвалось у нее. Она скользнула глазами по гардинам, прекрасным шторам на окнах, изящно сверкающей люстре, нарядной бархатной мебели и, остановив взгляд на черном кабинетном рояле с приподнятой крышкой, быстро подошла к нему. Ударив по клавишам, Нина с восторгом воскликнула:

— Какой чудесный звук!

Точно магнитом притянутая к роялю, она села и стала играть. Вначале немного неуверенно, потом все более и более увлекаясь, она играла вдохновенно-торжественный полонез Шопена.

Сергей распахнул окно и стал любоваться, как эта прекрасная девушка, одетая во все белое, так изумительно красиво оттененная черным лаком рояля, легко, свободно и просто рождала торжественные звуки, в которых звучала счастливая песнь всепобеждающей любви. Взяв последний аккорд, она стремительно поднялась и, повернувшись к Сергею, протянула к нему свои изящные, точно вырезанные из мрамора, бледные руки.

Сергей подошел к ней, и эти руки, обвившись вокруг него, сказали то, что было недосказано музыкой. Они слились в долгом и нежном поцелуе, чтобы потом оторваться и вспыхнуть могучим пламенем, сгореть в котором было бы высшим счастьем для них.

— Скажи мне, как все это могло случиться? — спросила Нина, когда, преодолев порыв, они сели на диван.

И в ярких красках, не скрыв ничего, он с самого начала до конца рассказал все последовательно и не торопясь.

Потрясенная его словами, она молчала долго и сосредоточенно.

— Теперь ты должна рассказать мне все то, что случилось с тобой.

— Я вышла от тебя, не зная, что мне думать. Все виденное не сочеталось с тем, что было написано в твоём письме. Но все же горечь оскорбленного самолюбия и боль израненного сердца были сильнее всего. Весь тот день я мучилась как на ужасной пытке, а вечером пошла к подруге и по дороге встретила инженера Крылова. Он, поздоровавшись смущенно, хотел было пройти мимо, но я остановила его, и вечер, проведенный вместе с ним, немного облегчил мое душевное состояние. Он был удивлен и обрадовался происшедшей со мной перемене, а дальше не стоит рассказывать. Я дала согласие на брак, и все остальное ты уже знаешь.

Немного помолчав, она сказала:

— Но что же будет теперь?

Не говоря ни слова, он приподнял за подбородок ее опущенное лицо и поцелуем закрыл ей рот.

Скандал был грандиозный. О нем писали в газетах и пересуживали на все лады, как самую злободневную сенсацию. Неодовольствие общества достигло апогея. Позор семейств Крыловых и Воскресенских не мог остаться без последствий. Против Сергея было возбуждено судебное дело.

Попытка уладить его мирным путем не дала никаких результатов. Ни Воскресенские, ни Крыловы не согласились ни на какие переговоры, и Сергею пришлось обратиться к помощи малоизвестного адвоката, ибо все известные отказались ему помочь. Ход дела принял угрожающие размеры, но всемогущая власть золота и здесь сыграла свою роль. Сергей был оправдан, но церковь не дала согласие на расторжение брака. Однако это

нимало не смутило счастливую пару, ибо они считали, что только любовь освящает брак.

Спустя несколько дней после вынесения оправдательного приговора, когда Сергей заканчивал рабочий день и, нанеся последние мазки, уже готовился складывать краски, музыку игравшей в гостиной Нины прервал звонок, и вошедшая в гостиную горничная доложила о приходе какого-то посетителя. Поправив волосы, Нина вышла навстречу ему в коридор и, увидев незнакомого человека, подумала, что он, вероятно, пришел к Сергею. Пригласив его в гостиную, она позвала мужа, который показался в дверях в халате и с кистью в руке. Увидев посетителя, он вырвал кисть и радостно устремился ему навстречу.

— Простите, что я перебиваю Вас, — сказал Сергей, когда незнакомец остановился, — сегодня я вижу вас в третий раз, но и сейчас еще не уверен, человек Вы или призрак. Позвольте мне дотронуться до Вас.

— Дотроньтесь, — улыбнулся незнакомец. — Ну вот, Вы убедились, что я вполне реален?

— Сегодня это очевидно! Но скажите, откуда Вы знали о происходящем со мною, когда мы встретились с Вами в первый раз? Почему одеяло на том месте, где Вы сидели, осталось несмятым? И как Вы могли уйти незамеченным, и почему я был бессилён тогда сказать что-либо Вам? Ведь я тогда мог только слушать. Скажите, умоляю, кто Вы?

— Тогда и в яме на стройке, я был действительно “призраком”, как Вы понимаете это явление, но ответить на Ваши простые вопросы мне не очень легко. Мои друзья, садитесь ближе и приготовьтесь услышать вещи, о которых вы прежде, вероятно, и не мыслили никогда.

Не без некоторого трепета молодые люди подсели ближе к незнакомцу, и он начал говорить.

— Не бойтесь, чудес показывать я вам не буду. Мы просто немного пофилософствуем. Что видите вы вокруг? Вы видите меня, рояль и стены дома, за которыми находится сад, город со

спешащими, как муравьи, людьми. Представьте себе, что мы поднимаемся с вами над городом все выше и выше. Вот он представляется нам уже серым пятном, окруженным зеленым ковром полей; вот мы видим голубые ленты рек и светлые пятна озер; вот пятнышки соседних селений и серые нити дорог.

Мы летим все выше и выше. Земля под нами приобретает форму купола. Мы видим моря, пустыни, леса. Вот горы скрываются от нас полями облаков, и Земля, наконец, превращается в огромный шар, наполовину освещенный солнцем. Он уменьшается в размерах и постепенно превращается в звезду, рядом с которой мы видим звездочку в восемь раз меньшую и догадываемся, что это Луна. Вот мы оглядываемся и видим, как к нам приближается громадная звезда, окруженная многочисленными лунами, по которым мы догадываемся, что это Юпитер. Он превращается в гигантский шар, и мы пролетаем мимо него, восхищенные зрелищем прекрасной семьи планет, которые на Земле мы могли наблюдать лишь в сильный телескоп. Вот Солнце, окруженное маленькими точками планет, превращается в маленькую звезду, а перед нами начинает расти новое гигантское Солнце, также окруженное семьей своих планет. Это Антарес — солнце, во много миллионов раз большее, чем наше. Пролетая мимо него, мы уже почти не видим маленькой звездочки, которая была нашим Солнцем. Вокруг Антареса несутся его громадные планеты, также окруженные своими лунами. Здесь также кипит своя, своеобразная жизнь, только в принципе похожая на жизнь нашей Солнечной системы.

А мы летим все дальше и дальше. Перед нами мелькает множество миров-гигантов, и вот мы уже за пределами нашей Галактики. Теперь она нам кажется маленькой спиралью. Мы подлетаем к другой галактике, где так же сверкают в пламенном вальсе вечно летящие миры. Какое множество миров и как разнообразен Космос!

Но все, что видим мы, может быть сведено лишь к трем основным понятиям: пространству, материи и движению, и так как нет движения вне материи и материи без движения, то эти три понятия превращаются только в два — в пространство и материю. И если бы мы смотрели на Космос в течение квин-

тильонов, секстильонов лет или и того, может быть, больше, мы увидели бы, как постепенно исчезает материя в пространстве и оно становится совершенно пустым. Мы присутствовали бы при великой тайне исчезновения миров, которое называется космической ночью, или Великой Пралайей. Потом мы увидели бы, как постепенно начинают появляться сгустки космической протоплазмы, образуются разрозненные полупрозрачные облака светящейся материи, как собираются они в шары, как в этих шарах появляется вращение, как это вращение уплотняет шары и превращает их в диски, как с ростом скорости вращения разрывает эти диски на спирали, как спирали разрываются на отдельные куски, которые превращаются в огненные шары, а те в свою очередь сталкиваются, поглощая друг друга и превращаясь наконец в планеты, и вместе со своими братьями начинают вращаться вокруг своего центрального нуклеуса — солнца.

Таким образом, мы присутствовали бы с вами при новом величайшем таинстве — при начале космического дня, или Великой Манвантары. Так мы убедились бы в том, что все возникает в пространстве и все исчезает в нем!

Итак, существует лишь единое вечное Беспредельное Пространство, содержащее в себе все и не содержащееся ни в чем.

И вы оба, и я являемся частью этого грандиозного понятия. Ведь это весьма многозначительно, но не будем отвлекаться.

Мы знаем, по утверждению современной астрономии, что видимая нами Вселенная, называемая оптической, которая беспредельна в длину, ширину и высоту, — эта трехмерная Вселенная еще не все. Еще существует невидимая глазом, но изучаемая радиотелескопами так называемая “радиовселенная”, за нею, невидимая оптически и неуловимая радиоволнами, существует еще “инфракрасная вселенная”, которую ученые научились фотографировать и в которой с помощью инфракрасных лучей обнаружено еще множество миров, о существовании которых мы ничего не знали. Неисчислимые галактики — оптические, инфракрасные, радиовселенные и многие другие “вселенные”, еще не открытые

наукой, состоящие из бесчисленных солнечных систем, формирующиеся, сформировавшиеся и распадающиеся, — вся эта многообразная материя, полная созидательной и разрушительной жизни, полная движений, носящих на себе печать глубочайшего разума, — может ли все это происходить из “пустого” пространства, бесконечного не только в трех измерениях, но бесконечного и в глубину — четвертое, далеко не последнее измерение?

Из “ничего” что-либо не возникает. Пространство наполнено таинственной сущностью — огнем, и само есть вечный беспредельный пространственный огонь — начало и конец всего.

Вы знаете три состояния воды: твердое (лед), жидкое (вода) и газообразное (пар). Состояние воды зависит от температуры. Температура есть свойство огня. Значит, состояние воды зависит от степени насыщения ее огнем, от степени ее огненности. Все виды материи, уходящие в глубину пространства, отличаются друг от друга степенью своей огненности.

Степень огненности есть степень напряжения. Чем выше напряжение материи, тем ближе она к огню. Самая напряженная материя и есть огонь. Огонь есть потенциальная материя. Материя есть потенциальный огонь.

Пар, охлаждаясь, уплотняется в лед. Процесс, обратный росту напряжения, есть уплотнение, или кристаллизация.

Материя есть кристаллизованный огонь, а огонь — сублимированная материя.

Так мы познаем Пространство как огонь с двумя полюсами: абсолютным огнем и абсолютной материей (пар и лед в нашем примере) — и промежуточным состоянием между ними (жидкая вода). Эти три состояния пространства названы огненным, тонким и плотным мирами.

Огненный Мир пронизывает тонкий и плотный. Тонкий мир пронизывает плотный, но не может проникнуть в огненный. Из огненного мира можно проникнуть в тонкий и плотный, из тонкого можно проникнуть в плотный, но нельзя проникнуть в огненный. Из плотного мира нельзя проникнуть ни в тонкий, ни в огненный.

Живя в настоящее время в плотном мире и, главным образом, в плане “оптической Вселенной”, мы с вами имеем три тела:

плотное (физическое), тонкое и огненное. Когда мы говорим о пищеварении, мочеотделении, кровообращении и т.д., мы говорим о функциях плотного тела. Говоря о страстях и желаниях, — отмечаем функции тонкого тела. Говоря о мышлении, имеем в виду огненное тело. Во время сна тонкое и огненное тела отделяются от плотного и находятся в тонком мире, а огненное переходит в огненный мир — подобно “сну во сне”.

Во время сна, отделяясь друг от друга, тела сохраняют между собой нить связи, во время смерти связь утрачивается. При оставлении огненным телом тонкого последнее также умирает, но только более медленно и постепенно, чем физическое.

Плотной мы называем материю, которая познается пятью чувствами: зрением, слухом, обонянием, осязанием и вкусом. Органы этих чувств, выработанные в результате взаимодействия тела и мира, в котором оно живет, воспринимают лишь только ту часть пространства, вернее, ту степень его глубины, которой они соответствуют степени своего напряжения.

Вот Вы, Нина, как пианистка поймете это легко, если я поясню это следующим примером: пусть от начала до конца напряжение соответствует струнам рояля, а пять камертонов, скажем, “до”, “ре”, “ми”, “фа”, “соль” соответствуют пяти органам чувств. Если в непосредственной близости от рояля мы приведем в колебание камертон “до”, то соответственно настроенная струна “до” в рояле зазвучит сама. То же будет при колебании других камертонов, если их приставить к ножке рояля. Таким образом, из всех струн рояля с помощью наших камертонов мы можем извлечь только пять звуков. И обратно: если мы начнем ударять по всем струнам рояля поочередно, то только пять из них приведут в колебание наши камертоны. То есть из всех напряжений пространства мы воспримем только те, которые воспримут наши органы чувств; остальные останутся для нас несуществующими.

Таким образом, не существует для нас тонкое тело умершего человека лишь потому, что степень напряжения этого тела не воспринимается аппаратом наших органов познания — ни зрением, ни слухом, ни обонянием и т.д. Однако некоторые люди, к

числу их относится и Сергей, видят “призраков” — видят тонкие тела или всегда, или по желанию, или иногда и непроизвольно.

В чем же дело? Каждый человек имеет тонкое тело. Это тонкое тело в соответствии с законом аналогии (“Как вверху, так и внизу”) также имеет свои органы познания: свой тонкий слух, тонкое зрение и т.д., которые по степени своего напряжения соответствуют диапазону напряжения тонкой материи, или тонкому миру.

Органы познания физического мира, например зрение, развиты не у всех людей одинаково, т.е. напряжение зрения у разных людей различно. Степень предельного напряжения центра слуха не достигнута большинством людей. Когда оно достигает своего предела, то соединится с тонким органом слуха, и тогда звучание тонкого мира, следующей октавы, воспринимается физическим человеком. Значит, те люди, у которых напряжение физического зрения, как, например, у Вас, у художника, достигло предела и соединилось с тонким, всегда видят тонкие тела, так называемые “призраки”, или астральные тела, и прочее.

Те люди, которые по желанию могут усилить напряжение физического, вернее, нервного зрительного центра до предела, — видят тонкое тело по желанию. Те люди, у которых случайно, под влиянием многих посторонних факторов (в частности, под воздействием на физического человека другого тонкого тела, желающего стать видимым) напряжение нервного центра зрения достигло предела, — видят тонкое тело случайно.

Физические центры не имеют высших чувств. Все наши чувства есть чувства нашего тонкого тела — тела страстей и желаний, а высшие — чувства огненного тела; но, будучи на земле, т.е. имея сознание, или “я”, на физическом плане, человек путем воспитания в себе высоких чувств и мыслей насыщает свои физические (нервные) центры огнем, который увеличивает их напряжение до степени напряжения материи тонкого мира, что соединяет мостом тонкие и нервные центры, тонкие и огненные, и это делает человека “ясновидящим”, “яснослышающим” и т.д.

Устремление тонкого тела в сторону огненного мира путем напряжения может зажечь соответственный импульс в тонкой

материи и устремить ее к пределу напряжения. В результате она достигает границы напряжения огненного мира, и по полученному каналу огненная энергия может пролиться через тонкий мир в физический. Значит, так называемая “глубина” пространства связана с ростом напряжения материи при усилении ее огненности.

Проникновение физического человека в глубину тонкого и огненного миров и познание их достигается путем увеличения напряжения его физических нервных центров в сторону их огненности, иначе говоря, путем чистоты физической жизни, путем нравственного самосовершенствования, причем последнее существеннее.

Искусство имеет громадное значение в развитии психической сферы человечества. Вот почему мы, заботящиеся об усовершенствовании человечества, всегда готовы поддержать служителей искусства и особенно тех, кто продвигает формы и сущность искусства вперед. Вот почему я обратил внимание на Вас, Сергей. Уже давно следил я за Вами на расстоянии, пользуясь ясновидением, и в трудный для Вас момент, не будучи в состоянии немедленно посетить Вас в физическом теле, я появился в тонком и сделал его видимым для Вас. Еще легче это было сделать во время Вашего ночного рейда за кладом.

Теперь Вы видите, как много надо было сказать, чтобы объяснить эти простые явления.

Но эволюция сознательна и добровольна, — продолжал незнакомец, обращаясь к Нине и Сергею. — Поэтому я не могу насильствовать вашей свободной воли. Я открыл перед вами великий и прекрасный путь, но двинуть вас по нему я не могу. Дальше вы должны двинуться сами. Я буду следить за вами, и помощь моя не замедлит, если понадобится и если стремления ваши не будут эгоистичными. Мы трудимся на общее благо и помогаем тем, кто солидарен с нами в нашем труде.

Незнакомец умолк. А все сказанное им настолько поразило Нину и Сергея, что они сидели молча, как замороженные, а когда они очнулись, в комнате, кроме них, уже никого не было.

Жизнь шла своим чередом...

Сергей и Нина с неисчерпаемым энтузиазмом отдавались увлекательному делу, не щадя ни сил, ни времени, ни денег.

В этом творческом труде крепла их любовь, пока однажды не произошло непредвиденное осложнение.

Среди ближайших друзей молодой пары находился начинающий композитор Андрей Светлов. Этот юноша подавал большие надежды, и класс фортепьяно Нина вела с ним сама. Как-то вечером, когда Сергей отсутствовал, занятый какими-то делами, а Нина сидела у рояля и занималась импровизацией, чему она любила отдаваться, оставаясь наедине, неожиданно пришел Андрей. Он был в каком-то особенном настроении. Его большие черные глаза горели странным блеском, а длинные темные волосы были слегка взъерошены и в беспорядке спускались на лоб и лицо. Движения его высокой и стройной фигуры были особенно порывисты. В руках он держал тетрадку с нотами. Едва успев поздороваться с Ниной, он сразу же устремился к роялю и, поставив тетрадку на пюпитр, почти насильно заставил Нину сесть. Придвинул стул и, раскрывая обложку, сказал:

— Играйте, это посвящается Вам.

Нина прочла название вещи: “Первый концерт для рояля с оркестром”.

— Я буду играть за оркестр.

Он достал расческу и заложил ее в листок тонкой бумаги. Нина, с любопытством взглянув на ноты, начала играть. Сначала немного неуверенно, потом, наконец, разгадав замысел композитора, вдохновляясь с каждой новой строкой, она все больше и больше увлекалась. Глаза ее горели восхищением; по мере продвижения вперед они все больше наполнялись восторгом.

Вещь была поистине замечательной. Красивые, звучные аккорды в торжественном ритме рождали чудесную мелодию, охватывая восторженным пожаром звуков души играющих, ввер-

гая их в какое-то беспредельное горнило чудеснейшего, ничем, кроме звука, невыразимого огня.

Они сыграли всю вещь до конца, но Нина требовала повторения, и некоторые части были сыграны много раз. И когда наконец насытившись красотой этой необычайной вещи, Нина оторвала свои пальцы от клавиш, она в порыве восторга и благодарности, не отдавая себе отчета в том, что делает, охватила голову Андрея своими ладонями и несколько раз крепко поцеловала композитора в его полураскрытые от радостного удивления губы. Быть может, на какую-то секунду окаменев от неожиданности, Андрей схватил ее в свои объятия и также ответил ей восторженным поцелуем.

Вдруг Нина резко оттолкнула его, но было уже поздно. Холодный и спокойный голос, в котором трудно было узнать голос Сергея, произнес:

— Нет, нет, пожалуйста, продолжайте. Я вам отнюдь не намерен мешать.

И прежде чем растерянные поклонники музыки могли собраться с мыслями и что-то сказать, Мартов резко повернулся и быстро прошел в кабинет.

— Сережа! — воскликнул вслед ему Андрей, чувствуя, что ему, как мужчине, необходимо что-то предпринять первому.

— Сережа! Не думай ничего плохого!

Он бросился вслед за ним.

— Я все тебе сейчас объясню!

Сергей спокойно уселся за стол и, достав лист бумаги, сказал, отвинчивая самопишущее перо:

— Я не из тех, кто нуждается в объяснении. Напрасно Вы трудитесь, Андрей. Мне все понятно и без объяснений. Я просто был очень глуп и рассеян, что до сих пор не мог понять, как много общего между Вами и Ниной. Ведь Вы — творец замечательной музыки, а она лучшая исполнительница ее и также, вероятно, Ваша вдохновительница — что же можно возразить против такой гармонии.

— Сережа, я прошу Вас выслушать меня...

— Андрей, будьте же милосердны и не давайте мне наркотика лжи. Вы знаете, конечно, как мне больно, но Вы также должны бы знать, что я имею мужество перенести эту боль без наркотика. Прошу Вас, оставьте меня одного.

Андрей в отчаянии бросился к Нине.

— Он не желает выслушать меня, скажите же Вы ему, скорее, прошу Вас!

Тонкие брови Нины сблизились у переносицы, и, разделяя их, на ней образовалась жесткая складка. Она подняла голову и резко ответила:

— Ну, что ж! Вы, значит, боитесь, но пусть он думает, что ему угодно, а я просить прощения не стану.

И, сев за рояль, она стала играть посвященную ей вещь.

— Оставьте! — умоляюще обратился к ней Андрей. — Пожалуйста, оставьте это!

Но Нина продолжала играть, ответив ему через плечо:

— Идите домой, я постараюсь все уладить.

— О, Боже мой, как все было чудесно, и вот...

Не договорив, он опустил голову и медленно вышел в коридор. Через минуту хлопнувшая дверь возвестила об его уходе.

Нина открыла ноты В-молл'ной сонаты Шопена, которую всегда играла в минуты душевного разлада, и стала исполнять ее. "Пусть он немного успокоится, и я сумею объяснить, он должен понять мой поступок и не осудить этот стихийный взрыв восторга".

Она играла долго, смутно надеясь, что он подойдет и сам попросит рассказать, как все это могло случиться, но когда соната, которую так любил Сергей, была сыграна до конца, а он все молчал, она поднялась и подошла к раскрытому окну. На темносинем небе сквозь черные хлопья листьев мерцали золотые ресницы далеких звезд, летний вечер был торжественно тих, лишь вдалеке слышался собачий лай и голоса каких-то загулявших пьяниц, горланивших разухабистую песню. После аккордов Светлова и всего случившегося эта песня звучала таким убийственным диссонансом, что Нине стало томительно-противно, и она сразу же направилась к Сергею, чтобы исчерпать это тяжелое чувство.

Но в кабинете его не было, она прошла в спальню, потом в гостиную, обошла все комнаты, спросила прислугу и, получив отрицательный ответ, подумала с щемящей тоской, что случилось что-то непоправимое. Сердце ее забило учащенно, и, как утопающий, хватаящийся за соломинку, она вышла в сад и обошла все аллеи, надеясь встретить его там. Но сад был пуст. Невольно она посмотрела на окно кабинета и, не заметив на нем занавесок, подошла ближе. На подоконнике лежали сорванные со шнура занавески, и довольно четко был обозначен след. Заметив на столе, стоящем перед окном, какую-то бумагу, она быстро возвратилась в дом и с замирающим сердцем прочла: “Мои дорогие, живите так, как вам приказывает сердце, а я уйду из вашей жизни навсегда. Как это счастье пришло ко мне, так неожиданно оно и покинуло меня, прощайте...”

Поздно вечером к окошечку информационного бюро вокзала подошел хорошо одетый молодой человек и обратился к чиновнику с довольно странным вопросом:

— Скажите, пожалуйста, в ближайшие минуты не будет какого-либо поезда?

Чиновник устало посмотрел на график и перевел глаза на спрашивающего.

— Какой именно поезд Вас интересует? — спросил он недоуменно.

— Мне безразлично — какой, — устало ответил Сергей.

— То есть как это безразлично? Вас интересуют приходящие или отходящие поезда?

— Конечно, отходящие.

— Но куда именно отходящие: на юг, на запад, на восток?

— Мне совершенно все равно. Я только желаю знать, какой отходит скорее и в котором часу.

Чиновник еще раз посмотрел на Сергея и, сплюнув, провел пальцем по графику.

— В 24 часа, то есть через 30 минут, отходит поезд на восток. Это все?

— Благодарю Вас!

Сергей приподнял шляпу и направился в фойе Восточного вокзала. Здесь царило суетливое оживление: сновали носильщи-ки, шумели пассажиры. У небольшого окошечка кассы не было почти никакой очереди.

— Дайте билет на восток, — сказал Сергей кассиру, когда очередь дошла до него.

— Куда именно? — раздраженно спросил кассир.

— Куда-нибудь подальше.

— Поезд идет до станции Хань-дао-хэ-дзы, где будет пере-садка.

— Ну, хорошо, дайте мне билет до Хань-дао-хэ-дзы.

Получив деньги и прокомпостировав билет, кассир пристально посмотрел на пассажира, что-то хотел сказать, но Сергей уже отошел от окна. Через полчаса он уже лежал на диване плац-картного вагона, раскачиваясь с ритмом движения поезда, слу-шая равномерное постукивание колес. Только теперь, когда поезд тронулся, он почувствовал некоторое облегчение. Тупое безраз-личие спустилось на него, как какой-то тяжелый туман, и под музыку колес он незаметно погрузился в сон. Последней мыслью его было увидеть Учителя. Он чувствовал, что только таинствен-ный незнакомец мог бы помочь ему в этот тяжелый час, но, уез-жая, он также понимал, что с этим шагом возможность встречи еще больше уменьшилась.

Проснувшись, он зажмурился от ярких солнечных лучей и, посмотрев на часы, удивился, что шел уже десятый час. Впервые его посетило сознание того, что он поступает опрометчиво, что, может быть, было бы правильнее остаться дома и там, на месте, разрешить внезапно возникшую проблему. “Однако никогда не поздно вернуться”, — шептал ему один голос внутри, а другой го-ворил, что возврата не может быть. И этот голос звучал значи-тельно тверже.

Почувствовав голод, он направился в вагон-ресторан, где все столики были заняты, и лишь у одного, занятого какой-то жен-щиной, имелось свободное место. Медленно разжевывая булоч-ку, женщина сидела уткнувшись в газету и на вежливую просьбу Сергея о разрешении подсесть к столу, не отрываясь от чтения,

из-за газеты кивнула головой, слегка блеснув очками. В ожидании завтрака Сергей смотрел в окно и видел, как мимо проносятся лесные болота, густо усыпанные красными звездами лилий, саранок, лиловыми ирисами и массой каких-то белых цветов. За болотами медленно двигались стены густых лесов, а за ними синели горы, из-за которых выплывали белые облака. “Вот где можно было бы создать замечательные этюды”, — рассеянно подумал он и только сейчас с некоторым интересом спросил себя, где он может находиться, что, вероятно, он уже далеко от города.

Дочитав газету, женщина, которая оказалась довольно молодой девушкой, привлекательной и свежей на вид, размешала ложечкой кофе и с некоторым любопытством взглянула на Сергея. Чувствуя необходимость что-то сказать, Сергей поклонился незнакомке.

— Простите, что я нарушил Ваше уединение. Надеюсь, что я не помешаю Вам.

— Конечно, нет. Вы, должно быть отправились на этюды? — спросила она, сразу узнав известного художника и популярного общественного деятеля.

— Да нет, — ответил Сергей и тотчас же спохватился, что искренность его неуместна и что за нею неизбежно последует вопрос.

— Ну, значит, едете на дачу?

— Да, да, — ответил он, принимая кофе от официанта.

— А Вы? — поспешил он предотвратить дальнейший вопрос.

— Я еду к родителям на летние каникулы.

— Вы учитесь в гимназии?

— Нет, — слегка вспыхнув, ответила незнакомка. — Я уже студентка второго курса Восточного факультета.

— Ах, вот как, — равнодушно сказал Сергей. — Где же мы можем сейчас находиться?

— Через четыре часа я уже буду дома, а сейчас мы уже проехали Лукашево. А Вы где выходите?

— Гм... Я? Я еду до конца.

— Так, значит, мы вместе выходим в Хань-дао-хэ-дзы. У кого Вы думаете остановиться?

Сергей почувствовал, что своим неудачным ответом завел себя в дебри, из которых не видел возможности выбраться. Поэтому он решил разрубить гордиев узел внезапным признанием:

— Не знаю.

— То есть как это не знаете?

— Да так, очень просто. У меня там нет знакомых, спрошу людей и где-нибудь найдутся и пища, и кров.

— Как странно! — сказала девушка.

— Здесь нет ничего странного. Я там не задержусь и отправлюсь дальше в лес.

“Если он не собирается писать этюды, то зачем же ему отправляться в лес?” — подумала она. — Тут что-то не так!” И, видя, что он чего-то не хочет сказать, решила переменить тему разговора.

— Вы уже, вероятно, читали рецензию о последнем концерте Вашей жены?

Сергей вздрогнул при упоминании о Нине и весь как-то съежился. Из едва затянувшейся раны вновь хлынула черная кровь, и он ответил не сразу:

— Нет, еще не читал.

— Вот здесь прочтете, — она протянула ему газету. Он отложил ее в сторону.

— У меня нет жены, и все, что касается моей бывшей жены, меня мало интересует.

Девушка взглянула на него с удивлением, но тотчас сообразив, что здесь имеется какая-то семейная драма, неловко и с замешательством продолжала:

— Вероятно, Вы поссорились с женой — это очень прискорбно. Ваши отношения были всегда предметом зависти других.

Мартов заметил, что выражение ее лица мало соответствовало смыслу произнесенных слов, и даже наоборот в нем появилось какое-то радостное оживление, но отнюдь не сочувствие. Он что-то хотел ответить, но в этот момент пронзительно и тревожно

в ритмичное постукивание колес ворвался гудок паровоза, и в то же время скорость поезда заметно уменьшилась. Некоторые пассажиры, не обращая внимание на это обстоятельство, продолжали свои занятия, но Мартов, желая прервать неприятный разговор, выглянул в окно и увидел на повороте пути, не более чем в четырехстах метрах, развевающийся на полотне флаг, за которым виднелся участок развороченного пути.

Прежде чем он успел составить свое мнение обо всем увиденном, раздались выстрелы из-за кустов по бокам полотна железной дороги, и несколько пуль пронзили верхнюю часть вагона, а одна из них разбила стекло соседнего окна. Поднялась невообразимая паника. Бросившиеся было к окнам пассажиры попадали на пол, что сделал и Мартов, увлекая за собой растерявшуюся соседку. Поезд остановился, и вместе с тем пальба усилилась. Где-то истерически закричала женщина. Оглянувшись на крик, Мартов увидел кровь на шее у одного из пассажиров. Он был ранен осколком стекла, хотя и не опасно, но рана дала обильное кровотечение, и зрелище крови заставило даму закричать.

Вскоре, однако, выстрелы прекратились, и наступила зловещая тишина. Никто не решался подняться. Потом снаружи послышались крики. Быстрый топот ног — и через несколько минут в вагон ворвались вооруженные люди, вид которых не оставлял сомнений в том, что они принадлежат к хунхузам (китайским разбойникам). Приказав пассажирам подняться, они согнали их в заднюю часть вагона и, заставляя по одному проходить в переднюю часть, внимательно осматривали каждого пассажира.

Отобрав по каким-то признакам нескольких, в число которых попали и Сергей, и его соседка, хунхузы приказали им выходить. Оставшиеся пассажиры были подвергнуты тщательному обыску и ограблению...

С трудом отогнав отчаяние, Нина пыталась уверить себя, что все обойдется благополучно, что все это только жестокая шутка, которой Сергей решил проучить ее. Но дни проходили один за другим, не принося никаких известий о Сергее. Молодая женщина сделала все возможное, чтобы найти хотя бы какой-нибудь

след Мартова, но все это оказалось бесполезным, и она наконец поняла, что оставленное письмо содержало в себе действительный приговор судьбы. “О, как бы я хотела встретиться с Учителем, только он один мог бы что-то сделать для нас”, — так часто думала она, когда исчерпывались ее последние надежды, но таинственный незнакомец не приходил и не давал никаких знаков о своем существовании. Сначала, как причина несчастья, — Андрей Светлов был ей противен, и она не могла пробыть с ним несколько минут, но постепенно это чувство сменилось обратным; сочувствуя ей, понимая ее больше других, в конце концов он сделался для нее незаменимым, и встречи с молодым композитором стали ее единственным утешением. И вот наконец они выступили вместе с большим симфоническим оркестром со своим первым совместным концертом.

Громадный зал был полон до предела. Сюда собрались не только любители музыки, но и просто любопытные, ибо история об исчезновении Сергея стала постепенно достоянием всеобщей гласности и еще более усилила и без того повышенный интерес к личности его выдающейся подруги. Уже после первого отделения, в котором Андрей познакомил публику со своим Первым концертом для фортепиано с оркестром, где Нина, исполняя партию рояля, играла так, как никогда, — овации превратились в триумф молодого композитора и пианистки.

Общий успех концерта превзошел самые смелые ожидания. О нем писали не только местные газеты, но даже иногородние и заграничные. И это, естественно, вызвало необходимость их творческого турне с перспективой продолжить его и за границей.

Прекрасное творчество, нарастающая слава, нежное и благородное отношение Светлова, тысяча всевозможных развлечений, которыми он старался украсить ее досуг, а главное, врачеватель всех ран души, незаменимый целитель всяких психических травм — время — сделали свое дело: острая боль, причиненная потерей Сергея, стала постепенно стихать и только изредка, когда возникали обстоятельства, вызывающие воспоминания, еще тревожила ее, но с каждым месяцем все реже и реже.

Временами она даже думала, что все случившееся только повернуло крылья ее судьбы к просторам чего-то лучшего и прекрасного. А когда под сердцем затрепетало сердце новой, нарастающей жизни и душу ее объяли еще неизведанные чувства материнства, образ Сергея качнулся, расплылся и канул за горизонт, как солнце, которое никогда не возвращается назад.

Неудержимое колесо времени, с бесстрастным равнодушием давящее на своем пути и розы радости, и шипы печали, медленно катилось вперед, низвергая во прах одних и поднимая к зениту других.

Шло время, и слетающие с календаря листки хоронили под собой непрочные следы уходящего в Лету. Нина готовилась стать матерью. Возвратясь со Светловым домой, она занялась обустройством гнезда для будущего птенчика. Редко подходила она к роялю и еще реже играла серьезно и вдохновенно. Но творчество Светлова с каждым днем становилось все глубже, тоньше и прекраснее. В своей Седьмой симфонии он достиг такой необыкновенной мощи и творческого подъема, что даже суровые критики стали говорить об этом как о явлении, превышающем гений Рахманинова.

Дело, созданное Сергеем и Ниной, несмотря на то, что они отошли от него, не пострадало. Общество "Культура" не только продолжало функционировать, но и бурно расцветало. Прекрасное здание, выстроенное на деньги Мартова молодыми талантливыми архитекторами, превратилось в настоящий Храм Искусства. Под его гостеприимные своды стекалось множество всевозможных талантов, и здесь они находили правильную и глубокую оценку своих способностей и всяческую помощь. Отсюда выходили они, вооруженные всем необходимым, чтобы нести человечеству облагораживающий сознание священный огонь красоты. В своей творческой среде молодежь родила новых вождей искусства. Эти люди своим умелым руководством, своей молодой энергией находили пути для дальнейшего роста дела, на которое когда-то вдохновил Мартова таинственный незнакомец. Золото, принесенное Мартовым, легло в фундамент этого храма куль-

туры, но и теперь, когда этот фонд был уже исчерпан, недостатка в средствах не было. Поставленная на здоровых началах материальная сторона не заставляла желать ничего лучшего. Имена основателей фонда, звучавшие вначале так громко, теперь доносились лишь как эхо далекого прошлого, которое вспоминалось иногда ветеранами и о котором приходящие вновь часто ничего не знали.

По песчаной аллее огромного парка, покрытой сине-лиловыми пятнами теней и золотом солнца, процеженным через зеленое сито ветвей, медленно, усталой походкой шел высокий худой человек. Он был одет в поношенный и запыленный костюм, покрытый разноцветными заплатами, между которыми зияли дыры, обнажавшие тело и клочья рваного белья. Его смуглое лицо, обожженное лучами солнца, заросшее густой черной бородой, напоминало бы лицо аскета своей худобой и черными провалами глаз, если бы не прозаическая рваная кепка, из-под которой торчали беспорядочные космы давно не стриженных волос, покрытых, как и борода, серебряным налетом седины. Он медленно передвигал ногами, опираясь на толстую отполированную временем простую палку. Увидев его, гуляющие в парке прерывали веселый смех и сторонились с тревожным выражением лиц: этот человек, как грязное пятно на фоне пышного вечернего парка, внушал какой-то страх не то от зрелища воплощенной нужды и страданий, которых счастливые люди всегда боятся, не то от ожидания встретить с его стороны какую-то выходку, соответствующую его наружности.

Всем было непонятно, зачем этот не просящий подаяния нищий забрел сюда, где право на отдых должны были иметь только счастливые. Подойдя к скамейке, на которой сидела дама с раскрытой книгой, наблюдавшая игру своей маленькой собачки, нищий осторожно присел на самый край противоположного конца скамейки. Он сделал это деликатно и осторожно, но дама, испуганно взглянув на непрошеного соседа, немедленно вскочила и, подозвав собачку, пошла вдоль аллеи, возмущенно подняв плечи.

Проводив ее коротким безразличным взглядом, этот странный человек, тяжело вздохнув, уселся поудобней и принялся наблюдать, как шагах в двадцати от него какой-то юноша, расставив треножник, набрасывает на холст эскиз аллеи. Он находился спиной к нищему, и когда отходил назад, присматриваясь к полотну, тот мог видеть издали рисунок, к которому его притягивало какое-то странное любопытство.

Посидев минут пятнадцать, он встал и подошел к художнику. Увлеченный работой, юноша не обратил внимания на странную фигуру, но, в очередной раз отходя назад, он едва не сбил нищего и, недовольно нахмурившись, продолжал работать, изредка посматривая на него. Через несколько минут это, по-видимому, ему надоело, и, обернувшись к оборванцу, он сказал несколько раздраженно и пренебрежительно:

— Что, интересно?

— Этуд получается неплохо, но все же в нем мало воздуха из-за погрешности в красочной перспективе, — ответил оборванец. — Обратите внимание — желтые блики на кустах переднего плана у Вас взяты в том же по силе тоне, как и блики на кустах, отстоящих от переднего края почти на двести метров. Таким образом, блики у Вас получаются в одной плоскости, и от этого страдает глубина пространства.

Юноша опустил кисть и широко открытыми глазами с явно выраженным удивлением посмотрел на нищего:

— Вы, значит, тоже художник?

— Да, я немного рисовал когда-то.

— Скажите, — спросил юноша, переходя на “вы” и принимая вежливо-почтительный тон, — какие недостатки Вы еще можете отметить в этом этюде?

Нищий охотно пустился в рассуждения по поводу работы молодого художника, обнаруживая глубокие познания в вопросах живописи. Вскоре от слов он перешел к делу и, вооружившись палитрой и кистью, принялся поправлять этюд. Встав за его спиной, юноша с восхищением наблюдал, как оживает его картина: в ней появился воздух и засверкало солнце, деревья ожили и зацвели цветы, аллея уводила зрителя в даль наступающего летнего вечера.

— Ну вот, теперь как будто все в порядке, — вздохнувши, сказал незнакомец и возвратил кисти и палитру юноше, который, растерянно взяв их, смотрел то на этюд, то на незнакомца.

— Я вижу, что Вы мастер, а не просто художник, — сказал он наконец. — Скажите, кто Вы такой и почему у Вас такой странный вид?

— Вопрос Ваш естественен, — немного подумав, ответил нищий, — но это длинная история и к тому же скучная. Я много раз уже рассказывал ее, и она мне так надоела, что повторять ее лишней раз мне просто невыносимо.

— Может быть, я чем-нибудь могу Вам помочь? — спросил молодой художник, сложив вещи и собираясь уходить.

— Если у Вас найдется полтинник, то эта помощь меня вполне бы устроила, — ответил, немного смутившись, нищий.

— Вы, может быть, голодны? Я просил бы Вас зайти ко мне, где мы можем совместить приятное с полезным: поговорить о живописи и заодно поужинать.

— Идея неплохая, но вид мой препятствует ее осуществлению. Ведь Вы, вероятно, живете не один, и я представляю ужас Ваших домашних, когда они увидят Вас в сопровождении такого гостя.

— Ну, это как раз не препятствие. Мои родители находятся на даче и ранее десяти часов домой не возвратятся.

— Ну, что же, тогда я принимаю приглашение, — ответил незнакомец и добавил, — Вы лучше идите впереди, а я буду следовать за Вами.

Но, возмутившись, юноша наотрез отказался от попытки нищего охранить его самолюбие от любопытных взоров гуляющей публики.

Молодой художник жил в большом красивом доме, окруженном прекрасным садом и цветником. Взойдя по высокому крыльцу на веранду, юноша пригласил своего спутника к столу, позвал прислугу и распорядился принести сюда ужин. Служанка удивилась, но, приученная к чудачествам молодого хозяина, ни слова не сказав, исчезла в дверях.

— Я вижу, что Вам неприятно говорить о прошлом, и я не буду спрашивать о нем. Мне только хотелось бы знать, могу ли я

помочь Вам выйти из того положения, в котором Вы сейчас находитесь.

— Мой милый мальчик, доброта Вашего сердца и Ваши коллегиальные чувства меня очень трогают, но мне помочь — задача не из легких. Оставим этот вопрос и поговорим лучше о нашем искусстве.

За обильным ужином началась оживленная беседа, в которой больше говорил оборванец, а юноша слушал, все более и более изумляясь блестящей эрудиции своего странного гостя.

Так незаметно сгустилась синева, и загорелся электрический свет. В процессе беседы незнакомец рассказал, что он пришел сюда издалека, пройдя несколько тысяч километров пешком, лишь меньшую часть пути покрыв с помощью товарных поездов, что этот город ему хорошо знаком и что он не был тут почти пятнадцать лет.

Молодой художник, когда стало уже совсем темно, пригласил своего гостя зайти в квартиру и посмотреть его работы, но последний отказался и, обещав зайти к нему еще, собрался уходить.

— Куда же Вы пойдете? — полюбопытствовал юноша.

— Этот вопрос зависит от того, исполните ли Вы обещание, — ответил незнакомец. — Вы обещали, если я не ошибаюсь, одолжить мне полтинник.

Юноша поспешно вытащил кошелек и протянул ему банкноту.

— Ну, это слишком много, — замялся незнакомец.

— Прошу Вас, возьмите пока это, а завтра я приготовлю еще. Впрочем, будет лучше, если Вы зайдете через два дня. Это будет пятница, и дома никого не должно быть. В этот день отец вернется позже полуночи, а мать, если даже не пойдет с ним, нам не помешает. Мама у меня хорошая, она не осудит нашего знакомства. Итак, я жду Вас в пятницу в восемь часов.

Поблагодарив юношу, нищий художник спустился с крыльца и пошел по темной аллее к калитке. Когда он готов был уже пройти через нее, к калитке, мягко шурша, подъехала красивая машина, озарившая его ослепительным светом фар. Он быстро вышел на улицу и, оглянувшись, увидел, как из машины вышли

какая-то дама и господин. “Должно быть, это родители моего знакомого, — подумал он. — Как хорошо, что я успел ускользнуть”.

Он медленно пошел вдоль улицы и вдруг остановился, услышав до боли знакомый голос:

— Сыночек, ты еще не спишь?

Он услышал ответ юноши, и смешавшиеся голоса затихли где-то внутри дома. “Кому может принадлежать этот знакомый голос?” — подумал он.

— Не может быть! Я просто галлюцинирую, — пробормотал он вслух и направился в ту сторону, где по его соображениям должна была находиться ночлежка.

Пройдя несколько кварталов, он подошел к какому-то третьеразрядному кабачку, из открытых дверей которого неслись шумные крики подвыпивших посетителей. Секунду поколебавшись, он вытащил из кармана полученную от юноши банкноту и, убедившись, что она вполне доброкачественная и все еще находится при нем, нырнул в гостеприимно распахнутую дверь.

Темная комнатуха была битком набита гостями, и не было ни одного свободного стола. Осмотревшись, он увидел, что за столом в углу сидит какой-то мрачный человек, и, подойдя к нему, попросил разрешения присесть. Тот молча кивнул головой и отхлебнул пива из кружки, кроме которой перед ним ничего не было. Художник заказал пельмени и водку. Услышав это, сосед внезапно оживился. Он был одет не намного лучше художника, был так же худ и, очевидно, голоден, ибо глаза его время от времени внимательно следили, как пельмени из миски переходили в рот художника. По-видимому, он боролся с этим постыдным любопытством и несколько раз отворачивался с безразличным видом в сторону, покашливая при этом. Но не проходило и нескольких секунд, как взгляд его снова впивался в очередной пельмень, исчезающий во рту соседа. Последний, конечно, не мог не заметить этого обстоятельства и, обратясь к мужчине, сказал наконец:

— Не присоединитесь ли Вы?

Он провел рукой над столом. Сосед закашлялся:

— Не смею отказаться!

Художник немедленно заказал еще одну порцию и потребовал стопку для соседа.

— Вот и хорошо, вдвоем оно как-то веселее. Разрешите представиться — Сергей Мартов, бродяга, когда-то в прошлом художник.

— Очень приятно, Сергей Сергин, поэт. Оказывается, мы не только тезки, но оба причастны к искусству.

Они налили себе по стопке водки и, чокнувшись, выпили за неожиданное знакомство. После первой бутылки завязалась оживленная беседа и вспыхнули сердечные чувства. Когда была допита вторая бутылка, они уже чувствовали себя старыми друзьями. Поэт уже читал свои стихи, а Мартов уверял его, что это лучшие строки, которые он когда-либо слышал.

— А как Вам понравится это? — спросил поэт и, сделав небольшую паузу, прочел:

*Тяжело мне так жить, сознавая
С пробуждением каждого дня,
Что ты, лживая, черствая, злая,
Никогда не любила меня...*

Прослушав стихотворение, Мартов смахнул со щеки слезу и тяжело вздохнул:

— Как хорошо и красиво Вы сказали о том, что составляет трагедию всей моей жизни. Вот кажется мне, что я смирился и все забыл, но стоит только, как, например, сегодня, прозвучать голосу, похожему на ее голос, как нестерпимая боль опять охватывает сердце.

Поэт, растроганный слезою Мартова, просил Сергея рассказать о себе, и после долгих уговоров тот наконец открыл ему тяжелую драму своей жизни.

— И вот я сидел за столом и думал. Думал напряженно, чувствуя, что сердце и мозг мои готовы разбиться друг о друга в чудовищной, бешеной борьбе. Неожиданно я почувствовал легкое дуновение и подумал, что это, должно быть, сквозняк. Но

занавеска на окне оставалась неподвижной. Я удивился и в этот момент услышал тихий голос, долетавший как бы из-за окна: “Сергей, Сергей, возьми свое самолюбие в руки. Опять ты готов споткнуться об этот камень, закрывающий тебе путь к счастью”. Сомнений быть не могло: голос принадлежал Учителю.

Я бросился к окну и, распахнув занавеску, увидел на фоне неясно освещенных кустов легкую, как туман, фигуру таинственного незнакомца.

— Учитель, — тихо позвал я его, но, строго глядя на меня, он вдруг растаял, как дым.

В эту минуту я услышал, как Нина заиграла мою любимую сонату Шопена В-молл, и когда она дошла до траурного марша, я понял, что это знак конца, что здесь я не могу последовать совету Учителя, что я бессилён пожертвовать своим самолюбием, и, написав им прощальную записку, выскочил в окно.

И вот я ушел, не зная куда и зачем. Я долго шел по темным улицам, пока наконец не очутился у реки. Прохладный ветер, дувший мне в лицо, немного отрезвил меня. Я понял одно, что должен уйти, уйти как можно дальше и все забыть, а им оставить возможность счастья и любви. В моем кармане оказалось достаточно денег, чтобы купить билет, и я отправился на Восток, где пробовал начать новую жизнь. Но острая тоска, щемившая душу, не прекращалась ни на минуту, и я стал пить. Это отразилось на моей работе, а вместе с этим и на материальной стороне. Я чувствовал, что начинаю опускаться, и временами делал попытки подняться. Но стоило мне лишь услышать что-нибудь о ней или прочесть ее имя в газете, как все летело вверх тормашками: я снова запивал и путался с третьеразрядными проститутками.

Наконец, все друзья отошли от меня. Я чувствовал, что погибаю и что спасти меня могла бы какая-то новая встреча и новая любовь. Но ни в ресторанах, ни в ночных кабинетах я встретить ее не мог. Было много пустых, ничего мне не дававших связей. В довершение всего пошатнулось здоровье, и мало-помалу я, как говорится, “дошел до ручки”. Но все же временами во мне загоралась безумная жажда счастья и жизни, и я решил увидеть ее и этой встречей решить окончательно свою судьбу — ведь с тех пор

прошло уже 15 лет, и, может быть, ее облик был только иллюзией. Я должен был увидеть ее и посмотреть, как она живет. Вы понимаете — от этой встречи должно было решиться все. И вот, вооружившись палкой и мешком, я шел и шел, как сумасшедший, под солнцем и дождем, ночуя под открытым небом, скрываясь от контроля на поездах, где пользуясь случайной повозкой, где лодкой, где пешком, и все же дошел сюда.

И вот сегодня в парке, я встретил мальчика, знакомство с которым, по-видимому, даст мне возможность немного привести себя в порядок, и дня через два я думаю отправиться к ней...

Он долго еще говорил, и, слушая его, уже совсем осоловевший поэт только кивал головой и сочувственно мычал что-то совсем неразборчивое. Все же у него хватило сознания довести Сергея до своей убогой комнатухи и предложить ему на первое время свой неприглядный кров.

На следующий день они предавались возлияниям уже в домашней обстановке и быстро исчерпали свои финансовые возможности. После тяжелого похмелья, когда уже начинало темнеть, вспомнив, что сегодня пятница, Сергей отправился к своему юному знакомому. Он чувствовал себя разбитым и совершенно больным. Уже давно он так сильно не пил. Сердце нехорошо сжималось, и было трудно дышать.

Был тихий августовский вечер, и нежная прохлада наступающей осени носилась в воздухе, затаив грусть увядания. Дойдя до знакомой калитки, он обнаружил, что она закрыта, и в нерешительности остановился. Он видел через сад горящие желтым огнем окна ярко освещенного дома. Обшарив калитку и обнаружив звонок, он позвонил робко и коротко. Через минуту отворилась дверь, и кто-то спустился по ступеням веранды в сад. По силуэту фигуры он увидел, что это была женщина, и решил, что это, должно быть, прислуга.

Когда же она стала подходить к калитке, Сергей вдруг замер, ужас охватил его, парализовав в нем способность к какому-либо движению. «Должно быть, я схожу с ума», — подумал он, когда у калитки перед ним оказалась сильно изменившаяся,

но все еще та же Нина. Ведь он хотел увидеть ее, откуда же такой смертельный ужас, как будто его лохмотья и обросшее лицо имеют такое уж большое значение?!

Увидев его, она испуганно остановилась.

— Что нужно Вам? — услышал он ее суровые слова. Желая сказать так много, он не находил слов и молчал, тяжело дыша.

— В такое позднее время за милостыней не ходят, — сказала она, смягчившись от его растерянности и жалкого вида.

— Ну, ладно, подождите.

Сознание мутилось, и сердце сжималось с такой болью, что Мартов вынужден был схватиться за штaketину забора, боясь пошевелиться. Лицо его стало, несмотря на загар и вечернюю темноту, бледным, как лицо призрака. В этот момент он думал только о том, чтобы не упасть. Он был не в силах что-либо сказать. Быстро сходяв за чем-то в дом, Нина вернулась и протянула руку через забор.

— Возьмите, — сказала она.

Мартов сделал нечеловеческое усилие и почти бессознательным движением, повинувшись ее воле, протянул руку и тотчас почувствовал, как несколько монет упало ему на ладонь. Он крепко сжал руку. “Она меня не узнала”, — мелькнула последняя сознательная мысль. Собрав остаток сил, он медленно повернулся и шатающейся походкой пошел вдоль забора. Боль в сердце продолжала нарастать, и от нее темнело в глазах. Пройдя шагов пятнадцать, он споткнулся и упал. Вылетевшие из ладони монеты со звоном покатались по панели. На некоторое время потерявший сознание Мартов очнулся, почувствовав, что кто-то пытается его поднять.

— Оставь его, — прозвучал над ним грубый голос, — он просто пьян.

— Надо прислонить его хотя бы к забору, — ответил более мягкий голос.

И две мужские фигуры, оставив Мартова, пошли вдоль панели.

Сейчас Сергей чувствовал себя уже значительно лучше: сердце болело не так сильно, но мысли были настолько хаотичны,

что он не знал, как поступить ему дальше, и сидел, не двигаясь, у забора.

“Несколько мелких монет! Так вот все, что получил я от нее и ради чего прошел такой длинный и тяжелый путь. Как хорошо было бы сейчас напиться до бесчувствия, но где же взять денег для этого? Идти и просить? Но в этом городе я еще не ходил с протянутой рукой, да к тому же никто не просит подаяния ночью”.

Он медленно поднялся и сделал попытку найти рассыпавшиеся гроши. В результате получасового ползания по панели ему удалось найти лишь одну монетку, но этого было недостаточно даже для одного глотка.

“А все-таки я должен повидать моего молодого друга”, — подумал он и стал прикидывать способ проникновения в сад. Он больше не боялся встречи с Ниной: она его не узнает, он для нее только бездомный бродяга, и, если Нина спросит о причине его возвращения, он скажет ей, что пришел по приглашению сына.

Улучив момент, когда на улице не стало прохожих, Сергей не без труда перелез через забор и очутился в густо заросшем саду. Осторожно раздвигая кусты, по заброшенной боковой аллее он стал пробираться к дому, надеясь в каком-нибудь окне увидеть юношу. Большая часть окон была затемнена. Из-за кустов он мог видеть прошедшую несколько раз мимо окна прислугу и понял, что это, вероятно, кухня. Обогнув дом, он подошел к раскрытому окну, из которого струился бледно-голубой свет, исходящий от лампы, укрепленной над роялем и закрытой голубым абажуром.

Рояль стоял открытым, и на пюпитре находились ноты, но комната была пуста. Как все это напоминало ему давно ушедшее, и этот рояль, который когда-то принадлежал ему, как черное чудовище, оскалив белые зубы, смеялся теперь над ним, над его навсегда утраченным счастьем. Годы прошли, но эта вещь, созданная руками человеческими, не изменилась, не поседела, не поблекла, оставшись такою, какою была 15 лет назад. А что осталось от него, от его мечтаний, надежд и желаний?! “О, как все непрочно в этом мире, как мимолетна жизнь, как мало в ней радости и как она вся перевита терновником страданий!”

Вдруг в комнату вошла с распущенными волосами, в ночном халате, чуть пополневшая, но в мягком и слабом голубом свете кажущаяся почти не изменившейся, когда-то любившая его женщина. При виде ее Сергей опять оцепенел. Он видел, как она подошла к роялю и села на стул, о чем-то глубоко задумавшись. Он любовался силуэтом ее головы, повернутой к нему в профиль, и нежными линиями голубых бликов. Как много дал бы он, чтобы узнать, о чем она думает в этот момент. Он чувствовал, что она собирается играть, и с затаенным дыханием ждал первых звуков, решив, что эта вещь, которую он должен услышать, определит его дальнейшую судьбу.

Вот наконец ее рука потянулась к нотам и перелистнула несколько страниц. Нина искала какую-то вещь, которую ей хотелось исполнить. Найдя ее наконец, она поправила тетрадку, откинула волосы назад и взяла первые аккорды знаменитой сонаты Шопена В-молл. Красивые звуки гордой и благородной грусти великого композитора наполнили комнату и вырвались в сад, обдав Сергея невыразимым чувством прекрасного отчаяния. В той сонате Шопен похоронил себя, свою надежду и счастье, еще живя на земле.

“Это судьба”, — подумал Сергей, и ему показалось, что синяя-синяя ночь, и черные силуэты деревьев, и бесконечная бездна безлунного неба, усыпанная золотом бесчисленных звезд, — все содрогнулось и замерло, внимая трагическому року, нависшему над всем живущим, над всем рожденным и этим рождением уже обреченным на смерть. Грозные шаги неизбежного, так бесконечно глубоко отображенные в зловещих аккордах бессмертного траурного марша, надвинулись на него и, опрокинув еще таившуюся где-то надежду, хлынули неудержимым океаном в его смятенную душу. Когда, так нежно жалуясь, звучало трио марша, он был бессилен удержать потоком хлынувшие слезы. Они катились по щекам и застилали взор туманной пеленой нечеловеческого горя. Сквозь эту завесу он смутно различал, как от взлетающих над белыми льдинами клавиш и едва уловимых в быстром движении рук рождался приговор, последний и окончательный, счастьем и надеждой, ради которой еще можно было жить. И когда последняя часть, точно страшный пламенный

вихрь, пролетела, испепеляя окончание трагического рассказа, и разорвалась потрясающей вспышкой заключительного аккорда, он вдруг почувствовал, что падает в черную бездну, где больше никогда не увидит так ослепительно блеснувший свет.

Оцепенев, он продолжал смотреть в окно и видел, как, наклонившись над роялем, закрытая волной упавших на лицо волос, сидела, не двигаясь, Нина, умчавшаяся душою вслед за потоком рожденных ее руками великолепных звуков.

В этот момент, ужасным диссонансом разрывая торжественную тишину, где-то вдали зазвенел электрический звонок. Нина вздрогнула и подняла голову. Потом она поправила волосы и повернулась к двери, в которую через пару минут вбежал молодой художник.

— Ах, мамочка, напрасно ты вместо себя послала меня. У папы был такой успех! Ему три раза пришлось играть на “бис”.

Он нежно обнял и поцеловал свою мать.

— Да, мамочка, скажи, не приходил ли ко мне бедно одетый бородатый человек?

— Так почему же ты мне ничего не сказал! К нам приходил какой-то нищий, и я дала ему несколько копеек, побранив за поздний визит.

— Мама! — весь вспыхнув, возмущенно сказал юноша. — Что ты наделала? Ведь этот бедный человек — большой художник!

— Художник? Ты почему мне ничего не рассказал, где ты с ним встретился и как познакомился?

— Я ничего вам не сказал, боясь, что вы не разрешите мне встречаться с ним и помогать ему, а он такой несчастный и такой талантливый мастер!

— Ты мог ничего не сказать об этом отцу, но почему ты не доверился мне?

В этот момент в дверях показался Светлов. Он радостно подошел к жене и крепко ее поцеловал.

— Ты, дорогая, вероятно, не скучала без меня и, как всегда, использовала одиночество, чтобы в звуках помечтать о чем-то, непонятном никому, кроме тебя одной. Ах, если бы я мог когда-нибудь подслушать, как ты мечтаешь наедине!

Обняв ее одной рукой, он сел с нею рядом на краешке стула и заглянул в стоящую на пюпитре тетрадь.

— Ну вот, конечно, опять эта В-молл'ная соната, — нахмурился он и, встав, отошел к окну.

Инстинктивным движением Сергей попятился вглубь кустов, но был бессилён оторвать свой взгляд от окна, откуда каждое слово разговора долетало до него.

— Что хорошего в этом избитом марше? — сказал возмущенно Светлов. — Может быть, ты все еще несчастна?

Нина ответила не сразу. Несколько секунд она молчала, глядя куда-то в угол потолка, но потом решительно поднялась и, подойдя к Светлову, положила ему на плечи руки.

— Опять мы начинаем все тот же разговор, опять тревожим память мертвеца. Ведь ты же знаешь это так же хорошо, как и я, что нашего Сережи нет среди живых. О, как бы я хотела увидеть его хотя бы на одно мгновение, чтобы сказать ему, что он ошибся, что я ему в тот страшный час не изменяла. Вот уже много лет прошло, но каждый раз, когда я вспоминаю, что он ушел, не зная истины, и умер с мыслью, что мы его обманули, мне становится так тяжело и больно за украденное у него счастье. Он так любил эту сонату Шопена, точно предчувствуя в ее трагических звуках свою судьбу. Но, милый, все это только тяжелый сон далекого прошлого, а мы должны жить настоящим. Ведь ты же обещал мне оставить уголок в моей душе для него. Ведь ты же обещал и свято держишь это обещание — заменить ему отца, она кивнула головой в сторону уходящего из комнаты юноши. Она замолкла, и вдруг, ударив по нервам не столько силой, сколько внутренним напором, из сада долетел приглушенный крик, оба они замерли, повернувшись к окну.

— Что это? — понизив голос, испуганно воскликнула Нина.

— Я выйду в сад, — сказал Андрей, но Нина, испуганно прижавшись к нему, в каком-то мистическом ужасе воскликнула:

— Не делай этого, лучше затвори окно!

— Чего ты так испугалась? — пытался успокоить ее супруг.

— Мне очень страшно, не знаю почему. Прошу тебя, закрой окно!

Зараженный ее ужасом, Светлов, стараясь быть спокойным, не торопясь закрыл окно. И больше ничего не слыша, обнявшись, они покинули комнату.

— Раскройте его кулак, — сказал судебный следователь полицейскому, — что это он там зажал?

Брезгливо морщась от прикосновения к трупу, полицейский с трудом раздвинул окоченевшие пальцы и вынул из руки покойника маленькую монету. Осмотрев ее, следователь распорядился вызвать трупный ящик.

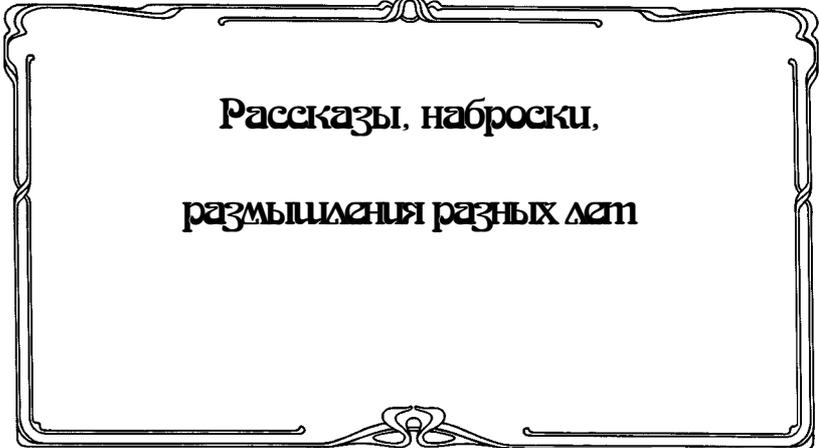
— Собачья смерть — на улице, под забором, — поежившись от утреннего холода, сказал полицейский.

— Какая разница? — раздраженно ответил следователь.

— Перед мыслью, что все мы умрем, совершенно бледнеет обстоятельство, как мы умрем.

Потом, помолчав, он повторил, вздыхая:

— Да, все мы умрем...

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical flourishes at the top and bottom centers, and smaller ones at the corners. The frame is drawn with double lines.

Рассказы, наброски,
размышления разных лет

КАМЕНЬ НАПОЛЕОНА

Англия вставала камнем преткновения на пути расширяющихся планов Наполеона. Трудно было подчинить эту страну и ее народ своей воле. Великий строитель новой Европы верил в свою звезду, в неисчерпаемость своих возможностей... Но на пути к достижению его цели лежала Россия. Страна варваров и свирепых морозов не пугала Наполеона. Трудности покорения и владения этой гигантской страной были, конечно, огромны, однако, как всякий великий человек, Наполеон не боялся трудностей. Но даже самые близкие его помощники не знали, что так страшит императора, когда вопрос заходил о необходимости покорить Россию, прежде чем окончательно покончить с Англией.

На сегодняшнем совете, когда почти все присутствовавшие единогласно требовали похода на Россию, Наполеон все же не дал окончательного согласия.

После собрания, затянувшегося до глубокой ночи, император, возвратившись во дворец и едва притронувшись к ужину, прошел в свой кабинет. Подойдя к заветному шкафу, он открыл его и, не притрагиваясь, долго смотрел на ларец, покрытый драгоценной салфеткой.

С каким-то суеверным ужасом он вспоминал тот момент, когда некий граф, Посланец Великого Центра, вручил ему этот ларец и сказал, что удача не покинет генерала в его великой миссии объединителя Европы, пока он будет слушать голос, исходящий из Священного Камня, заключенного в ларце. В мощном интеллекте великого полководца (тогда еще только начинающего генерала) был какой-то "изъян", какой-то прорыв в мистику и суеверие. Бонапарт принял ларец со священным трепетом и во все трудные моменты советовался с ним, оставшись по совету Посланца наедине с Камнем. Достаточно было в минуту колебаний, сосредоточившись, обратиться к Камню, как в сознании его

возникало определенное, ясное решение. Следуя этому решению, Наполеон всегда побеждал.

Теперь он пришел к великой славе. Почитание и водопады лести, изливаемые на всех, имеющих власть, долгое время не могли лишить его трезвого равновесия. Но все же он был человек, и длительные годы непрерывных успехов и преклонения стали действовать на него все сильнее и сильнее. Лишь один из приближенных, маршал Н., знал историю с Камнем и знал, что Посланец Таинственного Центра сказал, что удача не оставит императора, если он будет следовать данным советам, среди которых был один, который весьма не нравился маршалу, — ко всему прочему Посланец сказал:

— На Россию походом не ходи...

Сомнение и раньше овладевало императором, но прежде оно было весьма легковесным, а в последнее время становилось все тяжелее и непригляднее. Прорыв в интеллекте императора постепенно суживался. Мистический элемент все более и более уступал в нем трезвому рассудку под влиянием окружающей среды.

Все чаще и чаще император повторял фразу своего министра финансов, что для ведения войны необходимы только три вещи — “во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги”. Все чаще он задумывался над словами приближенного маршала Н.: “А что если, Ваше Величество, свою мудрость, свои гениальные способности Вы просто, по суеверию, приписываете влиянию какого-то камешка, какого-то булыжника, поднятого у дороги? Пора бы покончить с этой легендой! Пора бы покончить с камнем, лежащим на Вашем пути к окончательному объединению Европы, к ее процветанию под Вашим мудрым руководством!”

И император все более и более попадал под влияние маршала. “Полмира у ног моих, а я все еще нет-нет да и посоветуюсь с Камнем... А может быть, это действительно всего лишь булыжник с мостовой? — думал император, глядя на ларец. — Ну, Камень, скажи мне окончательно и бесповоротно, прав ли я буду, если скажу, что у меня нет другого пути к объединению Европы, кроме как поход на Россию!”

Как во многих предыдущих случаях, и на этот раз на душе у Наполеона стало нехорошо. Смятение, беспокойство и тяжесть наполнили сознание, и не рождалось никакого ясного и конкретного решения.

С гневом захлопнул он дверцу шкафа и направился в спальню.

Утром император отменил обычную аудиенцию и заперся с ближайшими своими командирами, министрами и советниками в кабинете. Нежелание идти трудным путем и принять иное решение Наполеон объяснил отсутствием какого-либо другого выхода и объявил собравшимся о своем решении приступить к подготовке войны с Россией.

Необычайный энтузиазм, охвативший собравшихся, передался и императору. “Вот оно — правильное решение”, — подумал Наполеон. Он потребовал от всех предельного старания и тщательности в подготовке вверенных им военных сил.

Все силы должны быть мобилизованы до предельных возможностей. Даже с испанского фронта должны быть сняты две трети солдат. “Мы создадим неслыханную до сего времени армию, по численности и вооружению небывалую для всех эпох и народов. С такой армией не может быть никаких просчетов; даже четверти ее достаточно было бы для разгрома русских, так что же будет, когда все четыре четверти обрушатся на дикую, малокультурную страну...”

Когда все разошлись, император с надменной улыбкой, почти лишенный какого-либо суеверия, подошел к шкафу с Камнем и решительно открыл дверцу.

“Ну вот, теперь у меня нет никаких колебаний, и решение ясно... Что скажешь мне, Камень, теперь?” Он быстрым движением откинул салфетку и открыл крышку... Лицо его смертельно побледнело — ларец был пуст! Камня там не было!

17.08.1966 г.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

1

Однажды мой друг рассказал мне историю одной любви. Он начал ее так.

— Любовь... Воистину, сколько существует людей, столько представлений вложено в это слово. От самых низких, от самых ужасных до самых высоких, самых прекрасных чувств наполняют это краткое, но действительно всеобъемлющее слово — Любовь!

Просыпающийся разум юноши с настойчивым напряжением искал ответа на то, что он еще не успел познать: что же такое любовь? Ему говорили — она неизбежна и неотвратима, она, как смерть, ожидает тебя на пути, и ты не знаешь ни дня, ни часа, когда она ворвется в твою жизнь, и все в тебе и вокруг тебя будет преобразено, и вот уже, может быть, рождена та женщина, которая, как молния, пересечет твой путь и даст тебе возможность познать наивысшую радость, возможную на земле! При этой мысли он замирал от каких-то неясных, но мощных волнующих предчувствий невообразимого блаженства; и в то же время сердце его сжималось от какого-то необъяснимого страха.

Но что же такое любовь? О ней так много пишут и говорят, она поглощает так много мыслей человечества, и нигде, нигде нет исчерпывающего ответа на этот вопрос! Какой-то сумбур, полный противоречий, конгломерат самых разных представлений... По-видимому, надо отбросить от себя эти суждения и самому познать эту тайну из тайн.

И час пробил. Она пришла и озарила жизнь чудным светом... Но вспышка была краткой. Она обожгла неосторожного, и после краткой радости он ощутил продолжительную боль. “Не то! Не то!” Совсем не того он ждал от этой встречи. Не о такой любви мечтал в дни своего одиночества: чем прекраснее и задумчивее были синие летние вечера, чем свежее была утренняя прох-

лада и прозрачнее нежное небо, — тем прекраснее звучала песнь наступающей любви. Конечно, у него это была не любовь, а какая-то пародия на нее.

Конечно, есть *настоящая* любовь, и, уложив на полку сознания горький опыт первого урока, он стал мечтать о другой — настоящей любви. У него уже начали появляться какие-то критерии для измерения ее, какие-то требования к встречаемым женщинам, иначе говоря, яснее обозначился идеал героини и идеал отношений между возлюбленными.

И вот — вторая встреча, и тот же результат. И тот же результат от третьей, четвертой и пятой встреч. Нарастает опыт, ярче светит мечта. Но чем ярче она становится, тем дальше отодвигается возможность ее воплощения в жизнь.

— Знаете, — сказал однажды долго молчавший его Учитель, когда они шли по темным улицам спящего города и каждый думал о своем, — знаете, я все же верю, что где-то существует такая женщина, с которой ты мог бы быть счастливым!

Это было сказано давно, когда идеал “ее” еще не был ясен, но в словах Учителя звучала такая убедительная вера, что и он поверил в существование “ее” — “ее”, единственной на земле и на небе. И теперь, когда прошло уже немало лет бесполезных поисков, он, не утратив этой веры, совершенно потерял уверенность в возможности такой встречи, о которой мечтал в стихах:

*Как мог я думать, что другая
Тебя заменит! Не любя,
Как мог я жить! Тебя не зная,
Как мог бороться без тебя.
Ища твой голос в море речи,
Знакомый свет во всех глазах,
Я знал — вся жизнь преддверье встречи
С тобой — единственной в веках.
И ты пришла! Ты не забыла!
Из тьмы веков ты вновь пришла!
И сердце снова мне пронзила
Любовь — звенящая струна!*

Много женщин уже пересекло его путь, и каждый раз, довольно быстро, он убеждался, что встреченная — не “она”, и, борясь с водоворотами чисто физических влечений с тем или иным успехом, он снова выходил на просторы жизненной реки, чтобы с каждым разом убеждаться все тверже и тверже в том, что женщину, с которой он бы мог быть счастливым, он в этой жизни уже никогда не встретит. Блекла его наружность, подходили тридцатые годы, рассматриваемые как старость, а молодая душа художника мечтала о героине, красивой и молодой. Но разве красивая и молодая могла теперь полюбить его, поблекшего “старика”? Нет, видно, в этой жизни ее уже не встретить и нужно готовиться к одинокому пути. Не предать же священного чувства к ней во имя телесных нужд и страха одиночества. Нет! Верностью ей он заслужит встречу, не в этой жизни, конечно, а в другой, может быть, там, за гранью, она ожидает его, ибо законы кармы не позволили ей воплотиться вместе с ним.

Да, да, он будет терпеливо ждать этой встречи и не изменит ей ни с кем!

2

Шел грозный 1944 год. Небо меркло от черного дыма пожара; необрушенные поля, густо залитые кровью и заваленные бесчисленными трупами, содрогались от взрывов и тяжелой поступи множества солдатских ног. Над развалинами городов пролетали тучи железных стервятников, и всюду пламя извергало громы, дымы и смерть... Миллионы и миллионы несчастных принимали мученическую смерть во имя преображения мира.

И вот на вспаханной снарядами земле, обильно удобренной трупами и густо политой кровью, так неожиданно расцвел чудесный, нежный цветок долгожданной любви. На пределе отчаяния он все-таки встретил ее. Ему было уже 30 лет, а ей только 19, но с первой же встречи чувство необыкновенной гармонии охватило обоих.

Их познакомили совсем не для романа. На веки веков решала она свою судьбу — быть или не быть ей с Новым Миром. Невидимая битва бушевала вокруг нее, разрывая душу противоре-

чиями, и тот, кто мог оказать ей помощь в этот решительный момент, должен был уехать. Перед отъездом он позвал своего ученика и сказал ему:

— Кроме Вас ей больше некому помочь. Вы знаете её? — Учитель произнес неизвестное имя. Ученик покачал головой.

— Она очень красива.

Он попытался изобразить ее лицо в профиль, но ученик снова покачал головой.

— Я Вас не принуждаю, Вы можете помочь или уклониться от помощи, но только смотрите!..

Учитель часто говорил это слово, в которое вкладывал просторную мысль, и ученик свободно прочитывал ее содержание. Так и теперь в слово “смотрите” был вложен просторный смысл: Учитель остерегал ученика от личного чувства во имя служения человечеству, и это хлестнуло ученика, как плеть. Неужели он не надеется на его самоотверженность, тогда лучше отказаться! И тут же он подумал: “Отказаться от помощи человеку, во имя чего? Во имя самолюбия?” И, возмущившись последним, он согласился. На следующий день они познакомились.

Ей было 19 лет, она из довольно известной в городе семьи, очень красивая. Он бедный, никому неизвестный художник, уже солидный, поблекший от времени мужчина, — о каких личных чувствах здесь можно говорить и чего опасаться! Он невольно улыбнулся предупреждению Учителя...

И здесь мой друг замолк, ибо дальше словами уже нельзя было выразить то великое чувство, соединившее их навеки, и только стихи, которые были написаны им много лет назад, поставили точку в еще одной истории великой Любви.

ЛИСТОК ДНЕВНИКА

Вто время я находился в больнице в лагере...

Я часто думал о том, что наказания, которые несут заключенные в лагерях, несправедливы. Несколько человек, совершивших одно и то же преступление, получивших одно и то же наказание и, допустим, попавших в одни и те же лагеря, — несут совершенно разные наказания. Один из них, попавший на валку леса простым рабочим, несет одно наказание; другой, попавший на ту же валку леса бригадиром, несет гораздо меньшее наказание; третий, устроившийся поваром на кухню, не только не будет знать ни холода, ни голода, но и будет иметь возможность приобретать и вещи, и услуги от голодных; а кто-то, устроившись врачом, будет иметь еще и время читать, писать стихи и мечтать и даже иметь романтические встречи.

Когда я очутился в лагерях, мне пришлось пройти через множество профессий. Были среди них и поистине каторжные, причинявшие нечеловеческие страдания и ставившие меня очень часто на грань смерти.

Ясно, что большая часть заключенных работала на так называемых “общих работах”. На этих общих работах в те годы выживали немногие. Люди, не утратившие воли к борьбе, выбирались из этой свалки в укромные уголки, ухитрялись передохнуть в них и немного оправиться от ужасов физических и психических перенапряжений. Однако за эти укромные уголки шла страшная, упорная борьба — настоящая борьба за существование, и в этой борьбе выживали сильнейшие, и часто сильнейшие в подлости, наглости, беспринципности, предательстве и подхалимаже.

(На этом запись обрывается.)

МУЗЫКА ЛИСТА

На магнитофоне звучала музыка Листа. Окно было открыто. Чудесный прохладный воздух волнами легкого ветерка врывается в комнату, наполняя ее озоном.

Музыка Листа рождала у меня образы высоких горных вершин, синих, голубых, почти сливающихся с голубизной неба, если бы не белая кайма вечных снегов. Казалось, что мимо этих вершин проплывают причудливые облака. Постепенно они окрашивались в золотые, потом в розовые и, наконец, в рубиновые краски заката. Лиловый оттенок переходил в синий, и беспредельная ночь зажигала над вершинами золотые огни своих бесчисленных лампад... Да, эта музыка уносила куда-то очень высоко, в антипод подземной жизни, откуда неслись истошные, душераздирающие вопли и дикий, разрушительный ритм модной современной музыки, точно смертельный вопль погибающего старого мира, затопляемого дегенерацией, вырождением, упадком, одичанием; и только вершины его — такие как музыка Листа — продолжали сверкать своею незыблемой, вечной красотой!

Поистине велика щедрость Создателя, если вместе с воздухом, навстречу чудесным мелодиям Листа, могли врваться в комнату звуки истошного танца еще цивилизованных, но уже обреченных на полное одичание двуногих. Как солнечные лучи падают и на прекрасные цветы, и на гниющую плесень — в волнах чистого воздуха смешивались струи двух миров, двух антиподов — хаоса и Творящего Света.

ПОСЕЩЕНИЕ ОТШЕЛЬНИКА

Когда отношения с женой достигли предельной степени ухудшения, я услышал, что в окрестностях нашего города появился мудрец-отшельник. Он спустился с высоких гор и оказывал духовную помощь приходящим к нему. Не медля ни минуты, я захватил с собой узелок и отправился к нему.

Мудрец сидел под горою на камне, окруженный учениками, и принимал отягощенных жизнью. В этот день их было немного, и я уселся среди них, терпеливо ожидая своей очереди. Среди ожидающих были и знатные, и простые люди. Не отдавая предпочтения знатным, мудрец принимал всех по очереди. Худое гладкое лицо его было одновременно и строгим, и ласковым. Внимательно посмотрев на подходящего и выслушав его, он некоторое время молчал и после давал совет в простых и кратких словах. Люди отходили от него то с радостной улыбкой, то глубоко задумавшиеся, то еще более помрачневшие. Иногда он обращался к ученикам и просил их высказаться, иногда он что-то разъяснял им, и они выслушивали его с почтительным горячим вниманием.

Когда настала моя очередь, я немного смутился: наблюдая происходящее, торжественный вид учеников и действия отшельника, я незаметно для себя ощутил какое-то умиротворяющее, благостное настроение, которое испытывал в те времена, когда с полной верой посещал храмы и присутствовал при богослужениях. Тот груз, с которым я пришел к нему, как будто бы растаял и показался мне теперь ничтожным и недостойным внимания этого великого человека. Заметив мое колебание, отшельник ласково улыбнулся.

— Подойди ко мне, каменщик, — сказал он приветливо.

И я нисколько не удивился, что он по каким-то признакам догадался о моей профессии.

— Подойди, сядь тут, — он показал на небольшой камень, лежащий напротив него. — Сядь и расскажи нам, что привело тебя сюда?

— Учитель, я лучше постою — мне неловко сидеть в твоём присутствии.

— Ну что же, постой, — просто ответил он и, обратившись к ученику, сидящему от него напротив, спросил:

— Как думаешь ты, недостаток повиновения или избыток почитания выражает его ответ?

И не ожидая ответа задумавшегося ученика, он снова обратился ко мне:

— Я вижу, ты хочешь спросить совета, но прежде расскажи нам подробно о том, что заставило тебя обратиться к нам?

— Учитель, — сказал я, вновь загораясь своим огорчением, — когда я выбрал себе жену и мы поженились, более года жизнь наша протекала в радости и счастье. Каждый день я старался сделать ей что-то приятное и как-то облегчить тяжесть, если такая выпадала на ее долю. Жена отвечала мне тем же.

Прежде я слышал, что с браком кончается любовь. Но это неправда, во всяком случае, этого не должно быть. Именно после брака начинается настоящая любовь. Я испытал это на отношениях с женой. Но потом мы исчерпали радость совместной жизни. Начались серые будни, к тому же жизнь стала тяжелее. Мы стали оба уставать и часто раздражаться друг на друга. Появление ребенка немного улучшило наши отношения. Появились новые радости: мы восхищались первыми шагами его ножек, умением произносить слова и прочими приятными событиями, которые никому не интересны, кроме родителей. Однако в связи с появлением ребенка увеличились заботы. Часто мы не могли согласиться в способах воспитания, и из-за этого возникали ссоры.

Однажды жена заболела. При мысли, что я могу ее потерять, я почувствовал к ней прежнюю нежность и стал ухажи-

вать за ней с особым старанием. Но прошла болезнь, и снова возобновились ссоры. Я ненавижу ссоры. Поэтому я стал искать причины, чтобы устранить их. Но вот когда жизнь стала совсем невыносимой, а я так и не мог найти ничего, что бы дало мне возможность восстановить семейную жизнь, я пришел сюда.

Я чувствовал, что говорю нескладно и не то, что хотел сказать, но мудрец слушал меня с глубоким вниманием. Мне даже показалось, что не самые слова мои имеют для него значение, но что-то неуловимое, скрывающееся за ними.

Когда я кончил говорить, он еще долго молчал и о чем-то думал, глядя вдаль. Потом, обратившись к ученику, повторил свой вопрос:

— Что же, по-твоему, руководило этим человеком: избыток почтительности или недостаток повиновения?

— Я думаю, что избыток почтительности.

— А я полагаю, что недостаток повиновения, — горячо вмешался другой ученик, сидевший слева.

Ученики стали спорить, каждый приводил доводы в пользу своего взгляда.

— Ты прав, — обратился отшельник к первому. И, повернувшись ко второму, добавил:

— И ты тоже прав. И то, и другое чувство руководило им. И нет в жизни ни одного явления, ни одной вещи, которая была бы следствием чего-то только положительного или только отрицательного. Мы можем говорить лишь о преобладании того или другого. Иногда это преобладание бывает настолько значительным, что мы видим лишь это преобладание. Чаще преобладание выражено неясно, и тогда возникает спор.

— Друг мой, — обратился, наконец, он ко мне, — возьми этот круглый камень и толкай его в гору.

Я немного удивился, но последовал приказу немедленно. Камень был большой, и чем больше я его толкал, тем мне становилось тяжелее. Иногда я останавливался, и тогда камень давил на меня всей своей тяжестью и заставлял меня сползать с крутого склона.

— Хватит! — крикнул мне мудрец. — Отпусти камень.

Я снова последовал приказу, и камень покотился в пропасть, все время ускоряя свое движение.

— Подойди ко мне, — сказал отшельник, — и не сердись, что я заставил тебя потрудиться напрасно. То, что ты испытал, — это мой ответ и одновременно совет тебе. Иди домой и по дороге подумай.

Я молча поклонился и, уступив очередь следующему, полный недоумения, пошел домой.

“Что он хотел сказать этим?” — думал я, когда и мудрец, и ученики скрылись уже из глаз. — Почему он ничего не сказал мне больше?”

Путь был длинным, но когда показались знакомые ворота, я так и не нашел ответа. Дома я рассказал жене обо всем. Она задумалась. До самой ночи мы не ссорились.

Когда свет был потушен и мы легли спать, жена внезапно спросила:

— Ты не спишь?

— Нет, — ответил я.

— Мне кажется, что я нашла объяснение: камень должен означать наш брак. Приняв эту тяжесть, мы обязались толкать его в гору, то есть ввысь. Это значит, что мы должны были непрерывно улучшать наши отношения. Когда мы прекращали делать это, камень начинал давить на нас и мы вынуждены были спускаться. Это значит, что мы должны без конца, каждодневно улучшать наши отношения с усердием и усилием, и тогда мы будем счастливы.

— Толкайте вперед и ввысь каждое начинание, иначе оно возвращается в хаос небытия, — услышал я беззвучный голос мудреца, и мне показалось, что это было странное эхо моей собственной мысли.

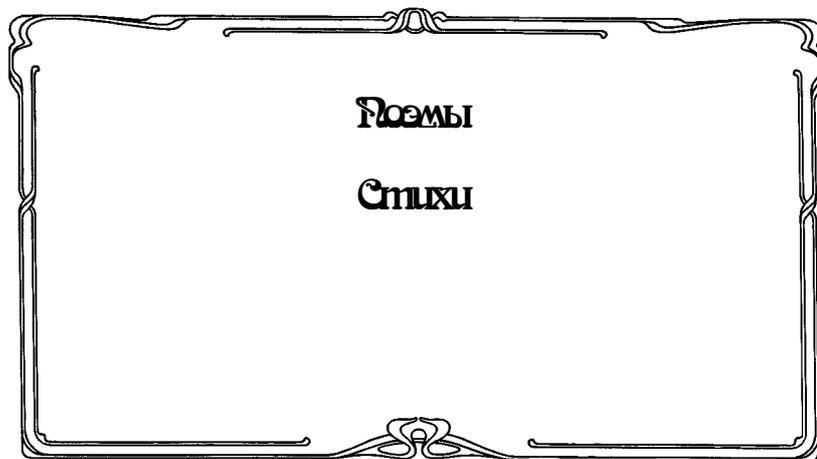
Теперь мне стало ясно, что надо делать не только для улучшения отношений с женой, но и со всем тем, что вызвано к жизни моей волей: я не хочу допустить падения в бездну.

Вся жизнь моя с тех пор преобразилась и приобрела законченный смысл. И еще понял я, что ни один запрос к Высшим

Силам не остается без ответа, но ответ этот строится так, чтобы не затронуть процесса самостоятельного развития сознания просителя и не повлиять на свободу его собственной воли, ибо цель помощи Высших Сил людям заключается в том, чем Они сами живут и дышат — в усовершенствовании мира.

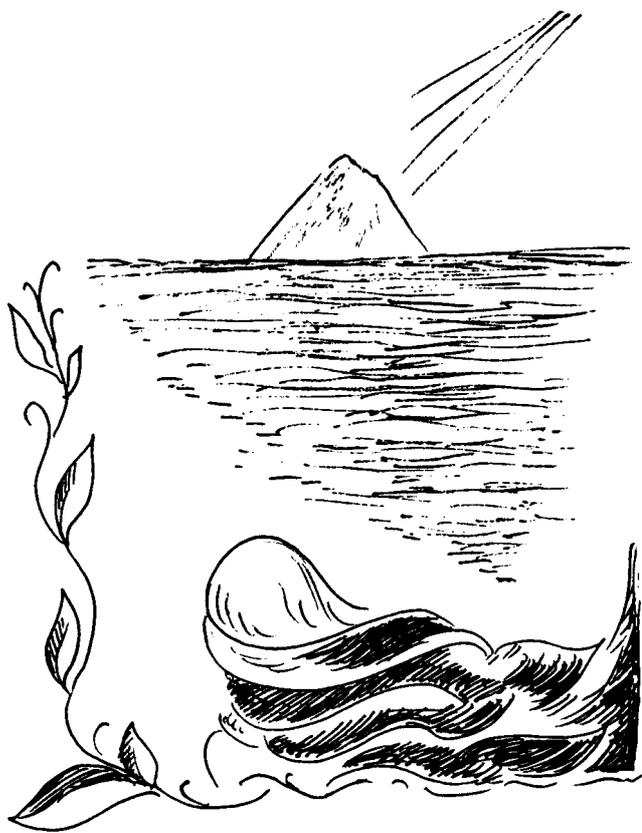
15.07.1960 г.

Поэмы

Стихи

МАЙЯ

Восточная легенда

Сияло солнце золотое
Над грозной горною грядой,
Где пики в небо голубое
Врезались белою парчой.

А там, где пропасти синели,
Где стлали тени облака,
Вползала в трещины ущелий
Змеёй серебряной река.

На берегах её светлели
Заплаты редких деревень,
Где жизнь качалась, как качели,
Из царства сна в кипящий день.

Там люди смертные родились,
Они трудились и, растя
Детей, старея, уходили,
Не вникнув в тайну Бытия.

Но здесь, в заоблачных высотах,
Среди снегов, на глыбах скал,
В тяжёлых огненных заботах
Учитель мудрый пребывал.

Сегодня у своей пещеры,
Где в гости ждут лишь облака,
В глубокий смысл старинной веры
Он посвящал ученика.

На подвиг чела¹ посылая,
Он говорил ему о том,
Как обольщает души майя²
На плане тонком и земном.

Он говорил ему: “Ты молод,
Но любишь подвиги святых,
Изведал ты духовный голод,
Но бойся майи молодых!

Но бойся чувство неземное
С любовью низкою смешать.
И пламя вечное, святое
На дым и пепел променять.

Пылает мир огнём мятежным
И ждёт тебя, а ты готов?”
С вершин струился чистый, свежий,
Прохладный аромат снегов.

Их благородное дыхание
Коснулось чела: “На словах
Всё ясно мне, но пониманье
Жизнь проверяет на делах.

Мне кажется, я понимаю,
Твои слова, как снег, свежи,
Но если вдруг я встречу майю,
Как распознать её, скажи?”

Когда враги одолевают
И рвутся бешено вперёд,
Я щит духовный поднимаю
И знаю — пламя их сожжёт.

¹ Чела — ученик.

² Майя — иллюзорность проявленного мира. — *Прим. ред.*

Но если вкрадчиво и нежно
Проникнет майя в сердце мне,
Как распознать мне неизбежность
Её сгорания в огне?

Я знаю — время всё сжигает,
Что несжигаем только дух,
Но чем мне встретить силу майи,
Как на неё надеть узду?”

“Ты лишь недавно из Пралайи³
И не окреп ещё в борьбе,
В чём сила и в чём слабость майи —
Я помогу понять тебе!

Я знаю, в чём твоё сомнение,
На чём нога твоя скользит,
Но прежде с гор спустись в селенье
И там мне хлеба попроси”.

Пройдя отвесными горами,
К реке спустился древний путь,
Усталый чела, сев на камень,
Решил немного отдохнуть.

Издали звучало пенье,
Шептались листья на кустах,
Звенела музыка теченья,
Шипели струи на камнях.

И где-то в зарослях прибрежных
Перекликались звон цикад
И голоса синичек нежных,
Шумел далёкий водопад.

Оставив ухо на дозоре,
Дремал всё глубже ученик,

³ Пралая — отдых, период бездеятельности, сон.

Огонь сознания гас во взоре,
И даже сон уже возник...

Вот он плывёт... И мутны воды,
И небо в тучах всё... Как вдруг
Внезапно в музыку природы
Ворвался новый странный звук.

Он нарастал... И скоро топот
Услышал ясно ученик,
Как будто бы на берег кто-то
Из леса мчался напрямик.

Всё ближе шум, вот рядом, слева
Трепещут ветви, слышен хруст!..
“Должно быть, зверь!” — подумал чела
И отошёл за ближний куст.

Свались ему на лоб комета,
Он был бы меньше поражён.
Он ждал всего, но лишь не это,
Не это — странное, как сон...

На берег в платье подвенечном
Ворвалась девушка! Она
Была прекрасна — бесконечно!
И совершенно сложена.

И снова приступ изумленья:
Она, сверкая красотой,
Сорвала платье, украшенья —
И растоптала их ногой!

Она бы лучшим изваяньем
Могла быть в храме Красоты,
Но отчего таким страданьем
Искажены её черты?

И отчего струятся слезы?
Куда она бежит, куда?
И чьи зловещие угрозы
За нею гонятся сюда?

Но перед ним сверкало тело,
Такое встретишь только раз!
И что ему теперь за дело
До слез, струящихся из глаз!

И вот, в слезах, не замечая
Туманным взором ничего,
Она прошла совсем нагая,
Чуть не задев плечом его...

Как сердце бешено стучало,
Когда, дрожа, боясь вздохнуть,
Смотрел он жадно, как качалась
Высоко поднятая грудь.

Она ускорила движенье...
Вот берег... волны... лёгкий крик.
И только в это лишь мгновенье,
Очнувшись, вздрогнул ученик.

Ещё мгновенье — он в потоке!
Он ищет тело под водой...
Здесь воды быстры, и глубоки,
И хладны даже в летний зной.

Ещё мгновенье — и усилъя
Его увенчаны — она
В его руках, он чует крылья!
Она — бесчувственна, бледна...

Ещё мгновенье — и на сушу
Ступает он, едва дыша.
Он вместе с телом спас и душу!
Стремит восторг его душа.

Он был, как ангел сострадания,
Когда, упавши на песок,
Чтоб привести её в сознание,
Он делал всё, что знал и мог.

Когда же губы заалели
И водопад волос просох,
Он, наконец, добился цели —
И услышал глубокий вздох.

Взметнулись крылья чёрной птицы
Над голубой зарницей глаз,
Сверкнули длинные ресницы:
“Кто ты? Зачем меня ты спас?!”

И вспыхнул вновь, пьянея, чела.
“Она не видит наготы!..
Какая грудь, какое тело!” —
Подумал он, смотря в кусты.

“Но что гнетёт её?.. О, Боже!
Любовь, конечно! У такой
Свободным сердце быть не может!
Не по пути ей, друг, с тобой!”

И отрубив соблазн с размаху,
Сказал: “Я чела, друг людей”.
И сняв, ей протянул рубаху:
“Возьми, надень её скорей”.

И вспыхнув алою зарницей,
Схватив предложенный покров,
Она метнулась быстрой птицей
И скрылась в зелени кустов.

Но постепенно, как туманы
Сгорают в золоте лучей,
Её смущенье путник странный
Прогнал сердечностью своей.

“Скажи мне, что с тобою было?
Ты где живёшь? Тебя как звать? —
Спросил он с ласковою силой. —
Скажи, я всё смогу понять!”

“Ты очень юн, красивый чела,
Мне странно звать тебя "отцом"...
О, как бы я теперь хотела
Пойти, как ты, за мудрецом!

Я точно вся в тенетах тины
Иду трясиными болот...
Уйти бы в горы, на вершины,
Где глыбы скал, где снег и лёд!

Но я не то сказать хотела...
Меня назвали Майя. Я...
Но отчего ты дрогнул, чела?
Что это имя для тебя?”

Струило солнце позолоту
По черно-синим волосам...
“Нет, ничего, я вспомнил что-то,
А что — не знаю даже сам...”

“Недалеко здесь есть селенье,
Там я жила. Отец и мать
Однажды приняли решение —
Меня богатому продать.

Мне нравился другой, но беден
Мой милый был. А тот горбат,
Уже в годах, и худ, и бледен —
Зато известен и богат!

Тогда я милому сказала:
“Бежим, иначе утоплюсь!”
Но он любил, должно быть, мало,
А может быть, был просто трус.

“Смиримся! — он сказал мне, плача. —
Всё воля Неба и Судьбы!..”
Удар был страшен. Но задача
Сама решилась без борьбы.

Тогда была я так убита
И так в душе оскорблена,
Что согласилась, и защита
Теперь мне стала не нужна.

Жених мне присылал подарки
Один другого всё щедрей,
Мерцало золото в оправе
Огнём сверкающих камней.

А в сердце боль, как от кинжала!
Как опалённая огнём,
Я ночи долгие рыдала —
И улыбалась горько днём.

И вот он свадебное платье
Прислал мне. Грозный час пришёл,
Но ненавистные объятья
Я предпочла объятьям волн.

За час до свадьбы я бежала
Под шум собравшихся гостей.
И это платье разорвала,
И затоптала блеск камней”.

Метнулись загнутые стрелы
Ресниц от набежавших слез,
И взор её казался чела
Мерцанием огромных звёзд.

Река неистово шумела,
Как будто требуя отдать
Ей Майю. “Нет! — подумал чела. —
Ей Майи больше не видать!

Пусть надо мной смеются люди,
Я никому её не дам!
И если кто-то нас осудит,
Уйдем к нетающим снегам!”

И Майя вдруг к нему, как к брату,
Прижалась нежно, чтоб сказать:
“Спаситель мой, любую плату
За жизнь мою ты можешь взять!”

Вдруг стая птиц, шумя, взлетела,
Услышав топот многих ног.
“Они идут! Ты слышишь, чела?!
Нет! Лучше броситься в поток!”

Но он привлёк её в объятия:
“Нет, мы пойдём сейчас назад,
И там, где бросила ты платье,
Узнаем, что они решат”.

Сквозь бурных вод звенящий рокот
К ним долетали голоса,
И нарастали крики, топот,
Как будто близилась гроза.

Дрожа как лист, впиалась Майя
В нагую грудь его, как нож.
Дрожал и он, не сознавая,
Что не от страха эта дрожь...

Толпа нахлынула. “Здесь платье!”
“Смотрите, платье! Боже мой!”
Неслись и крики, и проклятья,
И горький плач, и жалкий вой.

“Убийцы! Кто самоубийцы —
Кто юной девушки палач?”
Взрывались крики: “Кровопийцы!
Отец и мать! К чему ваш плач?”

“О, люди! Если бы мы знали,
Что всё так кончится! Но мы —
Мы только счастья ей желали,
Нам блеск богатства сжёг умы.

Как мной была она любима!
И как любила её мать!
Но смерть, увы, непоправима...
И что теперь нам обещать!

Но появись она меж нами,
Клянусь бессмертною душой,
Клянусь бессмертными Богами —
Я б стал навек её слугой!

Клянусь, я каждое желанье
Её стремился б претворить.
Я б сделал всё...” Но тут рыданья
Отцу не дали говорить.

Тогда сказала мать, стеною:
“Но если б знали я и он,
Что всё так кончится, о Майя!
Твой выбор был бы наш закон!”

“О, ужас! — Майя прошептала. —
Моим бы мужем стал тот трус?!”
“Кто это?!. Что она сказала?!.
Здесь кто-то есть... Бежим! Боюсь!”

Толпа от страха разбежалась...
Упала мать. Один отец
Стоял, как камень, и казалось...
Но он очнулся наконец:

“О, дочь! О, Майя! Посмотрите!..
Она жива!!!” “Да, это так.
Я спас её. Благословите...
Благословите нас на брак!”

Но горе, радость — всё проходит,
Всё чередуется... И вот
На свадьбе чела, в хороводе
Собрался радостный народ.

И всё пошло, как песнь по нотам:
Безумье счастья первых дней
Сменилось ревностью к заботам
И воспитанию детей.

С тех пор, как ученик женился,
Он всё сильнее забывал
Всё, чем он жил, к чему стремился,
И чем горел, и чем дышал...

Жена рожала и полнела,
Вещами заполнялся дом.
Мошна с деньгами тяжелела
И пополнялась с каждым днём.

Цвели и радовали дети,
Вокруг детей плелись мечты...
Спросила: “Счастлив ты?” Ответил:
“Счастливей нет! Скажи, а ты?”

“Нет на земле меня счастливей!” —
Вздыхнула ласково жена,
А за окном цветами сливы
Пылала третья уж весна...

Отец гордился зятем новым
И часто брал с собой, когда
Путём гористым и суровым
Возил товары в города.

И вот однажды, возвращаясь,
Свершив немало добрых дел,
Внезапно чела крикнул: “Майя!”
Отец запнулся, побледнел.

Где прежде было их селенье —
Лежали угли да зола...
Здесь совершилось преступленье
И торжество большого зла.

Среди развалин, еле тлевших,
Раздался тихий, хриплый крик —
У трупов полубогоревших
Свалился замертво старик.

Рыдая, черепком от склянки
Рыл чела ямы для могил...
И обгоревшие останки
К губам и к сердцу подносил...

Потом в безумном исступленьи
Кричал: “Где вы?!” И ждал ответ...
Нет! Все мертвы. К чему сомненья?...
Конец всему. Любимых нет!

Настала ночь, и ветер колкий
Его свалил с усталых ног.
Вблизи завывали где-то волки...
Средь туч мелькнул кровавый рог.

Холодный ветер бил золою,
В кольцо сбегались огоньки
Зелёных волчьих глаз, и в вое
Злоеще лязгали клыки.

И чёрный ужас в душу чела
Змеёй холодной заползал...
“Конец всему! Достиг предела
Мой мозг. О Боже, я пропал!”

И морда страшная напротив
Разверзла яростную пасть!..
“Конец, — мелькнула мысль, — для плоти,
Но дух не может так пропасть!”

И в этот миг, во тьме, далеко
Вдруг засветился странный Лик,
Знакомый в дни, когда жестоко
С судьбою бился ученик.

И громкий крик рванул до неба
Зловещую, глухую ночь:
“Учитель! Ты?! Ты просишь хлеба?”
И, взвизгнув, волк умчался прочь!

И Лик, приблизившись, склонился,
Закрыв собою небосклон:
“Вставай, мой сын, тебе приснился,
Судя по крику, страшный сон”.

Вскочил с земли смущённый чела
И тут же радостно сказал:
“Так, значит, Майя не сгорела?!
Детей никто не убивал?!”

“О нет, мой сын, идя в селенье
И зная, будет трудным путь,
Ты, с моего благословенья,
Решил прилечь и отдохнуть”.

И улыбнулся: “Из Пралайи
Вернув Сознание своё,
Теперь ты знаешь силу майи
И слабость тайную её!

Спускаясь с гор, уча народы,
Пойдёшь ты свежим, молодым,
Благословив цветок Природы,
Ты не удержишься над ним!

Теперь ты знаешь корень боли
И корень счастья — выбирай:
Возьми свой меч свободной воли
И, с гор спустившись, побеждай!”

31.12.1960 г.

РАССКАЗ МАРИИ МАГДАЛИНЫ

Апокрифическая легенда

Огромный город выглядел усталым —
Он измерял свой возраст по векам.
Пылали зноем древние кварталы,
Где спали днём, а жили по ночам.

На их окраине была моя “обитель”,
Где фонари струили красный свет.
Я там жила, когда пришёл Учитель
В последний раз запечатлеть Завет.

На рынке рядом торговали кожей,
Ободранными трупами зверей.
В кварталах наших продавали тоже
Живые трупы с кожами людей.

Внаём позорный отдавая тело
И души вместе с телом заодно,
Здесь множество фонариков горело,
Здесь пили страсть, как скверное вино.

Да! Здесь мы торговали самым низким,
Но торг порою веселил и нас —
Здесь человек нам становился близким
Не навсегда, а только лишь на час.

И это даже радовало, реже
Я час хотела превратить бы в год
И в годы (может быть), но чаще скрежет
Зубов и ужас искривлял мой рот.

В “обитель” часто приходили гости —
Чудовища, уроды, старики.
И, навалившись, сдавливали кости,
Как грязные и смрадные тюки.

И вот однажды к нам пришёл мужчина,
Красив и статен, умное лицо.
Не так, как все, — какая-то причина
Его послала на моё крыльцо.

Не ради кубка пламенной отравы
Пришёл он к нам, не для ночных потех,
Он был философ, изучавший нравы,
Мы говорили с ним о Красоте.

Он новый мир открыл передо мною
И показал сияющую высь.
“Какое счастье быть его женою!” —
Пронзила сердце ласковая мысль.

Всю ночь, почти до самого рассвета
Он был со мной — и я была пьяна!
За много лет лишь только встреча эта
Вскружила голову без ласк и без вина!

Потом весь день я не спала, не тело,
Нет, что-то выше не давало спать.
Ждала я ночь, я так тогда хотела
Хотя б на миг увидеться опять.

Он не пришёл ни в эту ночь, ни в десять
Ночей других, и всё пошло как встарь.
Велела снова я на дверь повесить
На время снятый розовый фонарь.

Но с этих пор всё стало мне не мило,
Не радовало больше ничего...
Однажды как-то на дом я ходила
И, возвращаясь, встретила его.

К нему рванулась я неудержимо,
И вдруг улыбка съёжилась в оскал —
Не дрогнув, он прошёл спокойно мимо!
И сделал вид, как будто не узнал!

Я несколько мгновений не дышала,
Как будто в сердце бедное моё
Вонзил он лезвие огромного кинжала,
И боль пылала: “Он не узнаёт!”

Ушла в толпу знакомая одежда.
Была я просто не в своём уме!
И рухнула последняя надежда
На что-то светлое, последнее во тьме.

Стояла я как будто бы нагая,
В цепях позора принимая суд.
“Кто виноват, что, ночью обладая,
Встречаясь днём, они не узнают?”

Не злобными, но горькими слезами
Смочила я свой розовый платок.
“Кто виноват? Мы виноваты сами!
И он иначе поступить не мог!”

Но никогда я так не сознавала,
Как велико падение моё.
И это было грозное начало
Душевных бурь, преобразивших всё!

Мой мир, что он? Как на задворках лужа,
Где некого и нечего любить,
Где впереди лишь беспросветный ужас...
И встал вопрос: так для чего мне жить?

Я стала думать: вот живут же люди,
Одни довольны, потому живут.
Другие думают, что счастье будет,
Но в чём же счастье, если все умрут?!

Чего же ждать? Ведь можно не дожидаться.
Да и дожидаться — значит потерять.
К чему же мучиться, зачем сражаться,
Когда везде, на всём — одна печать!

Умрёт богатый так же, как и бедный,
И красота, и молодость пройдут.
Ход времени один лишь всепобедный
Нам говорит — живущие умрут!

Нет ничего вне власти разрушенья,
Мне жизнь без смысла больше не нужна!
И в тот же миг я приняла решение —
И яд вложила в кубок для вина.

Но в доме не было вина, и в лавку
Пошла я медленно вдоль улицы... Как вдруг
За поворотом увидела давку:
Толпу и множество больных вокруг.

Я сразу догадалась, в чём тут дело:
Пришел Пророк! О Нём уже давно
Так много говорили. Я хотела
Его увидеть — помогло вино.

Он был далёк, и долетали глухо
Обрывки слов Его последних фраз:
“Придите все, страдающие духом,
Придите все — Я успокою вас!”

И этого достаточно мне было —
В ЕГО СЛОВАХ, не позволявших пасть,
Была такая огненная сила,
Такая убедительная власть!

Потом Он встал и исцелил болящих,
Он дух стремил, как мощная река!

И я сказала: “Он из Настоящих,
Один из Тех, которых ждут века!”

Толпа меня оттиснула к ограде.
“Любуешься на чистенький кристалл?”
Я вздрогнула и оглянулась — сзади
Стоял философ, тот, что не узнал.

Толпа нас стиснула, но близость эта
От слов его мне стала лишь мерзка.
Когда-то он принёс мне искру света,
А сам на Солнце смотрит свысока.

“Не кажется ли, милая, что прежде
Всех исцелённых научил играть
Пророк за плату сходную в надежде
Через обман успех себе стяжать?”

Вид у Него довольно величавый...
Вот подойти, поговорить бы с Ним.
Что хочет Он: богатства или славы,
Занять престол или разрушить Рим?”

Сказала я: “Что ж, подойди, наверно,
Ответит Он!”. “Найдутся подлецы
И донесут! Быть на примете скверно!
К тому ж и знать осудит, и купцы.

К таким, как Он, приходят только тайно.
Да, странен этот для меня мудрец...
А все же власть Его необычайна
Над множеством бесхитростных сердец!”

Ушел философ, не простившись даже,
Исчез народ, избавленный от зол,
Сверкнули шлемы подходящей стражи.
Учитель встал и медленно пошел.

И я подумала: Он избегаем тоже!
К Нему приходят тайно по ночам,
А днем не узнают!.. Так что же,
Пойду к Нему и руку Ему дам!

Скажу при свете Солнца, при народе:
“Смотрите, вы соединили нас —
Высокое и низкое в природе
Встречаются при Солнце и при вас!”

Я надушила волосы и тело,
Достала самый лучший свой химат,
Из смиренн ожерелие надела,
Пошла к Нему, как в море, наугад.

Искала я недолго — у колонны
Сидел Он среди нищих рыбаков.
В простой холстине, строгий, устремленный,
Как голубь кроток и как лев суров.

То вся горя, то тут же холодея
От грозных чувств, бушующих в груди,
Я встала молча, подойти не смея
И ужасаясь, дрогнувши, пройти.

Нас улица всего лишь разделяла,
И шёл народ. Не поднимая глаз,
Прошло знакомых мимо нас немало,
Прошло немало, избегая нас.

Мгновенья эти жизнь мою решили:
С учеником, прощая, видно, всё,
Он мне послал щепоть дорожной пыли
В обмен на ожерелие моё.

“Из пыли, смолотой веками,
Могу создать Я огненный кристалл,
А из камней, сверкающих страстями,
Лишь только пыль”, — так Он сказал.

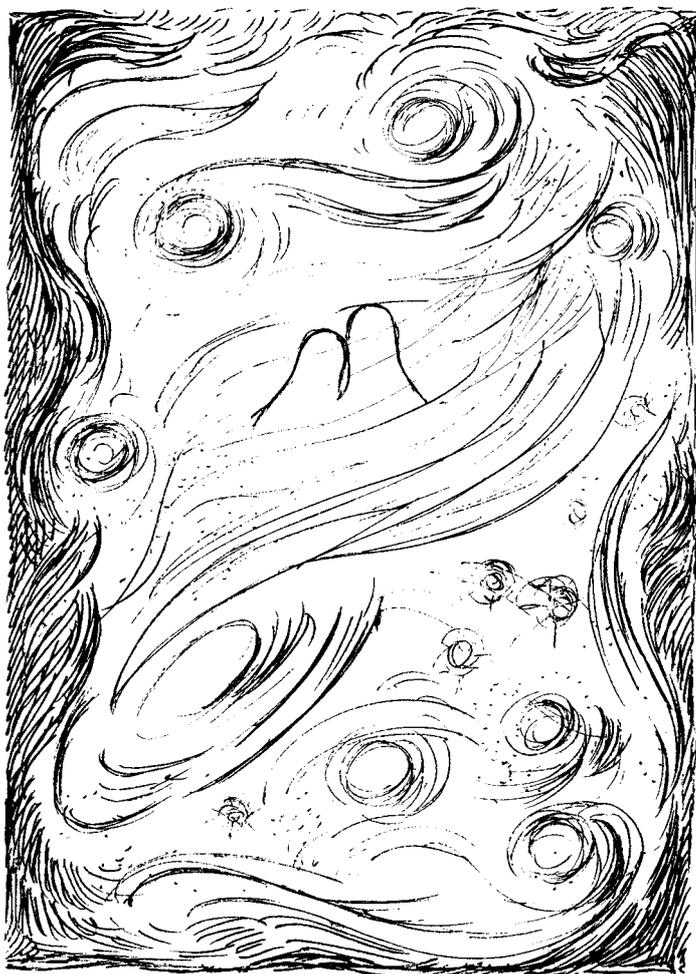
Он — времени полёт. Он — вечное движенье,
Я в Нём живу, и Он живёт во мне,
Он всех зовёт на крест преображенья,
На воскресение сожжённого в Огне!

Так я нежданно стала ученицей,
Отпала грязь, преобразилась гниль.
И мысль взметнулась огненной птицей,
И цепь позора разлетелась в пыль!

6.01.1961 г. Сочельник

РЕСЬ СЕРДЦА

Философская и гражданская лирика

РЕШЕНИЕ

Твой облик на бездне Небес
Светилом горит необорным.
Владыка, дойду ли к Тебе?
Пройду ли над пламенем чёрным?

Не знаю! Но лучше сгореть,
Чем знать и к Тебе не стремиться,
И может ли Солнцу не петъ
Свободная певчая птица!

1933 г.

БЕГЛЕЦ

Уходят к небу золотые волны,
Горят огнём песчаные холмы.
И ты идёшь, надеждой окрылённый,
Уйти от мира, от соблазнов тьмы.

Но ни любовь, ни ненависть не стынут —
Они все тут — лишь разомкни глаза.
И лишь сильней в безмолвии пустыни
Звучат беззвучно те же голоса.

Уже не раз ты умирал от жажды,
И львы рычали... Но, влюблённый в ложь,
Ты всё идёшь, чтобы понять однажды,
Что от себя — ни шагу не уйдёшь!

1933 г.

ВПЕРЁД

Много ли надо? Немного!
Посох, мешок сухарей,
И улыбнётся дорога
Синей улыбкой своей.

Кончится сырость колодца,
Свежесть, простор впереди...
Ах, как ликующе бьётся
Новое сердце в груди!

Там, где знамёна Востока
В небе вздымают восход,
Где-то далёко, далёко
Ждёт меня счастье. Вперёд!

1936 г.

СЕРОМУ

Как гончий пёс идёт по следу,
Так серый враг идёт за мной,
Но рано празднует победу
Его злорадствующий вой.

Как только он достигнет меры,
Я обернусь... И вот, светла,
Пойдёт к тебе ОДНА лишь, серый,
Неотразимая стрела!

1939 г.

РАСПЯТИЕ

Пылает мир самовлюблённый
Огнём страстей, но грозен рок.
Вздыбились тучи, как драконы,
И чертит молнии Восток.

И близок, близок час расплаты...
Но мир безумьем ослеплён,
И скорбен Лик Его распятый
На тяжком золоте икон.

Но крылья духа над тобою —
Ты будешь дерзок и, любя
Его, пойдёшь Его стезёю,
И, как и Он, распнёшь себя.

25.11.1940 г.

УДАРЫ

От ударов не станем печальней.
Губы сжав, мы отгоним печаль,
Пусть же молот о грудь наковальни
Закаляет духовную сталь.

И тогда кто стоит непреклонно,
Кто незыблем и твёрд, как гранит,
Тот увидит во мраке сгущённом,
Как горят от ударов огни.

Так под натиском бешеной своры
Мы всё ближе подходим к черте,
За которой бескрайни просторы,
И просторы ведут к Красоте.

Бей же, бей же, помощник наш ярый!
Сыпь удары на сердце, как град:
Мы ведь знаем, как ценны удары,
Мы ведь знаем, КУДА нас теснят!

1940 г.

ПРИДЁТ!

Не дремлет вездесущий
Творец преград и мук,
Но знает путь идущий
К Владыке своему.

Пусть лоб в рубинах крови,
Пусть душит дымный мрак —
Ничто не остановит
Его победный шаг.

Стоит преграда грозно,
Но путь один, вперёд!
И рано или поздно,
Но он к Нему придёт!

1940 г.

ЗАКЛЯТЬЕ

Пусть сокрушают земное
Молнии чёрных гроз,
Но не коснётся злое
Огненно-чистых роз!

1940 г.

ПЕСНЬ СЕРДЦА

Кто скажет Солнцу, чтоб не светило?
Кто против сердца поднимет плеть?
Да разве в мире найдётся сила,
Чтоб запретила бы сердцу петь?!

Так мчись же, песня, лети, как птица.
Лети всё выше, вперёд лети!
Промчись, как ветер, сквозь все границы,
Как свет, пролейся на все пути!

Низвергнись с кручи потоком горным,
Пронзи пространство, как звёздный луч!
Пылай, как факел, над миром чёрным,
Сверкай, как Солнце, в разрывах туч!

Зови к вершинам, зови к дерзаньям,
Зови на подвиг, на бой зови.
И затопи весь мир сияньем
Всепобеждающей ЛЮБВИ!

1940 г.

ПЕНИТЕЛИ ВОД

Рождённые жить на просторе
И вечно стремиться вперёд,
Выходят в открытое море
Пенители яростных вод.

Стихает напутствие чаек,
И ширится грудь парусов,
И смелая песня встречает
Рычание грозных валов.

“Пусть ветры восставшие мечут
Навстречу нам бешенство вод —
Вперёд! Ураганам навстречу,
Навстречу стихиям — вперёд!”

Поднявшись над силою плоти,
Они никогда не умрут.
И если их море поглотит,
То всё же они доплывут!

1940 г.

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ

Несокрушимым знаком постоянства,
Непобедимым знаменем в борьбе
Вне времени и вне границ пространства
Горит звезда, ведущая к Тебе.

И с каждым днём я ощущаю резче,
Что Ты — вся жизнь, что, лишь Тебя любя,
Тобой одной моя душа трепещет
И сердце бьётся только для Тебя.

Всё затопив, всё разливаясь шире,
Как цепь плотин прорвавшая река,
Растёт Любовь — единственная в мире,
Из тьмы веков летящая в века.

1940 г.

СЕВЕР

Север, стремящий сиянья
Веером стрел огневых, —
Слава вписавшим названья
В карту просторов твоих!

Там, где не знали равнины
След от обутой ноги,
Бились о синие льдины
Белые птицы пурги.

И, поднимаясь навстречу,
Пели вам злобно: “Куда?!
Сломают судьбу человечью
Крепости звонкого льда...”

Стойте, безумные! Вьюги
Вас погребут среди льдов,
Разве не ждут вас подруги
У золотых очагов?!”

Да... Только жгучие ветры
Видели, как среди мук
Шли вы, как малые метры
Рвали у смерти из рук.

Вас останавливал холод,
Ртуть превращающий в лёд,
Но, точно огненный молот,
Сердце гремело: “Вперёд!”

В ночь, когда вьюга лишь выла,
В чёрный провал, без пути —
Что за великая сила
Вас заставляла идти?!

Что вас из тихих селений
От очагов и подруг
Ринуло в бездну лишений,
В крик торжествующих вьюг?

Слава ли, золота ль кроха?
Нет, не за пыль суеты
Вы до последнего вдоха
Шли до последней черты.

Нет, не бывает случайна
Воля такая в Пути —
Это Великая Тайна
Вас заставляла идти.

К Тайне, к Сияньям идущий
Подвиг ваш, многих поверх,
Светит, как самый зовущий,
Самый влекущий пример!

Злоба — не та ли же стужа?
Тупость — не крепче ли льда?
Всё же идущим сквозь ужас
Не повернуть никогда!

Всем, полюбившим сиянья,
Всем, не смотрящим назад,
Крыльями были страданья,
Лестницей — льдины преград!

Север, стремящий зарницы,
Всем, устремлённым к тебе,
Вехами будут гробницы
Павших в священной борьбе!

1940 г.

ГОНЕЦ

Ведущий, спасительный факел
Утоплен в кровавом вине...
И снова зловещие знаки
Горят на дворцовой стене.

Но ядом хулы и неверий
Отравлены храмы сердец...
И грозно в закрытые двери
Стучится Последний Гонец.

В угаре нелепого пира
Не слышат безумцы Гонца,
Но кто-то для Нового Мира
Пойдёт послужить до конца!

Но кто-то во имя Завета
Поднимет свой пламенный щит
И знамя победного Света
На новом дворце утвердит!

РОДИНА

Чужа зодчества рок небывалый,
Из времён поднимался народ.
Поднимался, как новые скалы
На поверхность бушующих вод.

Но, идущий в пучины забвенья,
Старый мир не однажды хотел
Отобрать его знамя спасенья⁴,
Погубить его славный удел...

⁴ "Гибель России есть гибель мира". Е.И.Рерих.

Семь столетий их память хоронит,
Но мы помним, в котором году
Меченосцев разбитые брони
Загremели по алому льду.

Все мы помним, как в яростном визге,
Налетевши на грудь москвичей,
Раскололся в кровавые брызги
Грозный вал азиатских коней.

Помним день колокольного звона,
Когда радость звенела в сердцах,
Когда с древнего русского трона
Рухнул в бездну зарвавшийся лях.

Все мы помним, как баловень славы,
Утомившись от счёта побед,
Налетевший на камень Полтавы,
Опрокинулся раненый швед.

И ещё один гений незванный,
Под снегов отрезвляющий хруст
Шёл от нас со смертельной раной
Покоривший полмира француз.

И теперь мы увидим воочию,
Как дерзнувший ступить на Восток
Разлетится, разорванный в клочья,
Растоптавший Европу сапог!

Обожжённая огненной лавой,
Обагрённая кровью святой,
Ты пойдёшь, озарённая славой,
И народы пойдут за тобой!

22.06.1941 г.

БЕЗ РОДИНЫ

В тот грозный день к Парижу подползала
Лавина крови, стали и огня.
Мы встретились в толпе гудящего вокзала,
Мой друг — француз остановил меня.

Его глаза смотрели так тревожно,
Как слово “смерть” он произнёс: “На фронт”.
О, если было бы и мне возможно
Пойти на смерть за Родину, как он!

О, если б мог и я себе позволить
Принять венец за Родину в бою...
И я завидовал ему до боли,
Я, потерявший Родину свою...

11.08.1942 г.

ЛЮБОВЬ К ТЕБЕ

Любовь к Тебе ведёт меня
Всё выше, выше — на вершины.
Она стремительней огня,
Неудержимее лавины.

Но в дымной суете забот,
В чаду неистовом, в рутине
Она — покой глубоких вод,
Она — безмолвие пустыни.

Она зажжёт восторгом дух
И победит безумье плоти.
И я дойду к Тебе, дойду!
Хотя б весь мир поднялся против!

5.10.1942 г.

ЕДИНАЯ ЦЕЛЬ

Пусть битв уже было немало,
Пусть много побед за спиной,
Но это лишь только начало
Великой стези боевой.

И много, мучительно много
Ещё не испито до дна,
Но в жизни одна лишь дорога,
И цель в этой жизни одна:

За радость Любви без предела,
За светлую встречу вдали —
ПОБЕДА НАД СИЛАМИ ТЕЛА,
ПОБЕДА НАД ВЛАСТЬЮ ЗЕМЛИ!

1.06.1943 г.

САТУРН

Всё то, чем дышим и живём,
Всё то, что ныне сердце ранит,
Когда-нибудь ненужным станет:
Мы все когда-нибудь умрём!

Идёт Сатурн — суровый жнец,
Сверкает серп его устало.
И всё, имевшее НАЧАЛО,
Он обрекает на КОНЕЦ!

1955 г.

ВЕНЕРА

Уже не трогают ни золото, ни страсть,
Уже и слава, как удушье чада...
И всё, что может мне Хозяин⁵ дать,
Теперь уже мне ничего не надо!

А по утрам, предвосхитив восход,
Цветёт на небе Огненная Роза...
Я к Ней иду, Она меня зовёт,
И он меня остановить не сможет!

1955 г.

В ТАЙГЕ

Колонны кедров держат небосвод,
Здесь запах смол душистее, чем ладан,
Здесь тихий храм — здесь ничего не надо.
И так далёк тяжёлый мир забот.

1958 г.

ПУСТЬ ВСЁ СГОРИТ...

Пусть всё сгорит, чтобы опять из пепла,
Как феникс древний, возродиться вновь,
Чтобы пылала, ширилась и крепла
В ста ликах форм ЕДИНАЯ любовь!

⁵ Хозяин Земли — Люцифер.

ПРИКАЗ

(Огня, зажжённого в сердце)

Когда мы не спешим Туда,
Пусть нас погонит кнут,
Пусть нас преследуют всегда,
Пусть нас всегда клянут.

Пусть ярче факел клеветы
Нам освещает путь,
Единый путь Туда, где Ты, —
И некуда свернуть!

Пусть нам грозят со всех сторон,
Пусть стрелы бьются в щит,
Пусть каждый злобой окружён —
Путь кверху не закрыт.

И что нас может сбить с пути,
Что остановит нас?
Когда у каждого в груди
Пылает Твой приказ!

Легко ли, трудно ли, но мы
Должны идти всегда,
Как, пламенея в бездне тьмы,
Проносится звезда.

Пусть опадает прах одежд —
Горит приказ в груди,
Горит надежда всех надежд —
Приказ Твой нам — ДОЙТИ!

19.11.1960 г.

ОГОНЬ ПОЗАДИ

Уже весь мир объят пожаром,
Уже весь мир горит в огне.
И каждый миг, пропавший даром,
Сравнится с жизнью по цене!

Огонь спешит, и нет спасенья!
Открыт вперёд лишь путь один —
Не упуская ни мгновенья,
Идти к сиянию ВЕРШИН!

Идти вперёд и гнать усталость,
Упавши, встать и вновь идти,
Идти, во что бы то ни стало:
ОГОНЬ И ГИБЕЛЬ ПОЗАДИ!

23.11.1960 г.

В СОБОРЕ

После сделки, прошедшей счастливо:
“О Тебе не забыл я, зажѣг
Трёхрублёвую свечку. Спасибо,
Что наградить мне, Боже, помог”.

Нет свечи его толще, дороже —
Значит, святость его велика!
И не знает всевидящий Боже,
Что свеча та из слез бедняка.

Что же в благости, даже соборной,
“Не обманешь и здесь не продашь”.
Пусть Лицо неподвижное скорбно,
Но довольным уходит торгаш.

И пылает свеча перед Ликом,
Свечка подлости ярко горит,
И молчит пригвождённый Владыка,
Золотыми гвоздями прибит.

Если ж скажет, купец не услышит,
А услышавши, разве поймёт,
Что зовёт Он стать каждого выше,
Что Он всех устремляет вперёд!

1.12.1960 г.

ОПЛОТ ВЕРНОСТИ

“Служитель правды сокровенной, —
Спросил раз царь, увидев знать, —
Как различить гнездо измены?
И верности оплот узнать?”

“Вот, посмотри, — мудрец ответил, —
Ты видишь сборище вельмож
В одежде праздничной — вот эти
Хранят за пазухою нож.

А вот идёт один. Сомнений
Не знает он, как и забот,
Что одиночеству изменит?
В нём будет верности оплот!”

С тех пор всеильный повелитель,
Усвоив верности урок,
Что преподавал ему Учитель,
Стал, как и путник, одинок.

5.12.1960 г.

ВЕЧНАЯ БИТВА

Сраженье сменяет сраженье,
Неведомо слово "покой".
И это лишь только крещенье
Из боя идущего в бой.

Ни отдых, ни мир невозможны,
Когда наше сердце горит.
И меч не спускается в ножны,
И вечно в готовности щит.

И нет лучшей участи в мире!
И крылья вздымает восторг.
Всё выше, всё выше и шире
Вокруг безграничный простор.

И если в нём вечны сраженья
И нет завершённых побед,
То нет и венца пораженья —
В борьбе разгорается Свет!

5.12.1960 г.

СТРАНА ДЕРЗАНИЙ

Огромной радугой в туман тысячелетий
Пролёт твой путь из глубины времён.
Тебе, Великой, тесно на планете,
Средь лунных гор твой вымпел водружён!

Россия, Родина, Страна Дерзаний,
Из курных изб, из мрачных рудников
Выходишь ты, разламывая грани
Одной планеты, на простор миров.

Идя вперёд в железном постоянстве,
Творя ракеты, быстрые, как свет,
В конце концов ты учредишь в пространстве
Коммунистический союз планет.

Нас не сдержать, не пробуйте, напрасно!
Мы не отступим, знайте, никогда!
Пока не станет жизнь везде прекрасной —
Не станет красной каждая звезда!

12.12.1960 г.

ПОДВИГ

Принять огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей —
Пройти через толпу чудовищ,
Между гирлянд шипящих змей.

Когда любое проявленье
Им недоступной доброты
Невежды сделают мишенью
Для самой злобной клеветы.

Когда коварный и преступный,
Святым себя считая сам,
Как тень при свете, неотступный,
Враг устремится по пятам.

Когда пригретый лаской нежной,
От бед спасённый столько раз,
Придёт предатель неизбежный
Продать неожиданно, в грозный час.

Скажу я: “Нет таких чудовищ,
Чтоб запретить душе моей
Принять огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей!”

13.12.1960 г.

СМЕРТЬ

К чему все вздохи сожалений,
К чему стенания и плач?
Умрёт глупец, умрёт и гений,
Умрёт и жертва, и палач!

И ты умрёшь, как триллионы
Ушли, уходят и уйдут,
И даже сонмы нерождённых
И то когда-нибудь умрут.

К чему же слезы и проклятья,
К чему все клятвы “не забыть” ...
Мы ж рады сношенное платье
На платье новое сменить?!

Да, грусть разлуки мне знакома,
И жаль несбывшихся надежд,
Но всё же смерть — лишь смена дома,
Лишь смена сношенных одежд.

Она — начало, обновленье,
Полёт к несбыточной мечте!
Непобедимое движенье
К недостижимой Красоте!

18.12.1960 г.

ЛЕГЕНДА

Двенадцать молчали, молчал и Учитель.
Вдали голубел Назарет.
И был нестерпимым, как ярый мучитель,
Сияющий солнечный свет.

Едва волочились усталые ноги,
Коробились линии губ.
Шли молча, пока у извива дороги
Не встретили скрюченный труп.

И тотчас взметнулись за фразою фраза:
“Какой отвратительный вид!”
“Какое зловонье!” “Какая зараза!”
“Как страшны пустоты орбит!”

“В какую гримасу распалися губы!”
“Как страшен ввалившийся нос!”
“Какие красивые белые зубы!” —
Сказал, улыбнувшись, Христос.

20.12.1960 г.

ВПЕРЁД И ВЫШЕ

Всегда вперёд! Вперёд и выше!
Возьми и так неси свой крест.
Пусть только этим смыслом дышит
Твой каждый вздох и каждый жест.

И если сеятель сомнений
Тебе шепнёт: “Остановись!” —
Умножь ещё своё стремленье:
“Всегда вперёд и только ввысь!”

И каждый груз, давя на тело,
Лишь выше поднимает дух,
И нет конца и нет предела
Того, к чему я так иду!

21.12.1960 г.

СЧАСТЬЕ

Огромный храм манил в прохладе тени,
Пылали камни, жар был так велик.
Учитель сел устало на ступени,
И опустился рядом ученик.

Молчали долго, каждый что-то думал,
А мимо шли прохожие, и вдруг
Спросил Учитель: “В чём причина шума?
Куда спешат идущие вокруг?”

“Не знаю, Гуру, — ученик ответил, —
Но погадать, пожалуй, я готов:
Вот этот согбенный, несущий сети,
Быть может, к берегу спешит на лов.

А этот франт, быть может, на свиданье.
К ребёнку мчится молодая мать...”
“Людей ведёт или боязнь страданья,
Или желанье счастье испытать.

И как различно это счастье! Часто
Для одного на нём сошёлся свет,
А для другого это лишь несчастье,
И часто говорят, что счастья вовсе нет.

А счастье есть, как Солнце есть, но люди
Так часто Солнца отражённый лик

За Солнце принимают на посуде,
На лужах грязных, на концах у пик.

Зарывшись в землю, глаз не поднимая,
Бредут, как свиньи, люди наугад,
А наверху Источник Сил сверкает!
Но вверх никто не поднимает взгляд...”

22.12.1960 г.

НА СМЕРТЬ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

Примчалась весть — и дрогнули народы.
(А всем казалось, что готовы к ней!)
Погиб герой, пал мученик свободы
От грязных рук кровавых палачей.

Гремит история бесстрастным приговором,
Чего достигли палачи, чего?
Покрыв себя неслыханным позором,
Они бессмертным сделали его!

Настанет час, волною возмущенья
Народы Африки сметут проклятый гнёт.
“Лумумба” — станет символом отмщенья,
И этот час уже сегодня бьёт.

Придёт пора — и над его страной,
Бросая тень на чёрный континент,
Поднимет время памятник герою
Из мрамора сияющих легенд.

15.02.1961 г.

ПАДШИЙ

Он мог быть Богом,
Этот жалкий черт,
Который был
Таким, как ты сегодня.
Он не достиг
Снегов великих гор —
И оборвался
В бездну преисподни.

23.03.1963 г.

В ЭТОТ ВЕЧЕР...

В этот вечер больному в притоне
Он последние деньги отнёс.
И тогда, говорят, на иконе
Улыбнулся распятый Христос...

ТЕБЕДЪ НА СМЕУ БОДЕ

Ипука

МОЙ АЛЬБОМ

Всё пройдёт! За весной и лето,
Незаметно зима подойдёт.
Где я буду? Неважно, но где-то
Я вдруг вспомню о том, что пройдёт.

Я вдруг вспомню о юности бурной
И, достав заплённый альбом,
Возвращусь из пустыни Сатурна
В сад весенний, в свой утренний дом.

И повеет от снимков прохладой,
Горным воздухом, запахом хвой.
И деревья зелёной громадой
Зашумят, как тогда, надо мной.

Зашумят, затоскуют, как прежде,
Как любил я их вкрадчивый шум.
Точно кто-то шепнул о надежде,
О свершеньи несбыточных дум.

Или же о легенде, гремящей
Сталью лат, освещённых огнём,
О тайге, уже мне не шумящей,
Мне расскажет мой старый альбом.

Профиль тонкий, как фризия, нежный
Мне напомнит о ласковом дне,
О любви моей первой, безбрежной,
О моей отзвучавшей весне.

И откроется снова страница,
И с неё из промчавшихся дней

Улыбнутся забытые лица
Моих первых весенних друзей.

Как зелёная листьев стихия,
Обгоревши в мечтах голубых,
Разлетимся мы, бледно-сухие,
По ветрам неизвестной судьбы.

1932 г.

КТО ЖЕ ЗНАЛ?

Всё, что сердце желало, в тот вечер
Я устами прочёл на устах.
И любовь налетела, как ветер,
Облетевший цветы на полях.

И тогда небывалая нежность,
Подхватив сумасшедшей волной,
Понесла наши души в безбрежность,
И сказал я: "Любимая, твой!"

И ответ прозвучал, точно звоны,
Точно звоны серебряных струй:
"Я твоя!" И уже раскалённый
Наши губы обжёт поцелуй.

И тогда показалось — отныне
Ты моя до последней черты:
А вверху на полях тёмно-синих
Расцвели золотые цветы...

Кто же знал, что судьба так жестока,
Что в цветах этих молнии гроз!
Что ты станешь далёкой, далёкой —
Дальше самой далёкой из звёзд.

Кто же знал, что кольцом незнакомца
Осквернится родная рука,
Что лишь сердце, горящее в солнцах,
Пламенеет над бездной века!

1932 г.

ИТОГ

Не легко мне так жить, сознавая
С пробуждением каждого дня,
Что ты, лживая, чёрствая, злая, —
Никогда не любила меня.

Но ещё тяжелее поверить,
С облаков к этой правде сойти,
Что мы встретились просто, как звери,
На исхоженном древнем пути.

Но спасибо, что Ты потушила
Грозный бунт, закипавший в крови, —
Что мечтать Ты меня научила
О другой — Настоящей Любви!

1933 г.

ЛЮБИМОЙ

За один только взгляд, родная,
Всё отдать, всё принять я рад:
Пожелайте — дойду до рая,
Прикажите — отправлюсь в ад!

Рыцарь верный, в броне из стали,
Я огнём ваших глаз зажгусь,

И куда бы вы ни послали —
Я победы везде добьюсь...

Если ж я не вернусь из ада —
Пусть умрёт на груди у вас
Самый нежный цветок из сада,
Где мы встретились в первый раз.

1933 г.

ЗЕЛЁНЫМ ГЛАЗАМ

В её глазах зелёных
Таится страшный яд...
О, как они бездонны!
О, как они пьянят!

В них нежный голос бездны
Так ласково зовёт,
Но воля — танк железный —
Гремит: “Вперёд, вперёд!”

И землю содрогая,
Давя вокруг цветы,
Идёт броня стальная
На приступ высоты.

Трепещет прах влюблённый,
Но дух чеканит шаг.
Прощай, дурман зелёный,
Прощай, мой нежный враг!

1938 г.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Я сегодня отравлен, мне трудно
Овладеть ядовитой тоской:
Я сегодня на улице людной
Повстречался случайно с тобой...

Он — весёлый, уверенный, грубый —
Не заметил пролившийся яд,
Но я видел, как дрогнули губы,
Как метнулся твой огненный взгляд.

И когда он придёт со свиданья,
Не поймёт (как тебя не ревнуй),
Отчего в эту ночь при прощаньи
Был так холоден твой поцелуй!

1938 г.

НА ЯХТЕ

*Лейтмотив первой части
“Неоконченной симфонии” Шуберта*

Мчимся. Драконы туч
Летят навстречу — бой наш близок!
С гребней хрустальных круч
Нас осыпает жемчуг брызг.

Парус — крыло мечты!
Напряжены, как струны, снасти,
Тесно прижалась ты,
Глаза твои поют о счастье...

Юность, ты хороша!
Ты, точно ветер, устремлённа,
Буря — твоя душа.
И пена волн — твои знамёна!

Так бы лететь вперёд
Всю жизнь, забыв, что в бессильи
Рухнут в пучину вод
Твои сверкающие крылья!

1940 г.

ДВА ПОЕЗДА

Ты уезжаешь завтра. Солнце встанет,
И на вокзале соберётся люд.
Ты уезжаешь завтра. Как в тумане,
Гремя, вагоны предо мной пройдут.

Свисток... проклятый уходящий поезд
Умчит тебя в лазуревую даль...
Широкой шляпой я прикроюсь —
Скрыть слезы, замаскировать печаль.

Жить — это ждать. Ждать терпеливо, молча
Неделю, месяц, каждый день как год!
О, сердце жадное! О, сердце волчье!
В нём никогда надежда не умрёт...

Что будет день, день жизни настоящей,
Рай на земле — осуществлённый сон:
И поезд милый, поезд приходящий
Стальной походкой содрогнёт перрон!

1940 г.

ЧТО Я ДЛЯ ВАС...

Что я для Вас? Минутная забава,
Приворожённая магнитом глаз.
Какое я на Вас имею право
И что могу я требовать от Вас?!

Ни нежных слов, ни ласк, ни поцелуя,
Ни взгляда, сорванного на бегу.
Всё ясно мне... И все-таки люблю я
И не любить Вас просто не могу.

1940 г.

ОТПЛЫТИЕ

Приказ пришёл — и вспыхнула печаль:
Разрыв с тобой теперь стал неизбежен...
А вечер синий, чистый, как хрусталь,
Был так задумчив, так прозрачно-нежен.

И вся душа, наперекор судьбе,
К тебе рванулась в пламенном стремлении,
Мне захотелось броситься к тебе,
Обнять, склонившись, детские колени.

Но подвиг звал! И зная, что люблю,
Что я любим, что счастье рвётся в руки,
Я дал приказ — отчалить кораблю
И образ твой предать пожару муки.

И ты не знаешь даже, почему
Я променял твой берег на безбрежность...
Чтоб не отдать теперь уж никому
Одной тебе накопленную нежность.

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ

Опять звенят встревоженные нервы,
Смотрю опять, не отрывая глаз...
В который раз! И всё-таки как в первый,
Как в первый раз опять смотрю на вас.

Как взорванной звезды на небе тёмно-синем
Ещё века потом горит погасший свет —
Вы улыбаетесь на блекнувшей картине
Улыбкой той, которой больше НЕТ!

Всё кончено! Сверкнула и взорвалась
Звезда любви, не одолев судьбы,
Но на холсте, пусть блекнущем, осталась
Улыбка глаз бессмертно-голубых!

1941 г.

НОЧЬЮ

Перед ликом холодной
Осенней луны
Дремлет мир в безмятежном покое.

Ты мне шепчешь: “Люблю”,
А глаза холодны,
А глаза говорят мне другое.

И так ясно, что время
Весенних тревог
Не вернёт никакое искусство.

Только раз расцветает
Волшебный цветок
Настоящего — первого чувства.

1942 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Мы вновь прошли с тобой по тем аллеям сада,
Где всё ещё хранит воспоминаний след,
Чтоб в шорохе сухом, в шептаньи листопада
Услышать отзвук чувств, которых больше нет.

Слетали листья к нам поблѣкшие, сухие.
В последнем вздохе их торжествовала смерть.
Мы тихо шли по ним, как будто бы чужие,
Как будто вальс любви нас не сплетал, как смерч!

Как будто никогда в тѣмно-зелѣном шуме
Не пели нам они о счастье столько раз!
Как будто бы огнѣм неслыханных безумий
Нас никогда не жгла безудержная страсть!

И шорохом листвы торжественно и глухо
Из глубины веков шептал Экклезиаст:
“Всѣ суета сует и лишь томленье духа!”
И больше ничего не связывало нас...

Июль, одиннадцатого, вечер,
Суббота, год сорок второй,
Последний день последней встречи,
Такой неожиданно-роковой!

ОПАВШАЯ ЛИСТВА

Конец любви: она — жена другого!
И всё, что было, — только сон во сне...
Иду в аллеях сада золотого,
Прощаюсь с той, которой больше нет!

И больно мне... Когда, вскипая пеной,
Цветов весенних хлынула волна
Такой огромной нежности! Изменой
Могла ли нам тогда грозить весна?!

Но ты сама — ты! Обессмертить клятвой
Хотела взрыв безудержных тех чувств!
Зачем тогда был так прекрасен взгляд твой?!
И так правдиво трепетанье уст?!

Ты, может быть, теперь довольна мужем
И любящая (может быть) жена,
Я клятву верности хранил — к чему же
Теперь она, кому она нужна?..

Холодный ветер мчится по аллеям,
Пролётных стай несутся голоса,
И в золотых разрывах голубеют
Бездонной тверди мудрые глаза...

Конец любви! Она — жена другого...
О, проза клятв! О, мёртвые слова!
И шелестит о суете земного
В ногах моих опавшая листва...

1942 г.

ТАК ПРОСТО И ЯСНО

Так просто и ясно: когда расставались, любила,
И долго ждала ты, и так тосковала порой...
Но боль притупилась, ты даже немного забыла...
А после случайно тебе повстречался другой.

Разлука, как ветер. Разлука — непрочное пламя.
Затушит и дым разнесёт, не оставив следа.
Она же раздует в пожар, пожирающий память.
И этот огонь не затушит никто, никогда...

Так просто и ясно: мне кажется, я улыбался,
И было спокойным пожатье разорванных рук.
И только лишь в сердце огонь бушевал и метался,
Как раненый зверь, обезумев от огненных мук.

А солнце смеялось! А солнце как будто нарочно
На розовых вишнях весенним восторгом цвело!
И было так ясно, что всё в этом мире непрочное.
Так ясно и просто и всё-таки так тяжело!

1942 г.

АЛЬБОМ

Любила, была ты любима и всё же
Ушла от меня далеко, далеко...
Альбом, заплётённый, в истрёпанной коже,
Открыть его снова не так-то легко!

В нём память о том, что вернуть невозможно,
В нём память о том, что когда-то давно
Заставило биться тревожно, тревожно
Два сердца — два пламени, слитых в одно!

1942 г.

РОМАНС

Пусть этот конец — неизбежность,
Пусть этот разрыв — навсегда!
Но Вас, воплощённую нежность,
Мне Вас не забыть НИКОГДА!

В зловещем, приглашенном свете
Великих и грозных времён
Вы сердца коснулись, как ветер,
Навевший ласковый сон.

И пусть как пожар, пламенея,
Над нами промчались года.
Тот сон никогда не развеять.
Мне Вас не забыть НИКОГДА!

СНИМОК

Когда я смотрю на поблекнувший снимок —
Из дали двенадцати лет,
Вы, точно живая, проходите мимо
И, кажется, времени нет!

И, кажется, снова идёте вы рядом,
В аллеях плывёт тишина,
И осени грустной, в пурге листопада,
Звенит золотая струна.

Звенит о любви, о разлуке, о смерти,
О том, что “И это пройдёт!”
Я помню, тогда вы сказали:
“Поверьте, как всё, ваше чувство умрёт!”

Услышать тогда это было так странно,
И голос звучал точно бред...
Но грозные годы прошли ураганом...
И нет вас, и чувств этих нет!

И всё — только память, и всё так на свете...
И всё же от снимка порой
Исходит вдруг свежесть — как утренний ветер,
В мой жаркий, полуденный зной.

16.06.43 г.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Я снова здесь, где свет струится лунный
На старых троп заученный извив,
Где быстрых вод серебряные струны
Звонят о прошлом, о большой любви.

Я там иду, где ты не раз ступала.
И каждый знак ушедшего ловлю:
Когда-то здесь, у этого причала,
Услышал я ответное: “Люблю”.

И здесь, в ветвях зеленокудрой ивы,
Что спит, склонившись, под журчанье струй,
Я в первый раз сорвал с тех губ стыдливых,
Как розу алую, твой первый поцелуй.

И вот обрыв... (как струи грустно шепчут),
В лучах последних он был так красив!
В лучах последних ты мне шла навстречу,
Как нимфа белая, среди зелёных ив.

Вот здесь ты подошла... Ты подошла проститься!
(О, как был тяжёк твой упавший взгляд!..)
И в книге встреч последнюю страницу
Любви весенней дописал закат.

И смыла ночь огонь весенней краски
Холодным звоном пролетевших струй...
Но на губах, испивших столько ласки,
Ещё горит тот — первый поцелуй!

РАСПЛАТА

Торжественно, как венценосный гений,
Исполнив мудрый, всеблагий закон,
В червонной тоге, покидая трон,
Сходило Солнце с голубых ступеней.

И к Солнцу, вдаль, натягивая снасти,
Пошёл корабль по зыби золотой...
День умирал — и умирало счастье:
Он уплывал, любимая, с тобой.

Алел, сверкая, пламеневший запад,
В руках твоих ещё цвели цветы,
Ещё пьянил их (тот знакомый) запах,
И в нём ещё, ещё дышала ты!

Но сердце знало, знало — без возврата
Ты шла в закат, в кроваво-красный дым...
Так вот она — нежданная расплата:
Жить без тебя и быть всегда твоим!

НА РЕКЕ

Мчатся струи спокойно и плавно,
Золотится песчаное дно...
О, как всё это было недавно!
О, как всё это было давно!

Ни любовь, ни мольба, ни проклятье
Не вернули б нам счастье назад...
Силуэт твой темнел на закате
И по берегу шёл на закат...

А навстречу шла тень незнакомца
И слилась, вдруг столкнувшись, с тобой,
И разбилось огромное солнце,
Отражённое там, за кормой.

Точно кровь за кормой клокотала,
Красной пеной вскипала вода...
Навсегда? Что-то дрогнуло, сжалось —
Затуманило мозг... Навсегда...

Мчатся струи спокойно и плавно,
Золотится песчаное дно...
О, как всё это было недавно!
О, как всё это было давно!

В РОЩАХ

О прошлом шепчет в этом грустном месте
Червонных листьев шелестящий звук...
Когда-то здесь мы разделили вместе
Так много радости... Так много мук!

В тенистых рощах, как огонь мятежный,
Как ветер южный, пронеслась любовь...
И в шуме листьев оживает нежный,
Твой нежный голос оживает вновь...

“Прощай, любимый!..” Нарастает грозно
Водоворот обиды и любви,
А сердце шепчет, что ещё не поздно!
Она уйдёт! Скорей! Останови!

И чёрным ветром в грозном стремлении
Порыв к тебе взметнулся, закружил,
Он звал тогда остановить мгновенье,
Но кто ж когда его остановил?!

И вот — всё в прошлом. С каждым годом реже
Мой шаг тревожит тишину аллей,
Но образ девушки, такой весенне-свежей,
Всё так же чётко в шуме тополей!

ПОРТРЕТ

Как дрогнули руки,
Как память взметнулась:
Другая?.. Нет! — тот же портрет.

С альбома чужого
Ты мне улыбнулась
Из дали промчавшихся лет.

И вспомнил я... вспомнил
С такою отрадой
Дыхание свежих борозд,

И воздух весенний,
Объятый прохладой,
И россыпи золота звёзд.

И в синюю ночь
Уходящий без края
Простор бесконечных полей...

Я вспомнил, как в звёздах
Летела, сгорая,
Призывная песнь журавлей.

И шёпот отрывистый,
Слёзы печали,
И взгляд, обожжённый тоской...

Я вспомнил тебя!
В эту ночь мы прощались
Над древнею русской рекой.

А где-то вдали
Грохотали вагоны,
А где-то, один за другим,

На запад пылающий
Шли эшелоны,
Закутавшись в призрачный дым.

Суровые дни
Небывалой разрухи
Не вырвали памяти — нет!

Я вспомнил, как дрогнули
Бледные руки,
Как ты протянула портрет.

И образ любимый,
Тоской обрамлённый,
В дыму затерялся тогда...

О, как было тяжко
Расстаться влюблённым
В весеннюю ночь, навсегда!

И хлынули годы
Потоками крови,
И нас разметало грозой...

Хозяин поднял
Удивлённые брови:
“Вы разве знакомы с женой?!”

Упала на скалы
Подбитая птица,
Померк золотой небосклон...

Ей больше уже
Никогда не приснится
Заоблачно-солнечный сон.

ВСТРЕЧА

Как мог я думать, что другая
Тебя заменит! Не любя,
Как мог я жить! Тебя не зная,
Как мог бороться без Тебя!

Ища твой голос в море речи,
Знакомый свет во всех глазах,
Я знал — вся жизнь преддверье встречи
С тобой — единственной в веках.

И ты пришла! Ты не забыла!
Из тьмы веков ты вновь пришла!
И сердце снова мне пронзила
Любовь — звенящая стрела!

1944 г.

СЕМИДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ

Тяжелый крест стоит неотвратимо!
Семидесятый день без ласки, без огня.
Семидесятый день я без моей любимой,
Которая, как Солнце, для меня.

Пусть далеко теперь невидимое солнце,
Пусть ночь теперь особенно темна,
Пусть смотрит мрак в разбитое оконце —
Всё чепуха — дождалась бы она!

О тучи грозные непрошенных сомнений,
Как тяжкий газ, мешающий вздохнуть...
А вдруг она распятому изменит
И нож воткнёт в измученную грудь?!

Холодный ветер рвётся через щели
И тихим воем разрывает тишь...
О ветер, ветер! Может, ты к постели
С приветом к спящей, ветер, долетишь?!

Ты спишь сейчас вдали от чёрных ветров,
Тебе не снятся даже и во сне
Те тысячи ужасных километров
И крест железный на моём окне!

12.11.1945 г.

В ДЕСЯТЫЙ РАЗ

Опять, дохнув черёмухой с реки,
В десятый раз весна проходит мимо!
И опадают грустно лепестки
С цветов, цветущих для моей любимой.

Но что с того, что десять лет во тьме?..
Что нет вестей, нет писем, нет привета,
Что я погибну, может быть, в тюрьме,
И крик предсмертный не примчит ответа.

Нам все равно от встречи не уйти,
Мы скованы нетленными цепями.
Пусть в этой жизни разошлись пути,
Но сколько новых жизней перед нами!

Что нам десяток раненых годов —
Наш путь пролёт поверх земных страданий.
Пусть опадают лепестки цветов
И устилают лестницу к Нирване!

20.05.1955 г.

ПОБЕДА

Летели дни, а годы тихо шли...
Стихала боль, но временами даты
Будили память и так больно жгли
Огнём такой чудовищной утраты.

О, пламя глаз, о, нежное тепло,
О, сердца с сердцем слитое биенье...
Какое счастье мимо нас прошло
И рухнуло в чудовищном крушении!

“Пропаавшему без вести” никогда
Никто не скажет о судьбе любимой!
И в неизвестности брели года,
И вёсны (вёсны!) проходили мимо.

Так десять лет прошло, как сто веков.
И вот однажды в маленьком конверте
Пришло письмо, как тысяча громов!
Как воскресенье, поражение смерти!

И ночь без сна — и день за ней в бреду:
Я радостью невыразимой болен!
Звонит торжественно, священно: “Жду”,
Как перезвоны миллионов колоколен.

Скрепляет время множество знамён,
Капитулирует огромное пространство.
И я опять, как юноша, влюблён —
В увенчанную лавром постоянства.

1955 г.

СТИХИ О ТЕБЕ

Не нужен мне прибой рукоплесканий,
Я чувств своих не вынесу к толпе.
Стихи мои — кристалл воспоминаний,
Запечатлевший правду о тебе.

Как древний маг (он ближе всех поэту),
В полночный час, в тиши, наедине
Я воскрешаю канувшее в лету
И вновь живу в разбуженном огне.

Трепещут вновь угаснувшие чувства,
И вновь я вижу наяву тот сон,
Который магией священного искусства
В стихах моих навек запечатлен.

Ни временем, ни муками не выжечь
Их тонкой грусти ароматный яд —
Виденья прошлого — они нисходят свыше,
Цветут, благоухают и звучат.

Я их торжественность кощунством не нарушу,
Не брошу боль невыразимых мук
И радости, испепелившей душу,
На растерзанье плескающих рук!

1956 г.

У ПОДНОЖИЯ ЕЛИ

На смерть маленького друга

Там, где травы душистые пели,
Мчится пламя серебряных вьюг.
У подножья рыдающей ели
Кончен путь твой, мой маленький друг.

Так недавно ты радостно мчался
Здесь, по травам, во всю свою прыть!
Запах смол и черёмух мешался
И пьянил нас желанием жить.

И мы мчались, смеялись и пели,
И казалось — ТАК БУДЕТ ВСЕГДА!..
Так казалось... А ныне метели
Заметают твой след навсегда...

Точно крест распростёртые, взреяв,
Снова падают ветви к корням...
Спи спокойно — любовь обогреет
Твоё верное сердце и ТАМ!

18.11.1958 г.

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ

Пылают листья золотым огнём.
В их шелесте предсмертное усилье...
А мы с тобой ещё чего-то ждём,
Ещё к чему-то простираем крылья.

И нам, быть может, как и им, пора
На отдых грустный?.. Нет! Раз сердце бьётся,
Мы будем крылья к солнцу простирать!
Творить, и петь, и строить, и бороться!

Пусть похоронно плачет листьев медь,
Пусть ветер рвёт их и жестоко вертит —
Мы телом тоже можем постареть,
Но дух не знает ни морщин, ни смерти!

Как хорошо быть молодым всегда,
Всегда лететь, не опуская крылья!
И не считать ни жизни, ни года,
Чтоб никогда не сдаться в плен бессилья!

12.10.1960 г.

УСТРЕМЛЕНИЕ

Мой милый друг, товарищ нежный,
Любви стремительный порыв
Пусть разожжёт огонь мятежный,
Всю жизнь в стремленье превратив!

Пусть будем мы всегда в движении,
Всегда любить, всегда сверкать!
Всегда стремиться в наступленье —
И никогда не отступать!

Всегда пылать, всегда стремиться
Вперёд, в просторы, в высоту!
Чтоб даже умереть, как птицы,
Простёрши крылья на лету!

1960 г.

УТЕШЕНИЕ

Громы затихли, погасли зарницы,
Радуга встала мостом.
В небо взметнулись весёлые птицы,
Снова мы к Солнцу идём!

Радуйся, радуйся! Светлые дали
Не застилает гроза...
Что же я вижу — полна ты печали
И на ресницах слеза...

Да, ты скорбишь, оглянувшись на беды...
Милый мой спутник, поверь —
Не было, нет и не будет победы
Без неизбежных потерь.

1960 г.

ЛЕБЕДЬ НА СИНЕЙ ВОДЕ

Как хороша безмятежность
Сонной воды в камышах.
И бесконечная нежность
В синих, как небо, глазах...

Здесь — в опрокинутом небе —
Плыть бы с тобою весь век...
Вдруг на пути нашем лебедь
Сказочный, белый, как снег.

Как он красиво стремится,
Крылья над пеной подняв!
Грёза любви, а не птица
Взвилась над зеленью трав.

Белым веслом разгребая
Синие волны небес,
Лебедь запел, улетаю,
И, затерявшись, исчез...

Было, прошло... и безбрежность
Льнёт к одинокой ладье...
О, улетевшая нежность —
Лебедь на синей воде!

1967 г.

ВОТ Я УМРУ...

Вот я умру, как умер он когда-то.
Как ты... Как все рождённые когда-нибудь умрут...
И станет легче сна всё, чем была богата
И чем была бедна жизнь призрачных минут.

Но в мегафоне многих поколений,
Как гром растущий, имя зазвучит
Того, кто чашу, полную свершений,
Пронёс над бездной бережно, как щит.

ЧТО ГОД ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ...

Что год грядущий нам готовит?
Победу? Смерть? Такой же бой?
Ты знай — поверх любых условий
Любимый твой всегда с тобой!

Подняв свою любовь к вершине,
Как непреклонный монолит,
Он не предаст своей святыни
И честь твою не оскорбит.

Его любовь перетерпела
И гнёт сомнения в тиши,
И вопли жаждущего тела,
И одиночество души.

Она, как огненное знамя,
Вела, храня, как лучший щит,
Её негаснущее пламя
Ни жизнь, ни смерть не победит.

Пусть пульс замрёт, пусть рухнет тело,
Но разве пламя лишь в крови?!
Нет ни конца и нет предела
Всепобеждающей любви.

Разлуки боль даст радость встречи,
Когда есть верность до конца,
И чем она надчеловечней,
Тем ярче блеск её венца.

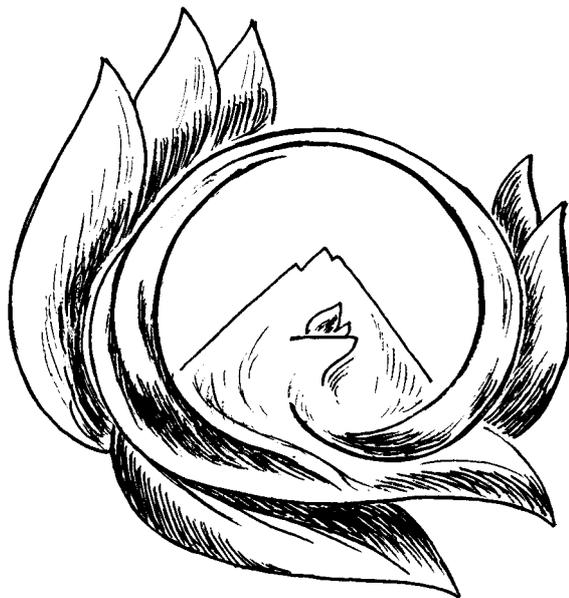
Не всё ль равно, в каком там плане,
Когда и где — но вижу — вот:
Сквозь дым редющий страданий —
К нам радость яркая идёт.

Не всё ль равно, в каком там месте
Она нам даст на боль ответ!..
Как хорошо нам будет вместе,
Моё Тепло, мой нежный Свет!

Тогда подумай лишь, родная,
Деля и горе, и восторг,
Мы вновь пойдём, вдвойне пылая,
В неограниченный простор!

Вдвойне? А может быть, стократно!
Неразлучимы с той поры,
Мы вступим в море необъятной
Любви, рождающей миры.

СОТНЕЛІСІБ

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Жребий брошен: ты встал на стезю боевую
И пошел в наступленье, сжигая мосты.
Ничего, что сегодня враги торжествуют,
Победителем завтра — останешься ты.

Пусть пылает горнило суровых лишений,
Пусть смеется во тьму торжествующий враг;
Каждый камень преград — это камень ступеней,
По которым пройдет не замедливший шаг.

Ты ведь шел в этот мир не на радостный праздник.
Как Великий Учитель на древнем кресте,
Свою самость ты предал безжалостной казни,
Чтоб пробить через хаос врата к Красоте.

И когда ты, отвергнув путь ровный и зыбкий,
Словно слон поднимаешься, камни дробя,
Кто-то видит твой путь, и сверкают улыбки,
Кто-то знает — ничто не задержит тебя!

1939 г.

ОБЕТ

Я даю нерушимый обет —
Пусть он будет, как смерть, непреложен,
Что мой меч, обнаженный за Свет,
Не коснется покинутых ножен.

И не будет светлей ничего,
Чем улыбка Вождя неземного,
Солнце-солнц — это сердце Его,
Мудрость — мудрости тихое Слово.

В напряженных и грозных боях
Понесу я то Слово отныне,
Как последнюю пищу во льдах,
Как последнюю влагу в пустыне.

Понесу ради нищих сердец,
И в награду одно лишь земное,
Я приму лишь терновый венец
У знамен неземного героя.

27.06.1941 г.

* * *

Орлы летают высоко,
Но не завидуйте орлам,
Им в небе так же не легко,
Как не легко на скалах вам.

УЧИТЕЛЬ

Твой Облик как знамя в борьбе,
Как символ любви необорной...
Учитель, дойду ли к Тебе,
Пройду ли над бездною черной?

Но сломлена тесная клеть,
И я не могу не стремиться,
Как солнцу не может не петь
Свободная певчая птица.

Зачем же пытаться о судьбе,
Зачем же тенета сомнений,
Когда устремленье к Тебе
Ничто никогда не заменит.

1940 г.

* * *

Пусть пламя промчится по кругу
И сделает души дружной.
Чем выше, тем ближе друг к другу.
Чем выше, тем дружба сильней.

Но круг не имеет значенья,
Без сердца всё внешнее — сор,
Когда красоту единенья
В кругу разрушает раздор.

МОЛИТВА

В полумраке ли древнего бора,
На горах ли в дыму облаков,
В океане ли — царстве простора —
Ты везде нам на помощь готов.

Только Ты светишь в волнах печали,
Только Ты проведешь по тропе
Среди пропастей в горные дали.
Помоги нам — идущим к Тебе.

И настанет когда-то мгновенье:
Раскаленные чистым огнем,
Мы приложим Твое Откровенье
И сольемся с Тобой в Одном.

Труден путь наш — дерзающих Света,
Но Ты с нами повсюду, везде,
Твоим Именем сердце согрето —
Помоги нам — идущим к Тебе.

1934—39 гг.

ПРИКАЗ

Час настал. Твоего лишь сигнала
Устремленные воины ждут.
Еще миг, только миг, и устало
Стихнет поступь последних минут.

Мир замрет, и сверканием стали
Точно молнии вспыхнут глаза,
И тогда напряженные дали
Разорвет огневая гроза.

И тогда, содрогая равнины,
Я пойду миллионами ног,
Как падение грозной лавины,
Как вспененный гремящий поток.

И не страхом, не купленной клятвой —
Я прославлю приказ Твой в бою,
За один лишь приветливый взгляд Твой,
За одну лишь улыбку Твою.

1940 г.

СОЛНЕЧНЫЙ ПУТЬ

Час пробил (его мы долго ждали).
Бросив ветрам крылья парусов,
Мы отходим в солнечные дали
От холодных лунных берегов.

И туда лишь сердце устремленно,
Где ни злобы, ни гонений нет,
Где навстречу пламя, как знамена,
Поднимает золотой рассвет.

Ночь теперь не будет хмурить брови —
Светел солнца светозарный щит,
Нет, ничто теперь не остановит.
Путь теперь — ничто не преградит.

И решимость будет тверже стали,
С ней пойдем к познанию миров,
Потому что солнечные дали
Нам милее лунных берегов.

14.06.1940 г.

ПЕСНЯ

Пусть ветры восставшие мечут
Навстречу нам бешенство вод —
Вперед. Ураганам навстречу,
Навстречу стихиям — вперед.

Что было, что будет чудесней,
Чем, сердце наполнив огнем,
С улыбкой ликующей песни
К Любимому плыть напролом.

Что было, что может быть шире
Для нас — покоряющих кровь,
Чем самая светлая в мире,
Чем лучшая в мире Любовь.

13.06.1941 г.

* * *

Гори, далекая звезда,
Ты потому-то так любима,
Что любим вечно мы тогда,
Когда любовь недостижима.

ДУША

Всю жизнь душа чего-то ожидала,
Готовилась смутно к чему-то,
Но все отошло, и настала
Последняя в жизни минута.

В последней конвульсии тела,
Быть может, тебя осенило,
Чего ж ты, душа, хотела,
К чему твое сердце стремилось.

В последнем предсмертном виденье
Пришло озарение грозно,
Когда оставались мгновенья
И начинать было поздно.

* * *

Как гнус устремляется к свету,
Зажженному в летнем саду,
Так враг устремится к аскету,
Когда загорается дух.

ГАДАНИЕ

Знаю я, исполнится гаданье,
Час пробьет, они за мной придут.
И меня на крестные страданья,
На позор и гибель уведут.

И за то, что в мыслях непреклонных
Лишь Тобою я дышал и цвел,
Будет страшна ярость исступленных
И в темнице ледяный пол.

Но на звезды посмотрев в оконце,
Я и этот рок благословлю
Ради Той, которая как Солнце,
Ради Той, которую люблю!

* * *

Цветок засушенный и найденный случайно,
Осыпаться готовый от дыханья.
В нем захоронена, быть может, тайна
Когда-то где-то бывшего свиданья.

Но он молчит, он никому не скажет,
Он никогда не будет говорить,
Он промолчит, когда те двое даже
Уже не будут ни любить, ни жить.

АТЛАНТИДА

Размолот жерновом времен
Гранит величественных зданий.
Растаял в бездне гул имен
И шепот трепетных признаний.

И там, где долгие века
Шумели бурной жизнью страны,
Молчанье мертвого песка
Хранят безмолвные бурханы.

И шепот ласк, и гром войны,
И марш величественных строек —
Всё смолкло в бездне тишины,
Всё сожжено в песчаном зное.

Где шелестящие леса?
Где звонко плещущие реки?
Где голубых озер глаза,
Их немигающие веки?

Где ныне гордые цари?
Красавицы их жены где-то,
Где полководцы, бунтари,
Певцы, строители, поэты?

Народов список был велик,
Он канул в Лету длинной лентой.
И стал огромный материк
Лишь легкокрылою легендой.

НЕ ЗОВИТЕ!

Уснувших не зовите — бесполезно!
Лишь бич судьбы пробудит их от сна.
Не повернуть низвергнувшихся в бездну,
Пока они не долетят до дна.

Пусть те из них, кто не порвет о камни
Священную, серебряную нить,
Разбитые, истерзанные — сами
Опять начнут когда-то восходить.

Конечно, жаль ушедших без возврата,
Отдавших горсть жемчужин дорогих
За лепесток безумного разврата!..
Конечно, жаль — но... не зовите их!

1963 г.

* * *

В тот час, когда Он приоткроет шире
Завесу тайн над миром суеты,
Я вдруг пойму, что в этом грозном мире
Всё только сон, который видишь ты.

СЕВЕР

*Вариант стихотворения “Север”,
ранее опубликованного в сборнике “Вперед и выше”.*

Север, стремящий сиянья
Веером стрел огневых, —
Слава вписавшим названья
В карту просторов твоих,

Где-то за грозной границей,
Где не ступала нога,
Где лишь серебряной птицей
Пела о смерти пурга.

Там, на полях омертвевших,
След оборвав навсегда,
Стали гробницами смелых
Крепости звонкого льда.

Там прочитали лишь ветры
Книгу геройства и мук
Ваших шагов, когда метры
Рвались у смерти из рук;

Ваших шагов, когда холод
Сковывал тело, и лед —
Лед раздробляющий молот,
Сердце гремело: “Вперед”.

В ночь, когда вьюга лишь выла,
В черный провал без пути
Что за великая сила
Вас заставляла идти?

Слава ли? Золота ль кроха?
Нет, не за эти мечты
Вы до последнего вдоха
Шли до последней черты.

В холодом дышащем мраке
К Свету стремящийся свет,
Сердца пылающий факел
Вел вас к вершинам побед.

К Свету, к сиянью идущий
Подвиг ваш, многих поверх,
Светит как самый зовущий,
Самый влекущий пример!

Злоба, не та же ли стужа?
Тупость, не крепче ли льда?
Но восходящим сквозь ужас
Не повернуть никогда.

Им, полюбившим сиянье
Пламенной тленных наград,
Крыльями были страданья,
Лестницей — камни преград!

Север, стремящий зарницы
Веером стрел огневых, —
Слава прошедшим границы
Сказок твоих снеговых!

Вникнув в тайну Бытия

Творчество Николая Уранова

Сборник “Проза и стихи” Николая Уранова весьма актуален, привлекателен и интересен для современного читателя, несмотря на то, что публикуемые в нем произведения создавались полвека назад и в массе своей относятся к середине XX века, строже говоря, к его 30-60 годам. Минувшие десятилетия отнюдь не сделали яснее ответы на нравственные вопросы, которые столь же остро стояли перед поколением, пережившим войну, как и перед нашими современниками, пришедшими в мир после ее окончания. В современном человеке активно взаимодействуют и находятся в борении два диалектически противопоставленных начала: эпическое — зовущее служить своему народу, действовать, защищать его интересы, — и лирическое — стремящееся остановить мгновение, сосредоточиться на жизни своей души, прожить глубоко и эмоционально то, что встречается на земном пути. Утверждаемая ценность жизни человека, внимание к интересам личности, бесспорно, позитивны, но чреваты рядом опасностей. Одна из них — воспитание достойных членов общества потребителей, не способных соизмерять свои сиюминутные интересы с долговременными устремлениями и потребностями человечества. В самом деле, должен ли ты служить отечеству, которое не ценит тебя и не способно за тебя постоять, тебя защитить? Н.Уранов дает ответ на этот вопрос не только текстами художественных произведений, проводя героев через запутанные перипетии судьбы, но, прежде всего, собственной жизнью.

Оказавшись вдали от Родины в годы начала Великой Отечественной войны, он потерял возможность и право сражаться за свое отечество. Но трагизм ситуации не порождает в нем мысли и желания отступить и отказаться от больной Тьмой страны, а напротив, утверждает веру в триумфальную победу омытой кровью святой Руси. 22 июня 1941 года в день начала войны он пишет стихотворение “Родина”, в котором называет Россию знаменем спасения всего мира, рассказывает о славных

исторических победах русского оружия в борьбе с тевтонами, татарами, шведами, французами и завершает строками:

Обожженная огненной лавой,
Обагрённая кровью святой,
Ты пойдешь, озаренная славой,
И народы пойдут за тобой.

Родина. 22.06.41

На личную ситуацию невозможности открытой борьбы за будущее своей страны поэт Уранов откликается стихотворными строками, в которых сквозит живое чувство горечи отвергнутого сына, человека, отлученного от всенародного противостояния насилию извне:

В тот грозный день к Парижу подползала
Лавина крови, стали и огня.
Мы встретились в толпе гудящего вокала,
Мой друг-француз остановил меня.

Его глаза смотрели так тревожно,
Как слово “смерть” он произнес: “На фронт”.
О, если было бы и мне возможно
Пойти на смерть за Родину, как он!

О, если б мог и я себе позволить
Принять венец за Родину в бою...
И я завидовал ему до боли*,
Я, потерявший Родину свою...

11.08.1942

Он собирается обрести родину светлую, сразиться за ее просветление, сражаясь Словом. Обратим внимание на то, что решение это вызревает накануне начала грандиозных и ожесточенных вооруженных схваток:

* Здесь и далее выделение в тексте стихов Н.Уранова принадлежат автору статьи – Е.Н.Черноземовой. – Прим. ред.

В напряженных и грозных боях
Понесу я то Слово отныне,
Как последнюю пищу во льдах,
Как последнюю влагу в пустыне.

Обет. 17.06.1941

В послевоенном мире Уранов становится узником лагерей (1945—1956), как и многие, дерзнувшие мыслить самостоятельно. После освобождения живет в Сибири в поселке Вихоревка, потом до конца дней — в Усть-Каменогорске. В эти годы он считает самым важным для себя созидать идеи, способствующие формированию нового мышления.

Середина XX века — время, когда в Европе и Америке резко возрастает интерес к Востоку, медитативным практикам и идеям восточной философии. Уранов соприкоснулся и погрузился в существо ее идей в довоенный период в обобщенном синтезированном виде, изучая книги “Живой этики” и систематически обсуждая их в кружке приверженцев и последователей идей Рерихов в Харбине, руководимом Б.Н.Абрамовым. Как одно из ярчайших впечатлений харбинской жизни Уранов будет воспринимать присутствие на лекции Н.К.Рериха, к которому он не решился в силу пиетета подойти с вопросами. Влияние увлеченно изучаемого им материала скажется и в выборе тем творчества, и в их лексике, отчетливо запечатлеваемой в заглавиях поэтических произведений: “Учитель”, “Приказ”, “Обет”, “Устремление”, “Солнечный путь”.

Впоследствии одним из ведущих способов его работы становятся записи ментограмм — мыслей, пришедших сверху, синтезированных из пространства, без очевидной опоры на традицию или существующие тексты. Во многом такому способу работы способствовали сами обстоятельства жизни — отсутствие необходимой для работы литературы, когда материалом творчества преимущественно становится внутренний багаж человека. Но опять же самым образом жизни Уранов доказывает, что преград на пути развития человека не существует, если он осознает себя гражданином Вселенной. Его способ работы не уникален по методу. Вспомним творящего в застенках Даниила Анд-

реева, совершавшего прорывы в неведомое интенсивностью вчувствования. Но прорывы Уранова выделяются систематичностью работы, становятся ведущим творческим принципом.

Николай Уранов — псевдоним Николая Александровича Зубчинского (1914—1981), оставившего после себя тысячи страниц рукописей. В самом выборе псевдонима видится отношение мыслителя к своему предназначению, к судьбе своего творчества: оно будет долго покоиться в недрах земной тьмы, но при этом излучать невидимые лучи, оказывающие неотвратимое воздействие на умы и сердца людей. Самой творческой судьбой Н.Уранов чрезвычайно современен. История освоения его наследия предвосхищает сегодняшнее положение поэта в мире. Непубликующийся поэт стал феноменом современной культуры. Нынешнему обществу потребления “не выгоден” поэтический взгляд на мир, апеллирующий к духу и мысли, не выгодно и его тиражирование. Ничто из написанного Н.Урановым не было напечатано при его жизни. Миру середины XX века, сориентированному на промышленное строительство и военное противостояние, не ко времени были идеи уникальности личности и беспредельности мироздания, разрабатываемые Н.Урановым. Многие из высказанного им оказались новаторским и отчасти странным для времени создания этих произведений, хотя в 1922 году была создана “Аэлита” А.Толстого. Но если мастер слова, каковым, безусловно, являлся А.Толстой, заручился заведомо фантастической ситуацией полета на Марс, высказывая поразительно созвучные идеи тем, которые разрабатывал Уранов — обращения к Учителю, сверхдолгой истории человечества на Земле, пережившей взлеты цивилизаций и планетарные катастрофы, наличие хранителей древнего знания о строении и жизни Вселенной — то Уранов выстраивает свои произведения, описывая нарочито узнаваемые ситуации земной жизни. Прорывы во времени у него совершаются не с помощью машинных, технических изобретений, как у М.Булгакова, а в результате особого состояния сознания, причем достигаемое не с помощью специальных медитативных практик, а в силу повседневного творческого напряжения мыслей и чувств.

Большую часть наследия Н.Уранова составили записи размышлений об устройстве мира и назначении человека, родившиеся под влиянием изучения автором книг “Живой Этики”.

Отличительная черта оставленных записей — интенсивность и глубина мысли, яркость и четкость изложения, а также их краткость и фрагментарность при общей всеохватности и целостности воспроизводимой картины мира. Благодаря энтузиастам, взявшим на себя труд разобраться с рукописным текстом и подготовить его к печати, в числе которых ведущее место занимает спутница жизни писателя и мыслителя, его друг и единомышленник — Лидия Ивановна Зубчинская, часть наследия Н.Уранова оказалась опубликованной. Вышли в свет сборник философских очерков “Огненный подвиг” (1995), сборник ментограмм “Жемчуг исканий” и поэтический сборник “Вперед и выше” (1996) и несколько томов главного труда его жизни “Размышляя над Беспредельностью”.

Помимо записей-размышлений, перу Н.Уранова принадлежат несколько прозаических художественных текстов, как композиционно законченных, так и не завершенных, а также ряд поэтических сборников, объединенных издательским коллективом в книгу “Проза и стихи” (М., 2004). Художественные тексты Уранова популяризируют воспринятые и развитые им идеи бесконечности мироздания и долгого пути в нем человека, пути, длиною во множество жизней; существование Учителей человечества и возможность встречи со своим Учителем в земной жизни. Подчас эти идеи прямо высказываются, как это делается в повести “Соната В-moll” от лица Учителя, явившегося герою. Подчас даются через композиционный прием — пролог повести “Из глубины времен”, где инженер Туманов, забыв язык и ситуацию современного воплощения, переживает глубинное погружение в одну из своих прошлых жизней, о хитросплетениях событий и вынесенном опыте из которой и пытается рассказать, уча язык заново. Заметим, что фамилии центральных персонажей в произведениях Уранова, как и его псевдоним, оказываются говорящими: у Туманова — все, как в тумане, обретает очертания, проявляясь, как из-за дымки.

Сквозной темой творчества Н.Уранова стало испытание человека Любовью. Его герои сориентированы на интенсивный нравственный поиск, решение сложных этических проблем, поэтому они вдумчиво и беспристрастно всматриваются в себя. Автора явно занимает вопрос, в ответе на который не особенно продвинулся

современный человек, — о том, как сочетается сосредоточенность на своем внутреннем я с отказом от самости — решением любого вопроса в угоду своим страстям и амбициям. Может ли человек, ослепленный страстью, не лукавя с собой, не оправдывать своих поступков, ведущих к удовлетворению прихоти, а следовать трудным путем долга? Автор предоставляет читателям возможность, проследив за судьбами героев, узнать, как трудно отыскать различие между Любовью озаряющей, ведущей, и ослеплением прельщающей красотой, уводящей от цели, как легко их перепутать, приняв одно за другое. Огромную роль в обнаружении невидимых граней между полярными противоположностями Уранов отводит эпическому чувству, любви к родине и народу.

Создавая повесть “Из глубины времен” (1954), писатель, то ли заботясь о читательском интересе, то ли стараясь уйти от очевидных соответствий с современностью, относит события к древнему условно-историческому времени, воспроизводя жизнь вымышленной страны развитого кораблестроения и узаконенного рабства, в которой, впрочем, легко угадываются черты легендарной Атлантиды. Герой повести совершает чудеса самоотверженности, спасая внушившую ему любовь гордую прекрасную и неприступную незнакомку, смело идет за позвавшей его любовью, не боясь, все меняет в своей жизни, покидая отечество, где его, прекрасного кораблестроителя, подвергают позору и приговаривают к казни, поскольку спасенная незнакомка оказывается принцессой враждебного государства. Уйдя в стан врага, по законам эпического жанра, герой перестает быть героем. В своем ожесточении, противопоставив себя отечеству, он осознает трагическую ошибку только над трупами жены и детей, погибшими в результате иноплеменного вторжения, поддержанного его замечательным талантом кораблестроителя. Так союз двух физически прекрасных людей, минуты триумфа в момент желанного бракосочетания и казавшиеся оправданными высокой любовью деяния оборачиваются мерзостью предательства. Возвращение в себе чистоты чувства без размышлений о своей принадлежности к сообществу и обязанности служения ему, добровольно, как осознанной необходимости, на себя взятой, ведет к падению. В повести это падение воспроизводится, как метафорически, так и буквально: персонаж, не привыкший лукавить с собой, не в

состоянии пережить случившегося и бросается в пропасть с обрыва.

Самая духовно сильная фигура в повести — Учитель-отшельник, к которому герой приходит в самые нелегкие минуты жизни. Его присутствие проявляет еще одну нравственную проблему — умение держать духовную вертикаль непрерывно, а не хвататься за подсказки в моменты для себя удобные.

Тема Учителей человечества глубоко интересует автора. Она всегда сопряжена с необоримой верой человека в высшее предназначение земного пути и неостановимой устремленностью к обретению его постижения. Учитель — носитель высшего Знания — отвечает на поставленные человеком вопросы, только когда они сформулированы, только когда ученик готов выслушать ответ. Учитель может предстать в произведениях Уранова удаленным от суетной жизни мудрым отшельником, путь к которому известен и ясен, как в повести “Из глубины времен”, или обитающим высоко в горах вместе с учеником духовно развитым сильным существом, обладающим сверхзнанием, как в поэме “Майя”. Учитель может явиться к ученику, обладающему художественной натурой, способностью к сверхчувственному восприятию действительности из неведомого мира, как в повести “Соната В-moll”.

Центральная проблема различения высокой любви и губительного прельщения в повести соотносится с сюжетной основой поэмы “Майя” (1960). Исследование поэтом взаимодействий лирического и эпического начал в мире и человеке сказываются в неслучайном воплощении авторского замысла в жанре лиро-эпической поэмы. В заглавии произведения вынесено не только женское имя, как может показаться европейскому читателю, но также и совпадающее с ним понятие восточной философии, означающее обманчивую пелену, отвлекающую своей прельстительностью человека от пути эволюции. Здесь путь человека длиною в жизнь оборачивается кратким полуденным сном, который дан Учителем как возможность глубокого эмоционального переживания и быстрого обретения опыта. Относительно небольшая по объему поэма Уранова вмещает чувство общности с Вселенной и Вечностью, поиск пути, обретение истины.

Жанр лиро-эпической поэмы, рожденный на гребне развития европейского романтизма в первой трети XIX века, обретает под пером поэта Уранова новый вселенский масштаб, сохраняя

свои родовые признаки: сочетание интенсивно развивающегося действия с глубокой и ярко поданной эмоциональностью. В ней все находится в движении, в становлении. Описание в лиро-эпической поэме — это не остановка действия и наслаждение моментом, но всегда интенсивное проживание, движение. Уже в начальных строках поэмы дано поразительное по красоте описание, в котором живописны не столько прилагательные, сколько глаголы. В нем употреблено множество глагольных форм, позволяющих поэту передать, донести свое мироощущение действительности, находящейся в бесконечном становлении. Запечатлевая картины природы, при ее описании автор обращается отнюдь не к сравнениям, но к активному использованию глагольных конструкций, заставляя все двигаться, жить. Внутри находящегося в становлении природного мира долго и неспешно живут люди, способные к перемещению и познанию, они остаются “ленивыми и нелюбопытными”:

Сияло солнце золотое
Над грозной горною грядой,
Где пики в небо голубое
Врезались белою парчой.

А там, где пропасти **синели**,
Где **стлали** тени облака,
Вползала в трещины ущелий
Змеёй серебряной река.

На берегах её **светлели**
Заплаты редких деревень,
Где жизнь качалась, как качели,
Из царства сна в кипящий день.

Такими могут быть художественные возможности описания, в котором все дано через глаголы, через ритм качелей, который завораживает и приостанавливает поступательные, направленные движения, уводит за поволоку, дымку. Размеренное, словно движение маятника, качание, будто бы не позволяет вырваться из замкнутого круга.

Вслед за так воссозданным описанием появляется смысловое определение того, о чем же пойдет речь в произведении, в чем его

проблема и смысл. Они фиксируются в четверостишии, продолжающем повторяющийся ритм, заданный движением качелей жизни:

Там люди смертные родились,
Они трудились и, растя
Детей, старея, уходили,
Не вникнув в тайну Бытия.

Путь проникновения в тайну и составляет содержание и суть поэмы, исследующей проблему ученичества и краткого пути в поиске истины, возможного при мудром руководстве Учителя. Вся поэма — рассказ о способности преодолевать размеренность повторяющегося ритма жизни, колебаний ее качелей, с которых трудно соскочить и начать направленное движение вперед, к постижению тайны Бытия.

Установка на рассказ о поисках Истины, тайн Бытия ведет поэта к обращению к традициям издревле известного жанра притчи. Одной из жанровых черт притчи стало отсутствие словесно зафиксированной морали в финале. Это всегда рассказ, над которым нужно самостоятельно думать, из которого каждый сам должен делать вывод.

В форме лиро-эпической поэмы Н.А.Уранов рассказывает притчу об Учителе и ученике, вопрошающем о том, что такое майя. Из текста понятно, что у Учителя с учеником было обсуждение проблемы того, что реальность, проявленная в земном мире, вовсе не является высшей реальностью. Отсюда следовало, что нужно уметь смотреть на мир так, чтобы эта проявленность не застилала реальности высшей. Это сразу же рождает в памяти часто цитируемое стихотворение Николая Константиновича Рериха, обращенное к мальчику, ученику, в котором он просит не принимать за Небеса их прекрасное отражение в водах — не принять отражение за суть.

Отвечая на вопрос ученика, Учитель ведет объяснение не с помощью слов. Он заставляет ученика прожить ситуацию в соответствии с концепцией Учения. Там, высоко, в синих горах Учитель обещает ученику: он, безусловно, обязательно расскажет, что такое майя, объяснит ему, какие существуют ориентиры и что нужно делать, чтобы не ошибиться и не принять мнимое за сущ-

ностное, но прежде ученик должен спуститься с гор и принести Учителю хлеба. Собственно, этот уход и является моментом обучения.

Далее действие в поэме начинает набирать темп. Ученик, спускающийся с гор, лицезрит прекрасный мир в действии — в щебете птиц, в журчании ручья, у которого он наблюдает стремительно развивающуюся сцену: девушка в подвенечном платье срывая наряд, пытается броситься в поток. Ее преследуют всадники. Ученик спасает ее и, пораженный ее красотой, сочетается с ней браком. Они проживают долгую жизнь, вместе растят детей. Однажды ушедший по делам из дома лирический герой, возвратившись, застаёт свое жилище и поселок в разорении. Он теряет любимую, детей, родину, кров. В стенаниях, в мольбах он взывает к Небесам и говорит о том, что все чувства его мертвы и жить он больше просто не может:

Конец всему, достиг предела
Мой мозг. О Боже, я пропал!

В итоге его больше ничего не греет на свете, ничего не живет в душе. И в этот момент развития текста начинается особенным образом организовываться его пространство. Вдруг оказывается, что мир устроен гораздо более сложно, чем это открыто простому, обычному и обыденному человеческому видению.

И черный ужас в душу чела
Змеёй холодной заползал.
Конец всему, достиг предела
Мой мозг. О Боже, я пропал!
И морда страшная напротив
Разверзла яростную пасть.
Конец — мелькнула мысль — для плоти,
Но дух не может так пропасть.

Усложнение в организации пространства показывает, что есть еще мир духа, мир души, есть еще некий мир, в котором можно лицезреть то, чего нельзя видеть глазами.

И в этот миг во тьме далеко
Вдруг засветился странный лик,

Знакомый в дни, когда жестоко
С судьбою бился ученик.
И громкий крик рванул до неба
Зловещую глухую ночь: "Учитель!
Ты? Ты просишь хлеба!"
И, взвизгнув, волк умчался прочь.
И лик, приблизившись, склонился,
Закрыв собой небосклон:
"Вставай, мой сын, тебе приснился,
По крику судя, страшный сон".

Метафора страшного сна, за которую принята явленная жизнь, используется Н.А.Урановым для воссоздания и проявления мира сущностного, более реального, настоящего, желанного, чем мнимо-очевидный. Ученик оказывается прощенным за свою ошибку, которая была лишь обучающим обманом сна. Человек просыпается на том же самом месте и в то же самое время, где и когда он уснул, пройдя во сне огромный путь ученичества и обретя понимание и опыт различения истинного и мнимого. Таким образом, в поэме сложно организованным и изменяющимся оказывается не только пространство, но и время.

Итог глубочайшего умения обучать и воздействовать на строй чувств и через это глубинное воздействие менять сознание человека приводит к качественным изменениям в нем, к его готовности нести миру и людям новое знание:

Спускаясь с гор, уча народы,
Пойдешь ты свежим, молодым,
Благословив цветок природы,
Ты не удержишься над ним.

С этого момента ощущение красоты будет учить человека, но он не будет подвластным очаровывающим сетям, которые могут затягивать и не пускать дальше, становясь веревками качелей, увлекающих своим усыпляющим, обволакивающим ритмом.

Напутствие Учителя состоит и в том, что приоткрывшаяся Истина требует для своего освоения интенсивной работы духа и разума:

Теперь ты знаешь корень боли
И корень счастья. Выбериай.
Возьми свой меч свободной воли
И, с гор спустившись, побеждай.

Так в финале поэмы появляется словесно зафиксированная мораль. Вроде бы сформулировано, что, собственно, нужно делать, но жанровый принцип притчи сохранен: выбор остается за человеком. Мотив свободной воли делает финал поэмы открытым и свободным.

Поразительна датировка этой поэмы. За ее финальными словами стоит дата: 31 декабря 1960 г. Большое количество лирических произведений датировано 60-м годом. Будущим исследователям и комментаторам предстоит узнать, какими событиями был наполнен этот год в жизни поэта и мыслителя, что это был за год в его жизни, давший такое огромное количество словесно зафиксированных высоко прожитых мгновений.

Продолжая размышление над тем, в чем же состоит урок, запечатленный в поэме, постараемся увидеть в ней продолжение диалога о свободе воли, который велся на протяжении многих столетий. Год 90-летия Н.Уранова был годом 700-летия выдающегося, величайшего итальянского поэта Франческо Петрарки, менее известного как философа и мыслителя. На излете своей 70-летней жизни Петрарка написал удивительную книгу, которую назвал "Моя тайна". Это исповедальная книга построена как диалог между поэтом Франческо Петраркой и Блаженным Августином. Влюбленный в Лауру и воспевший Лауру Петрарка тяготеет чувством, которое пронес через всю жизнь. Он начинает сомневаться в своем выборе и в том, дала ли ему рост эта не осуществившаяся в земном плане любовь. В диалоге с Августином Петрарка утверждает: я вырос на этой любви, она меня воспитала, я прошел очень далеко, она меня многому научила. Но Августин отвечает ему: без нее бы ты прошел еще дальше. Явно Петрарку тяготит невозможность ясного ответа на вопрос, что есть явленная реальность и что есть суть. Но всем своим творчеством он доказал, что суть этого может быть найдена только в сердце, в его подсказках.

Мы становимся свидетелями мучительного диалога, давнего спора о сущности любви, который потом удивительным образом отразится в работах отца Павла Флоренского. В его диссертации доцента Московской духовной академии, защищенной в 1914 году — в год рождения Н.Уранова, в разделе “О любви” сказано: “Абсолютная истина познается в любви, но слово любовь разумеется [здесь] не в смысле субъективно психологическом, а в смысле объективно-метафизическом. Любовь и есть “да”, говоримое самому себе. Ненависть же это “нет” себе. Любовь сочетает ценность с данностью. Вносит в ускользающую данность должествование, долг. А долг ведь и есть то, что дает данности долготу”. Далее в работе о. П.Флоренского идет цитата из “Братьев Карамазовых” Ф.М.Достоевского: “Это любовь единит два мира, в том и великое, что тут тайна, что мимо идущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе”.

Мучительный поиск истины, мучительное всматривание в работу своего сердца содержится в творчестве величайших поэтов. 23 апреля того же юбилейного для Уранова года исполнилось 440 лет Шекспиру, известного всему миру своим поиском того, что же есть истинная любовь. Шекспировский урок заключался в том, что человеку свойственно ошибаться, свойственно признавать, выражаясь языком восточных учений, майю за истину. Именно в связи с этим человек обречен на страшные муки и вынужден проходить через страдания. Все шекспировские сонеты — это и есть путь большого сердца, которое не может отступить от допущенной ошибки, сердца, которое на ней настаивает. В конце цикла делается вывод о том, что все же придется все оставить и начать сначала. Потому что упорствующий в ошибке не обретает счастья. Но поэтическое и философское завещание Шекспира заключается в следующем: любая ошибка, любой урок всегда человека чему-то учит. Человек не может сам судить себя и оценивать, зачем ему была дана та или иная любовь.

Это глубокое размышление Шекспир гениально просто вмещает в одну единственную сонетную строку, которая остается не переведенной на русский язык, и, видимо, переведена быть не может. В 116 сонете английский гений задает такую систему сравнений: бушующее море — житейский океан, звезда — свет любви, истина. По ней влюбленный ориентируется как моряк.

Буквальный перевод этой строки таков: “И хотя высота стояния звезды определена, ценность ее остается неизвестной”. Неправильно определив высоту стояния звезды, моряк неверно определяет место в океане. В пространстве сонета, где путеводной звездой является любовь, а бушующий океан, по которому блуждает корабль, аналогичен дантовскому сумрачному лесу человеческих страстей, на поверхности лежит сравнение человека, неверно определившего высоту своей любви и потерявшегося в житейском океане, с моряком, неверно сориентировавшимся по звездам. Если любовь такого человека низка, а он относится к ней как к высокой, ведет себя как истинно любящий, уступая, прощая, вина во всех промахах только себя, он в итоге теряет себя и свое достоинство. Но мысль Шекспира более глубока, чем прочитанный в системе им предложенных сравнений вывод. Он настаивает на том, что даже верно определив высоту своей любви, зная о всех ее недостатках, человек не в праве (или не в состоянии) судить о том, что ему такая любовь даст как человеку. Может быть, научиться любить и быть самоотверженным, ясно видя и сознавая все несовершенство избранницы, самая большая ценность, которую обретает человек.

Петрарка ценой своей жизни утверждал любовь к Лауре, то же самое делал Данте, в страданиях взращивал свою душу Шекспир. Ученик в поэме Н.А.Уранова этот долгий и тяжелый путь проходит во время дневного сна. Пройденный им быстрый путь не менее напряжен и эмоционально насыщен. Существует ли знание о таком пути в европейском сознании 700 лет спустя после уроков Петрарки и 440 лет спустя после поэтических открытий Шекспира? Может быть, публикация поэмы Н.А.Уранова послужит делу популяризации идей ученичества, заложенных в восточных учениях. Ведь поэтически они освоены и трансформированы носителем русской культуры.

Совсем просто и ясно, хотя и в сослагательном наклонении вопрос о смысле земных тягот и испытании любви повседневной суетой рассказано в прозаическом отрыве Уранова “Посещение отшельника”, вновь тяготеющего к притчеобразности.

В повести “Соната B-moll” встреча с Учителем происходит трижды. Впервые Учитель является ученику для того, чтобы не дать погибнуть его таланту и чистой юношеской любви, чтобы

дать простой совет художнику не стыдиться физического труда. Этот совет-подсказка дается так явственно и в то же время неуловимо, что может быть воспринята как порождение собственных размышлений. Но совершенно очевидно, что жизненного опыта молодого художника абсолютно не достаточно, чтобы такое решение в нем родилось без постороннего вмешательства. Вторая подсказка Учителя — не поддавать под власть денег, всегда помнить о себе прежнем, о нуждах таких же, как ты, о том, что материальные средства — лишь орудия, с помощью которых художник идет по своему пути воплощения в зримый ряд своих идей и замыслов. Третий приход Учителя — раскрытие перед художником строения мироздания, допускающего встречи обладающих высшим знанием Учителей с людьми, к таким встречам готовыми, умеющими видеть знаки в творениях живописи и музыки, в обстоятельствах жизни. Но и подобным образом просвещенному и посвященному человеку свойственно ошибаться. Так же, как герой повести “Из глубины времен” принял прельщение за высокую любовь, художник Мартов из “Сонаты В-moll” не сумеет сохранить истинной любви, приняв ее за земное прельщение, которое помешает ему на пути художественного познания мира. (В фамилии Мартов также можно увидеть говорящее значение: юный, весенний, солнечный, у которого все впереди — тепло, цветение, созревание).

Музыкальная тема сонаты Шопена, проходящая через всю повесть, станет тем знаком-подсказкой, который был так необходим герою. Сам прекрасный музыкант, пианист-импровизатор, Уранов глубоко чувствует и передает воздействие музыки на человека. Лишь порожденное потрясенным человеком способно потрясать. Лишь ощутивший слияние со Вселенной способен это ощущение передать и вернуть мирозданию вибрации им же, мирозданием дарованные: “синяя-синяя ночь, и черные силуэты деревьев, и бесконечная бездна безлунного неба, усыпанная золотом бесчисленных звезд, — все содрогнулось и замерло, внимая трагическому року, нависшему над всем живущим, над всем рожденным и этим рождением уже обреченным на смерть. Грозные шаги неизбежного, так бесконечно глубоко отображенные в зловещих аккордах бессмертного траурного марша, надвинулись на него и, опрокинув еще таившуюся где-то надежду, хлынули неу-

держимым океаном в его смятенную душу. Когда, так нежно жалуюсь, звучало трио марша, он был бессилен удержать потоком хлынувшие слезы (...) И когда последняя часть, точно страшный пламенный вихрь, пролетела, испепеляя окончание трагического рассказа, и разорвалась потрясающей вспышкой заключительного аккорда, он вдруг почувствовал, что падает в черную бездну, где больше никогда не увидит так ослепительно блеснувший свет". В этом развернутом эпизоде художественного текста Уранова соединились лучшие черты его творчества: способность вписать чувствующего, воспринимающего человека в мироздание, представив несопоставимость их масштабов и мощи и выявив пустоту Вселенной без жизни, без человека, как тонкого инструментария Природы, без человеческих чувств и вдохновения.

Поэтическое наследие Н.А.Уранова состоит, прежде всего, из ряда лирических произведений малых форм. В них возникает облик достаточно глубокого и интересного поэта. Литературоведением разработан метод, позволяющий составить представление о творчестве того или иного автора по названиям его произведений. И безо всякой науки из личной практики мы знаем, что если хотим бегло ознакомиться с каким-то сборником, первое что делаем — открываем оглавление и смотрим на название произведений. Если названия нас чем-то увлекают, мы заглядываем на странички книги и входим в логику того или иного поэта, которую можем принять или отвергнуть, которой можем удивиться или, найдя созвучия своей собственной, обрадоваться. Наверняка в практике каждого были случаи, когда, открывая оглавление, он книгу откладывал сразу, понимая — это не мое. Одно перечисление названий стихотворений Н.А.Уранова подскажет нечто сердечно открытым людям: "Песнь сердца", "Счастье", "Единственная в мире", "Любовь к тебе", "Гонец", "Родина", "Единая цель", "Приказ", "Устремление", "В соборе", "Оплот верности", "Вечная битва", "Страна дерзаний", "Подвиг", "Смерть", "Вперед и выше", "Монолог Марии Магдалины".

Выдающимся филологом и мыслителем XX века М.М.Бахтиным для выявления художественных особенностей литературных произведений было предложено рассмотреть пространственно-временную структуру каждого из них. Применяя предложенный исследовательский ход к поэзии Н.А.Уранова, видим, что в

небольших лирических произведениях, призванных запечатлеть оттенок чувства или его формирование, обладая глубочайшим эпическим чувством, он открывает поразительно огромные пространства. Чувство принадлежности к роду не всегда, и далеко не всегда, сопрягается только с верностью и любовью к своей семье, чаще это чувство принадлежности к народу, к стране, чувство родины. У Н.А.Уранова столь же проникновенно и эмоционально насыщено чувство принадлежности Вселенной, Космосу и мирозданию.

Мы имеем дело с такой лирикой, которая делает очень личностной, наполненной, отнюдь не холодной и отстраненной идею Беспредельности и Вечности. Лирики начала XIX века считали: чем выше к звездам, тем холоднее — лирика перестает быть теплой, когда говорит о Вечности. В лице Уранова мы сталкиваемся с поэтом, который и о Вечности, и о Беспредельности говорит с глубинным человеческим теплом. И в стихах он остается философом и мыслителем, который сопрягает поиски западной, русской и восточной культуры и пытается рассказать людям: самое главное из того, что творится во Вселенной, происходит на Земле, здесь и сейчас. Самое главное во Вселенной, то, чем она живет — это та энергия, которую порождает человеческое сердце. Самые главные битвы Вселенной происходят здесь, в земной плоскости. Это утверждение, собственно, и разрабатывает поэзия Н.А.Уранова.

Е.Н. Черноземова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию	5
Предисловие к первому изданию	5
Повести	
Из глубины времен	7
Соната В-moll	67
Рассказы, наброски, размышления разных лет	
Камень Наполеона	125
История одной любви	128
Листок дневника	132
Музыка Листа	133
Посещение отшельника	134
Поэмы. Стихи	
Майя	141
Рассказ Марии Магдалины	155
Песнь сердца	162
Решение	163
Беглец	163
Вперёд	164
Серому	164
Распятие	165
Удары	165
Придёт!	166
Заклятье	166
Песнь сердца	167
Пенители вод	167
Единственная в мире	168
Север	169
Гонец	171
Родина	171
Без Родины	173
Любовь к Тебе	173

Единая цель	174
Сатурн	174
Венера	175
В тайге	175
Пусть всё сгорит...	175
Приказ	176
Огонь позади	177
В соборе	177
Оплот верности	178
Вечная битва	179
Страна дерзаний	179
Подвиг	180
Смерть	181
Легенда	182
Вперед и выше	182
Счастье	183
На смерть Патриса Лумумбы	184
Падший	185
В этот вечер...	185
Лебедь на синей воде	186
Мой альбом	187
Кто же знал?	188
Итог	189
Любимой	189
Зелёным глазам	190
Случайная встреча	191
На яхте	191
Два поезда	192
Что я для Вас... ..	193
Отплытие	193
Перед портретом	194
Ночью	194
Последняя встреча	195
Опавшая листва	196
Так просто и ясно	197
Альбом	197
Романс	198
Снимок	198
Первый поцелуй	199

Расплата	200
На реке	201
В рощах	201
Портрет	202
Встреча	204
Семидесятый день	205
В десятый раз	206
Победа	206
Стихи о тебе	207
У подножия ели	208
Вечная молодость	209
Устремление	210
Утешение	210
Лебедь на синей воде	211
Вот я умру... ..	212
Что год грядущий нам готовит... ..	212
Солнечный путь	214
Жребий брошен	215
Обет	216
Орлы летают высоко	216
Учитель	217
“Пусть пламя промчится по кругу”	217
Молитва	218
Приказ	219
Солнечный путь	220
Песня	221
“Гори, далекая звезда”	221
Душа	222
“Как гнус устремляется к свету”	222
Гаданье	223
“Цветок засушенный и найденный случайно”	223
Атлантида	224
Не зовите!	225
“В тот час, когда Он приоткроет шире”	225
Север	226
Е.Н.Черноземова. Вникнув в тайну Бытия	228
Содержание	245

Николай Уранов

ПРОЗА И СТИХИ

На обложке – акварель Н.Уранова

Составитель *Л.И.Зубчинская*

Предисловие *Л.М.Гиндилис*

Иллюстрации *О.Л.Чемодурова*

Макет обложки *В.Г.Шевелькова*

Редактор *М.А.Мальшева*

Корректор *Н.В.Дмитриева*

Компьютерная верстка *А.Я.Калинина, В.Г.Шевелькова*

Ответственный за выпуск *В.Г.Шевелькова*

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печ. л. 15.5. Тираж 300 экз. Зак.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Коломенской типографии.

140400, г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а.